

WARHAMMER
40,000

'War-torn tales of loyalty and honour.'
- SFX

BLOOD ANGELS
DEUS SANGUINIUS

The storming conclusion to
the Blood Angels saga!

James Swallow

Джеймс Сваллоу - Кровавые Ангелы

Отнибүс. Алый Бог Глава 1

Перевод с английского на русский

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Посреди всего сумасшествия, воин нашел себе маленький темный уголок - крошечное святилище тишины, в котором он смог отключиться.

До известной степени это было его убежищем, место, в котором он мог отгородиться от вояговорога сомнений и страхов, и

сконцентрироваться, вместо того чтобы искать ответы на вопросы, которые изматывали его.

Помещение когда-то служило подвальным хранилищем для летучих и горючих хитикалий, и густой воздух в нем все еще сильно

отдавал углеводородом. Сама вонь от него въелась в глухие, железные стены.

Он выглянул в дверной проем, чтобы убедиться, что никто за ним не следил, и, приложившись плечом, закрыл тяжелый

люк.

Тот с глухим ударом стукнулся о раму.
Заток был закрыт.

Треснувший биолютин на потолке тускло
мерцал, тонкие потеки зеленой,
светящейся жидкости окрашивали плафон.

Единственным настоящим источником
света в помещении была решетка,
находящаяся почти под потолком, которая
выходила на
нижний уровень улицы.

Время от времени через вентиляцию
доносился отрывистый треск лазганов и
отдаленные, похожие на волну, радостные
крики
толпы.

Он снял с висевшего через плечо шнура
тяжелый тряпичный мешок и бросил
поклажу на пол.

Узачество, с которым он это проделал,
казалось странным для огромной,
тускулистой фигуры.

Даже если не брать в расчет
характерную силовую броню Agentus

Астартес, воин представлял собой
впечатляющее зрелище в своей
тунике и робе; он даже босиком
возвышался бы над обычным человеком и
своим присутствием Космогесантник
заполнял

пространство комнаты.

Осторожно и с почтением он стянул
ткань с предмета, который так
кропотливо извлек из щельки уличной
часовни.

Он был погребен там, забыт людьми,
которые когда-то хранили ему верность, в
угодую новому объекту поклонения.

Эта мысль принесла негодование,
отразившееся на его жестком грубом лице,
и он усилием прогнал ее прочь.

Мешковина упала, и в сложенных чашей
руках Космогесантник держал икону
Единственного Истинного Владыки.

Это было изображение Бога-Императора
Человечества, в своей бесконечной
мудрости, сидящего на Золотом Троне
Терры.

Пальцы пробежались по старому, измученному заботами углу; он был сделан из обрезка меди с завода, кующего снаряды для

танков Леман Русс Имперской гвардии.

Он положил его на перевернутый деревянный ящик, оставив покоем в потоке света, падающего сквозь вентиляционную решетку.

Лучи прохладного, оранжевого солнца создавали слабое свечение.

Сложив руки на груди, подобно клинкам, скрестив запястья; его пальцы приняли форму двухголовой Имперской аквилы.

Один глаз

смотрел в прошлое, другой был устремлен в будущее.

Кровавый Ангел склонил голову и припал на одно колено перед Императором, затем широко развел руки, открыв свою грудь.

Сетка старых шрамов на предплечьях попала на свет, безмолвные трофеи сомений.

По руке красными чернилами шла

татүировка, изображающая каплю крови,
обратленную двүмя крыльями.

- Именем Святой Терры, - низким голосом
сказал он, - именем Сангвиния, Лорда
Крови и Красного Ангела, услышь меня,
Владыка

Человечества.

Дарүй мне толикү твоей самой великой
способности понимать сүть вещей и
направь меня.

Он закрыл глаза.

- Услышь эти слова, раскаяние твоего
заблүдшего сына Рафена, с Ваал Секүндүс.

Я утоляю тебя, Лорд Император, услышь
меня и мою исповедь.

ИНКВИЗИТОР Ратиүс Штель поднялся
на ноги, когда его медитация подошла к
концү и собрался.

Он потер ладонью лоб, касаясь
электротатүировки аквилы на лысой
такүшке и нахтүрился.

Чем ближе он подходил к осуществлению
своих планов, тем сильнее, казалось, что
это изнүряет его.

Он фыркнул и залез пальцами в нос; на них остались струйки крови и инквизитор скорчил гримасу при виде темной, пурпурно-черной жидкости.

Бережно он стер жидкость платком и наблюдал как пятно распространяется по ткани, двигаясь по хлопковым нитям словно рак.

Шмель скатал платок в шар и спрятал его во внутреннем кармане рубы, накинув на плечи тяжелый плащ своего Оргена.

Символ Верховного Инквизитора, стилизованная заглавная медная "Т" была украшена бело-золотым черепом, свисая на цепочке

вокруг шеи. Шмель отсутствующе потрогал ее.

Были времена, когда он чувствовал как медальон превращается в петлю, принижает его, связывает его с телочным человечеством.

Он взглянул на эмблему, стирая с ее поверхности темные пятна крови.

Достаточно скоро он избавится от него,

избавится от всех атрибутов, которые связывают его с богом-труном.

Штель выбрал момент чтоб оглянуться, на стены, до сих пор испорченные тусклыми коричневыми отпечатками рук и брызгами

старой, запекшейся крови.

Во время битвы за Шенлонг, это место было комнатой одного из десантников Хаоса из Несущих Слово, местом самых жестоких

зверств, где гражданских заживо потрошили в качестве покаянного жертвоприношения Губительным Силам.

В то время как большинство комнат в крепости Укари были очищены и переосвящены, Штель не привлекая внимания обеспечил

чтоб эта стертельная комната осталась нетронутой.

Здесь, где кричащие души растерзанных выгравировали свою боль на камнях и цементе, инквизитор нашел, что завеса тежду тиром

и варпом истончилась.

Отдыхая здесь, позволяя своей душе парить свободно от органической оболочки, Штель мог почувствовать слабую, обольстительную ткань эмпирей, такую манящую, но недосыгаемую для него.

Это был намного более священный опыт, чем коленопреклонение в фальшивом почитании Императора Человечества.

Штель оставил протозглую комнату позади и вышел, найдя ждущих его снаружи почетных стражей.

Возвышаясь над ним в своих облачениях из кератитовой брони, с болтерами в руках, они мало походили на людей, скорее на живые

статуи, вырезанные из красного камня.

Только отполированное до блеска золото шлемов выделяло их из рядов костодесантников Кровавых Ангелов.

Штель не обратил на них внимания.

Он не знал кто эти воины, их имен, чаяний и мечтаний, ничего; но правде, они волновали его еще меньше чем серво-

черена, которые поднялись с пола на своих
гравитационных импеллерах, когда он
зашагал прочь.

Серебряные шары гудели позади него,
бдительные как ястребы, далее, в гвух
шагах позади шли десантники.

У перекрестка коридоров стоял
ожидаящий лекстеханик Штеля, шатаясь
туда-сюда.

Он приветственно качнул головой.

- Ваша медитация окончена?

В пределах комнаты сервитор
становился нервным и избрал для себя
остаться снаружи.

- Появились вопросы, требующие вашего
внимания.

- В самом деле, -

- ответил он.

Последние следы темных тизмов,
туманящих разум Штеля исчезли,
чарующие остатки нежности варпа
отступали.

Ему не хватало их.

- Ваша служанка Улан спустилась с

Беллуса с новостями, -

- продолжил лекстеханик, -

- с заботами, которые она не пожелала доверить мне.

Неужели в голосе сервитора были нотки уязвленное гордости? Штель сомневался в этом; разум его илота был настолько тщательным

уничтожен на его службе, чтоб эти жалкие останки вряд ли содержали личность.

- Она ожидает вашего снисхождения в часовне смерти, инквизитор, -

- добавил сервитор.

- Хорошо, я уделю ей внимание до того как я...

Взволнованный, бессловесный крик разорвал воздух и от неожиданности Штель закрутился.

Его рука последовала к рукоятке элегантного лазгана на поясе, но его действия были медленными и неторопливыми по сравнению

со стремительными движениями

почетного караула.

Кровавые Ангелы мгновенно вскинули болтеры, направив оружие на три фигуры, появившихся в боковом коридоре.

Во главе группы был мужчина, с красным лицом и водянистыми глазами.

Одежды его и двух женщин вместе с ним, были несколько неопрятны, но богатого, напыщенного покроя.

Штель решил, что они скорее всего из торговцев Шенлонга, лишенные своих земель, все еще цепляющихся за изысканный образ

жизни еще до вторжения Несущих Слово.

- Милорд, инквизитор! - Сказал мужчина, его губы дрожали. -

- Простите меня, но...

Он на пол шага приблизился к Штелю и внезапно там оказался один из десантников, блокируя тому путь темной красной стеной.

- Назад, -

- проскрежетал Кровавый Ангел.

Лекстеханик повернулся к другому

десантнику.

- Как сюда проникли эти гражданские?

Эти уровни крепости Укари запретны для всех, кроме слуг Аркио Благословенного и Бога-Императора.

При упоминании Аркио, пара женщин ахнула от изумления.

Мужчина сотворил знак аквилы и склонил голову.

- Пожалуйста, простите меня, господа, но испытывая набожность к его имени, мы постелились пройти стражу ниже.

Шмель настешиво поднял бровь и шагнул вперед, мягко отогвизая в сторону болтер десантника.

- В самом деле? И какое подношение вы хотели бы сделать?

Мужчина облизнул губы.

- Я...

Мы...

Мы надеялись лично увидеть Благословенного.

Чтоб попросить его благословения.

Он смахнул слезу с глаз.

- Все что у нас было, отобрано во время вторжения.

У нас теперь ничего нет.

Про себя Штель глумился.

Эти напыщенные чурбаны хнычут над потерей денег и имущества в то время как остальные на Шенлонге едва могут себя

прокормить.

Слова тужчины только усилили ненависть инквизитора к коррупции Императора, изъеденный червями каркас общества, которые

служит только чтоб прославлять полномоченных и богатых.

Внешне Штель ничем не выдал ни одну из этих мыслей.

- Те из нас, кто покажут свою преданность Благословенному, будут вознаграждены. - сказал инквизитор.

- Вы покажете ее?

Торговец быстро быстро закивал.

- О да, да! Тому, кто освободил нас, я с радостью отдам все что могу и взамен попрошу только о благословении.

- Вы отдадите все, что можете, - повторил Штель, позволив слабому намеку на улыбку пробежаться по губам, пока он изучал женщин.

Родственная связь между ними была очевидна.

Младшей из них было не более шестнадцати лет, она смотрела на него широко раскрытыми глазами.

Она была по-местечковому привлекательна в своей девственности.

Другая, примерно его возраста, имела покорный вид, усиливающий ее притягательность.

Штель рассматривал обоих; возможно он мог себе позволить отвлечься.

- Это ваша жена и дочь? - Спросил он, вопрос повис в воздухе.

- М...

Мужчина пытался подыскать ответ и не нашел его.

Штель кивнул.

- Отведи их обоих в мою комнату, -

- сказал он почетному караулу и
десантник повиновался, сопровождая
женщин под прицелом болтера.

- Я призову их обоих на досуге.

Инквизитор кивнул мужчине.

- Ваше подношение велико.

Вы ценный слуга Благословенного.

Когда он продолжил свой путь в часовню,
Штель услышал как мужчина бормотал
сбивчивые, ломанные слова благодарности.

РАФЕН не осмелился зайти ни в одну из
толелен внутри крепости Укари, слишком
хорошо осведомленной о том, что он
увидит

внутри.

Солдаты с Шенлонга брали молотки и
золото для сложных мозаик и фриз,
которые не успели уничтожить силы
вторжения Хаоса и

вытаскивали их наружу.

Врага больше не было, они были изгнаны и

убиты, но люди, которых они ненадолго
поработили завершили секуляризацию,
начатую

Несущими Слово.

Изменился только объект их почитания.

В местах, санкционированных
Императором для поклонения, они
малевали грубые изображения символа
Кровавых Ангелов и

недавно созданную икону их
Благословенного Аркио, золотой нимб,
пересеченный сияющим копьем.

Это зрелище распяляло сердце Рафена
подобно факелу, но он не остеливался
открыто высказывать свои сомнения,
которые кипели

в нем, и уж тем более он даже не
собирался исповедоваться в таких местах.

Он не сомневался, что все что он скажет,
будет доложено Высшему Жрецу Сахиелю,
и дать ему услышать чистосердечные
мысли

Рафена, было бы смертельной ошибкой.

Так же Рафен не мог посетить ни одну из

церквей для простых людей и гражданских, вытеснившихся в щелях разросшегося города, между фабричных соборов Шенлонга, километровой высоты.

Вид костодесантника, даже без его освещенной брони, не останется незамеченным населением. И точно так же как люди в крепости

приняли в своем сердце нового кутира, так же и он, Аркио, которого величали Новым Лордом Крови, вытеснил Императора из всех

церквей по всему миру-кузнице.

Так что здесь, в тусклом и плохо освещенном помещении, на улице разрушенной снарядами и покинутой жителями, Рафен создал

свое место для молитв, маленькую, безопасную потайную комнату для своих встреч, где ни одно любопытное ухо не услышит его

молитв.

- Я должен исповедаться, -

- сказал он медному углу Бога-

Императора, - Меня заставили
отказаться от клятвы своему лорду
Ордена, отвернуться от Сангвиния
ради своего родного брата...

человека, которого они называли Аркио
Благословенный.

Рафен сдержал угрозы в голосе.

- Я не знаю во что превратился мой брат,
но только этого мое сердце принять не
может, то, что Сахиель и Шмель
объявили
самоочевидным.

Я не могу согласиться с тем, что Аркио
это перерожденный Сангвиний, и все же,
зная это, я принес ему клятву верности.

Он покачал головой, отвечая на не
заданный вопрос.

- В этом не было трусости, я клянусь.

Сангвинарный Высший Жрец Сахиель
наверняка бы казнил меня, если бы я не
преклонил колена перед Аркио, но с моей
смертью, больше бы никто ничего не
сказал против этого безумия.

Прости меня, мой повелитель, за это

гвүлицие.

В дыхании Рафена появилась дрожь.

- Даруй мне способность понять, -

- сказал он с просьбой в голосе, - укажи мне
путь.

Я спрашиваю тебя, что ты желаешь от
меня? На Кибеле, во время штүрта
нечестивых Несүщих Слово, я был готов
отдать свою

жизнь и стать по правую руку у Трона, но
в своей мудрости ты привел нас на
помощь Беллүс, с моим младшим братом
на борту.

Я дүмал, я был благословлен үвидеть
своего родного брата после такой долгой
разлүки...

Наши үзы крови сильны так же, как и
братство моих боевых братьев.

Кровавый Ангел вспомнил момент на
тире-гребнице, когда Аркио воспрянул в
мгновении самого черного отчаянья, с
планом как

обратить битву против Десантников-
Предателей; сверхъестественная вспышка

гениальности Аркио привела к тому, что
они сбили

боевой корабль Несущих Слово и выбили
собранных с Кибелы.

Поначалу, это, казалось, не более чем
случайным озарением родного брата
Рафена, но затем молодой Десантник
собственноручно

вырвал жизнь Сахиеля из рук демона,
сплотил воинов и стал главной фигурой, с
которую разбилась волна сила Хаоса.

К тому времени, когда они покинули
Кибелу на борту Беллуса, воины вслух
интересовались, а что если Аркио
затронуло

благословение Сангвиния, и затем был
момент, когда Копье Телесто, казалось,
доказало правдивость перегаваемых
шепотом
слухов.

ШТЕЛЬ оставил свою стражу у высоких
медных дверей в часовню и прошел внутрь,
когтистые железные ноги лекстеханика
прогрохотали за ним.

Астронавт Улан, сложив руки, стояла в центре комнаты.

Незрячие глаза смотрели из под капюшона ее темной робы и она поклонилась.

- Милорд инквизитор, - начала она, ее тихий тон был шепотом ветра среди могил.

Он приблизился к ней, на один краткий миг его взгляд скользнул по титановому контейнеру, который лежал на алтаре.

Мысль о том, какая мощь скрыта внутри этого глинного контейнера, заставила его захлебнуться от жажды, которую невозможно

было утолить.

Почти с физическим усилием, Штельс вернул все свое внимание к худой девушке-инсайкеру.

- Говори.

Улан взглянула на лекстеханика, и Штельс кивнул, оборачиваясь к нему.

- Сервитор, жди снаружи.

Машинный раб развернулся на пятка и оставил их наедине.

Когда дверь часовни закрылась с глухим стуком, Улан начала говорить.

- Проблемы на борту Беллуса возобновились, Лорд Шмель, - осторожно сказала она, -

- вопросы насчет судьбы астронаута Хорина и его хора запрещены.

По большому счету, сейчас больше нет связи с галактикой, все охраняется тной.

Шмель отмахнулся.

- Ты пришла сказать мне то, что я уже и так знаю?

Незаметно для себя, палец инквизитора дернулся, бессознательно повторяя нажатие спускового крючка, когда Шмель казнил штат

теленатов Беллуса.

- Я утвердил тебя в должности на борту боевой баржи, что ты была моими глазами и ушами.

- Так и есть, -

- ответила она, -

- у меня есть новости.

Предупреждение, которое было послано с
Шенлонга на Баал, сообщение Командору
Кровавых Ангелов Данте...

оно дошло.

- Данте ответил?

Она отрицательно покачала головой.

- Владыка монастыря на Баале предпочел
более прямолинейный ответ, Лорг.

Он отправил корабль.

Я перехватила твоя сигнал из глубины
материума.

Он вскоре прибывает.

Шмель признал это кивком.

- Ты знаешь что за тип корабля? Что-то
мощнее "Беллуса"?

- Вряд ли, -

- ответила она.

- Существует только один корабль
Кровавых Ангелов сопоставимый по
мощности с "Беллусом", в пределах
оперативного радиуса к

Шенлонгу, и это "Европа", лично под
командованием Лорда Мефистофа.

- Данте не послал бы своего лейтенанта Мефистона, не имея на то хороших доводов, -

- Штель вслух проговаривал свои мысли, -

- по крайней мере, не сейчас.

Нет, это должно быть сугдно поменьше.

- Появление подкрепления Agentys Астартес подвергнет стратегию опасности, -

- категорически высказалась Улан, -

- Они будут вне сферы нашего влияния и будут неизвестной переменной.

Эту проблему следует рассмотреть.

- Да, так оно и будет, -

- ответил инквизитор, раздумывая над ситуацией, -

- Возвращайся на орбиту и займи свой пост.

Свяжешься со мной в тоже мгновение, когда посланник Данте войдет в зону контакта.

Штель тербил серебряный гвоздик чистоты в ухе.

- Я должен подготовиться.

- Вновь прибывших бюджет не так-то просто обратить к верности

Благословенному, -

предупредила псайкер, -

Уничтожение будет лучшим выходом.

- Ты слишком узко мыслишь, Улан.

Командор Данте собирается представить мне ценную наглядную демонстрацию.

Махнув рукой, Шмель отпустил ее.

- Ступай.

Когда она осталась один, инквизитор позволил своему контролю ослабнуть и подошел к алтарю и металлической коробке на нем.

Серый цилиндр нес на себе печати чистоты и клятвы Ордо Еретикус и Кровавых Ангелов, некоторые были выгравированы на титане

и лично, другие, на полосах священного пергамента были прикреплены толстыми дисками восковых печатей с рельефом религиозных символов.

Он положил руку на поверхность контейнера и почувствовал теплое излучение от объекта внутри.

Конь Телесто, один из немногих выкованных и освященных объектов - так говорили мифы - самолично рукой Бога-Императора.

Инквизитор чувствовал что поддался магнетическому притяжению оружия, даже пока оно было успокоенно.

Шмель задыхался от ревности; каждый раз реакция оставалась той же самой, принимая во внимание Десантника Аркио и его

близость с артефактом.

Во время миссии Беллуса на территорию орков для того чтоб вернуть утраченное оружие археотехнологий, именно Шмель выдернул

его из рук зеленокожего военного диктатора, именно Шмель победно поднял его, но только в руках Аркио Святое Конь пробудилось.

На каком-то нижнем, животном уровне, он

не мог простить постоянное чувство
обиды, которое он ощущал по отношению к
молодому Астартес.

От отогнал эти мысли. Высшая часть
разума Штеля, хладнокровный как лег
двигатель, который просчитывал
сложные, как часовой

механизм, планы, мыслила основательнее.

Аркио был идеальным кандидатом, чтобы
пользоваться коньем, отличным
субъектом для почитания его боевыми
братьями - да и в

конце, руководство Штеля приведет
инквизитора к такой силе, что конь в
сравнении с ней покажется детской
игрушкой.

- МОЙ брат возложил руки на Коня
Телесто, -

Слова Рафена эхом отскакивали от
железных стен его рукотворное кельи для
медитаций, -

Святое Конь, которым обладал лично
Сангвиний и теперь...

- Его голос затих, воспоминания по

прошествии недель оставались такими же свежими, как будто прошло только мгновение.

На краткое мгновение Рафен снова почувствовал на лице святое сияние копья, золотой свет исходил с лезвия в виде слезы, когда

Аркио высоко поднял его древно в Великой Часовне на Беллусе.

Он старался из всех сил, но не мог объяснить то, что он видел в тот день.

Внезапное видение, как лицо его родного брата плавится и сливается на краткий миг в воплощение давно убитого примарха Кровавых Ангелов, крылатого Лорда Сангвиния.

- Это был его пример, который осветил путь этому заблудшему миру.

Голова Кровавого Ангела покачивалась, когда он обдумывал опустошение Шенлонга.

- Распаленное красноречием Инквизитора Штеля, мое братство требовало шанса принести кару Несущим Слово, которые

осквернили

Кибелу.

И только Брат-Сержант Корис и его грузья ветераны говорил о предосторожности, но их порицали за это.

Слова внезапно потекли из уст Рафена потоком, как будто высказать их вслух было равносильно тому как сбросить тяжесть с плеч.

Икона Бога-Императора спокойными и неподвижными глазами наблюдала за ним, безмолвно слушая разворачивающийся перед ней

рассказ Десантника.

Он раскрыл рот, чтоб продолжить и его захлестнули эмоции.

Рафен увидел перед собой лицо Кориса, грубоватого, старого боевого пса, в его твердом взгляде всегда светилась честь.

Это было одной из величайших привилегий службы Рафена, считать ветерана учителем и другом, но несмотря на все силы, которые

смог собрать десантник, это не удержало

Его бывшего учителя от трачной хватки
генного проклятья Кровавых Ангелов,
исковерканного неистовства боевой жажды,
известной как черная ярость.

Его перевели в Роту Смерти, как и всех
воинов, которые не устояли перед красной
жаждой, Рафен наблюдал как Корис,
подобно

древнему воину вновь переживал великую
битву Сангвиния против архи-предателя
Хоруса, доигрывая эту роль в глубинах
крепости

Икари.

- Он умер там, -

- обращался Рафен к своему богу, - и ты
забрал его в то место, которое он
заслужил...

Но он не так просто расстался с жизнью.

Его слова...

Он оставил мне предупреждение.

Разум Рафена заново проиграл этот
момент.

- Рафен.

Парень, я вижу тебя.

- Я здесь, старый друг.

- Чистейший зовет меня, но сначала я должен...

Предупредить...

- Предупредить? О чем?

- Шмель! Не доверяй сукиному сыну Ордоса! Это он довел меня до этого! Аркио...

будь осторожен со своим братом, парень.

Он был проклят силою, способной уничтожить Кровавых Ангелов! Я видел это! Я видел...

- Его нет, -

- признал Рафен, - и без него я чувствую себя оторванным, плывущим по течению и одиноким, в то время как мои братья приняли

цели Аркио, как свои собственные.

Я не вижу другого пути...

Я нарушил дисциплину, соблюдать которую ты клялся и чертов протокол...

Он покачал головой, подсчитывая чудовищность своих грехов.

- Под покровом лжи, я отослал весточку в монастырь на Ваале и Лорду Командору Данте, в надежде, что это положит конец этому

безумию...

Но в своей мудрости, вы еще не направили его сюда.

Рафен открыл глаза и взглянул на недвижимое лицо Бога-Императора.

- Я умоляю, повелитель, я должен знать.

Я еретик, инакомыслящий, отступник, заслуживающий только смерти? Если Аркио действительно переродившийся Сангвиний, тогда

почему я сомневаюсь в этом? Кто из нас сошел с пути, он или я?

- ЛОРД Инквизитор?

С вопросительным выражением лица Штель развернулся чтоб посмотреть на приближающегося Сахиеля.

Боевое облачение Сангвинарного Жреца поймало солнечный лучик из окон часовни, вспыхнув на белой окантовке, которая отмечала его броню.

Штель спустился от алтаря и зафиксировал на нем сердитый взгляд.

- Сахиель.

Где Аркио?

- Благословенный наблюдает за состязаниями на площади ниже.

Он повелел мне найти вас.

Сахиель сделал паузу, нахмурившись.

- У него есть вопросы.

Штель прошел к дверям с витражом и помахал рукой над спрятанным в стене сенсором.

Древние механизмы раскрыли стеклянные двери явив широкий каменный балкон, выступающий с середины крепости.

В тоже мгновение как открылись двери, волна звука хлынула в часовню; было слышно все сразу, скандирования и поздравления с

победой, крики утирающих, треск разнообразного оружия.

Инквизитор пошел на шум, к краю балкона, за ним последовал Сахиель.

Под нити, вся обширная открытая
площадь перед Цкари была окружена
наспех сколоченными из бараков
трибунами, обрамляя

кольцом хижин искусственную арену.

Поле стадиона было усеяно разбросанными
трибунами и небольшим количеством
слопанного настила.

Выстрелы вспыхивали и затихали и снова
все повторялось, когда люди роем кидались
друга на друга, некоторые были
вооружены

только тупыми глубинами и грубыми
ножами, некоторые цепко держали
лазурью или баллистическое, стабберное
оружие.

На трибунах ревели верующие, одобряя
убийства и число бойцов постепенно
снижалось.

Штель пристально посмотрел на
Сахиеля.

Кровавый Ангел наблюдал за
разворачивающейся битвой лукавым
взглядом, явно не впечатленный грубостью

сражения.

- Сколько к этому моменту? - Потребовал он ответа у священника.

- По последним подсчетам триста девять избрано,-

- ответил тот, -

Благословенный лично выбирал.

Шмель выгел как солнечный свет вспыхивал, касаясь огромной фигуры в золотой броне, парящей над битвой на ангельских крыльях.

Пока он смотрел, очертания мессии выделили жилистого мужчину с губами печати и кивнули ему.

Он бросил свое оружие и заплакал от радости, толпа еще раз проскандировала свое согласие.

- Еще один, -

- сказал Шмель, -

Очень быстро мы наберем тысячу.

- Таково желание Благословенного, - сказал жрец, -

Он получит свою армию.

Инквизитор отвернулся.

- Ты не одобряешь?

Лицо Сахиеля зарделось.

- Как вы можете такое спрашивать? Это приказ Аркио, и он Перерожденный.

Я не сомневаюсь в его мудрости.

Шмель улыбался.

- Воины Перерожденного, -

сказал он, указывая на людей, согнанных в зону ожидания у края арены.

- Тысяча самых ревностных и преданных Аркио...

И все же, есть Кровавые Ангелы, которых стущает решение собрать армию илотов.

Сахиель моргнул.

- Мы не сомневаемся, - отрезал он, - просто...

это ново для нас.

Поймите, инквизитор, мы жили своими жизнями под гнетом Книги Лоргов и Кодекса Астартес и набор простых людей идет в разрез

с теми убеждениями.

- Мы оставили позади время древних догм,
- ответил Шмель, - Аркио Благословенный
ведет нас в новую эру Кровавых Ангелов и
Воины Перерожденного просто отражение
этого.

Он указал на толпу уставших,
окровавленных бойцов.

- Взгляни на них, Сахиель.

Они дрались весь день и все еще могут
вырезать свои собственные сердца, если
Аркио потребует этого от них.

Когда он сойдет с корабля в своем великом
возвращении готовой на Баал, избранная
тысяча будет сопровождать его.

Они станут авангардом нового поколения
новичков Кровавых Ангелов, новым
поколением Агентус Астартес.

Когда жрец не ответил ему, Шмель
повернулся, чтоб выдать из него ответ;
но вместо этого увидел выражение
удивления на лице
Сахиеля.

- Благословенный...

- начал жрец.

Возникший из ниоткуда внезапный порыв ветра ударил в Штеля и он отшатнулся, подавляя побуждение закрыться руками.

Очертания, стремительные и яркие поглотили к краю балкона и зависли перед ним, заслоняя солнце Шенлонга.

Сахиель склонился в глубоком поклоне и ударил своим кулаком по символу окрыленной кровавой капли на своей грудной пластине.

Унквизитор взглянул в лицо поразительного благородства, облик который совмещал самый аристократический вид с многообещающим темным сердцем внутри.

В лицо, которое было отражением лица самого Сангвиния.

- Штель, - сказал Аркио, паря там на крыльях распростертых подобно огромным белым парусам, -

Я буду говорить с тобой.

- Я ВИДЕЛ как он нес смерть невинным, -

голос Рафена был глухим от мучений.

- Клянусь своей кровью, я видел как мой собственный брат пускал под нож мужчин и женщин, слишком желавших принять смерть, как будто это было каким-то ужасающим благословением.

Это не то, чему я посвятил свою жизнь будучи новобранцем.

Это не желание Императора, я надеюсь и молюсь, что это не так.

Аркио руководит этим миром силою своей натуры, с Сахиелем как инструментом и инквизитором Штелем, как вечным советником на его стороне.

Это не правильно.

Именем Алого Грааля, мой костный мозг вопит, что это не так!

Гнев вскипел внутри Рафена и выплеснулся, он вскочил на ноги, сжав кулаки, его слова отскакивали от стен помещения.

- Я молюсь чтоб Лорд Данте имел божий дар и мудрость, чтоб положить конец

этой проблеме до того как наш Орген
расколется на

части под ее весом, но до этого момента
я должен соответствовать зову своей
крови.

Он вздохнул, вспышка ярости стихала.

- Пока мне не будет знака, яркого и
неоспоримого, мое сердце будет
направлять мои деяния, отныне и впредь.

Рафен положил руку на икону
Императора и еще раз склонил свою
голову.

- Услышь меня, услышь обет Рафена, сына
Аксана, дитя клана Ломанного
Плоскогорья, Кровавого Ангела и Агентус
Астартес.

Я отрекаюсь от ложной клятвы, которую
я принес Аркио Благословенному и вместо
этого я возвращаю свою преданность
Сангвинию

и Богу-Императору Человечества.

Я клянусь, своей кровью, своим телом,
своей душой в качестве жертвы.

Это заявление, казалось, потребовало от

него всех сил и Рафен отшатнулся.

- Я клянусь, - повторил он.

После глинной паузы, он собрался и открыл люк, остановившись, чтоб бросить на святую икону последний взгляд.

Здесь, в этом забытом месте, символ будет в безопасности от рук тех, кто стремился поменять свои убеждения перед лицом нового

Крестового Похода Крови Аркио.

- Есть только одна вещь, в которой я абсолютно не сомневаюсь, - сказал он статые.

Единственное действие ради которого я нужен и за которое буду отвечать только я.

По каким причинам и когда - неясно для меня, но мой брат Аркио погибнет и я буду тем, кто убьет его.

Я знаю это всей кровью и это проклянет меня.

Рафен покинул комнату и свинцовая ноша его гилемты свалилась на него как только он вышел обратно, под солнце Шенлонга.

Он пробирался через разрушенные улицы и не оглядывался.

Перед ним рос огромный конус крепости Цикари, заполняя горизонт подобно чудовищному вулкану.

Глава вторая.

Аркио поставил ногу на балкон, шелестя крыльями за спиной и вскинул голову.

Сахиель упал на одно колено и отвел взгляд, в то время как Штель сдержанно поклонился.

Эти жесты, кажется, удовлетворили Кровавого Ангела.

- Лорд инквизитор, у меня есть вопросы.

Его голос был спокоен, уверен и с приказным тоном, без малейшего намека на колебания, которые изводили его в прошлом.

Штель сопротивлялся желанию улыбнуться.

- Благословенный, я отвечу на них, если стогу.

- Твои советы много для меня значили за эти последние несколько недель, - начал

Аркио, - и твои наставления помогли мне
понять

путь Сангвиния, лежащий передо мной.

- Я просто факел, чтоб осветить путь,

Величайший, - признал Штель, -

я взял на себя роль губернатора этого

заблудшего мира только потому что я

видел, что он в этом нуждался.

Ни один преданный слуга Империи не

сделал бы меньшего.

Этим я помог вам внести свою лепту...

Небрежным кивком Аркио признал это.

- У нас отлично потрудились здесь, не так

ли? Зараза Хаоса была выжжена с улиц

Шенлонга.

Сахиель ступенно прочистил горло.

- Все Несущие Слово, которые вторглись

на эту планету убиты, лорд, это правда...

Но наши поиски все еще ведутся, чтоб

найти и вычистить всех сочувствующих.

Штель наблюдал как Аркио воспринимал

слова жреца; совсем недавно, Аркио был

тем, кто скорее предлагал уничтожить

весь этот

мир полностью, чем дать шанс выжить
любимым когортам Богов Хаоса.

Но это было до его трансформации, до
жестокой дуэли Аркио с Темным
Апостолом Ускаваном Ненавистным в
мануфактории ниже
города.

Вместе с физическими изменениями,
Аркио так же поменялся и внутри.

Он стал, во всех отношениях, живой
реинкарнацией прародителя Кровавых
Ангелов, и бывший космогесантник
наслаждался своей
ново обретенной божественностью.

Он носил священную, искусно сработанную
золотую броню своего Оргена с
наглостью и высокомерием того, кто
был рожден
для этого.

Да, сказал сам себе Шмель, я правильно
его выбрал.

- Воины говорят шепотом и прячут от
меня свои страхи, - Аркио развернулся к
ним спиной и ходил по краю балкона,

наблюдая за

продолжающимся боем на арене.

- Но я все еще слышу их.

Лицо Сахиеля скривилось.

Что это за инакомыслие? Лорд Аркио -
если эти слабаки среди наших сил, я
должен об этом знать.

Почетная стража заставит их отречься
от таких ошибок!

Бровь Штеля изогнулась дугой.

Без особых подсказок Сахиель с
удовольствием вступил в роль
инквизитора, которая ему
предназначалась.

Жрец был настолько сконцентрирован
придерживаться слова своего нового
хозяина, что едва заметил что тот
санкционировал

порицание своих же собственных боевых
братьев.

Аркио медленно покачал головой.

- Нет, Брат Сахиель, нет.

Этих людей нельзя наказывать за их

страхи.

Каким бы я был лидером, если бы я отворачивался от каждого десантника, который остелился поинтересоваться? Глухым.

К этому моменту крылья воина сами сложились за спиной и спокойно лежали на ослепительно-солнечной броне Аркио.

- Если будет угодно Благословенному, -

- сказал Шмель, - что вы слышали?

- У моих братьев возникли противоречия, инквизитор, - сказал Аркио, -

Они смотрят на меня и видят истину моих изменений, что Великий Ангел возложил свою руку на мою душу и они верят.

Но по рядам Кровавых Ангелов здесь на планете и выше, на Беллусе распространяются разговоры.

Он указал на небеса.

Я слышал как воины говорили о Данте и Мефистоне и выражали сомнения в нашем братстве Оргена на Ваале.

- Они боятся что вас не признает Лорд

Командор, -

- вежливо сказал Штель, передавая слухи, которые он сам же, не привлекая внимания, и распространял.

Это было простым делом разжечь пламя несправедливости в десантниках, которых поклялись в верности у ног Аркио; это было

сущностью набожных, искать врагов среди тех, кто не разделял их верований.

Сахиель протестующе засопел.

- Лорд, вопрос вашего Вознесения тривиален.

Я гарантирую что да, возможно, боевые братья в монастыре на Ваале и имеют сомнения насчет вас, но когда они увидят вас, они

признают, как это сделал я - что вы Обазренное Божество, Перерожденный Ангел.

Аркио на секунду склонил голову.

- Ты в этом уверен, мой друг? Я все еще смотрю на свое собственное лицо и удивляюсь изменениям, которые принесла

мне судьба.

Смертные люди удивлены не меньше.

Штель точно рассчитал паузу прежде чем ответить.

- Благословенный, раз уж ты заговорил об этом сейчас, я должен признать что тоже слышал такие опасения среди грузей братьев.

Я решил не рассказывать тебе об этом, потому что думал что это тебя не волнует.

Он покачал головой, принимая покаянный вид.

- Я извиняюсь.

Тогда расскажи мне сейчас, Штель.

Что они говорят?

- Как ты и сказал, Великий Аркио.

Воины чувствуют себя оторванными от остального братства в грузих местах, благословенными твоим появлением в своих рядах - но

они боятся реакции Данте на твоей Возвышение.

Кровавый Ангел пригвоздил его
вопросительным взглядом.

- Но почему, Штель? Почему они боятся
этого? Данте хороший и выдающийся
командор.

Он выводил наш орган из напастей и
сражался более чем тысячу лет, его
личность безупречна.

Лицо Аркио озарила краткая, яркая
улыбка.

Я с радостью ожидаю момента, когда
смогу встретиться с ним, чтоб явить это
чудо.

И вот наконец она, лазейка, которую ждал
Штель.

С осторожностью он выстраивал свою
ложь и распространял.

- Но ожидает ли с такое же радостью
этого момента Данте? Когда ты войдешь
в великое крыло крепости-монастыря,
Данте

преклонит колено и поклянется тебе в
верности, как мы? Его Библиарий
Мефистон поклонится тебе? Что насчет

братъев Лемартеса, Корбъл или

Аргастеса? Они примут истину?

- Зачем им поступать иначе? - Мрачно спросил Аркио, -

Зачем им сомневаться во мне?

- Данте не был свидетелем твоего чуда, - прервал их Сахиель, - он будет искать подтверждения...

- Подтверждения? - Огрызнулся Аркио и яркой вспышкой белого развернулись его крылья, его глаза внезапно ярко засияли.

- Подтверждения отвергают веру и вера это все что у нас есть!

- Ты сам говорил, что Лорд Данте командовал Кровавыми Ангелами больше тысячелетия, - Штель подошел к Аркио на шаг, - и

некоторые могут возразить, это долгий срок.

Такие люди не отойдут в сторону так просто, Благословенный, даже столкнувшись с такой божественностью, как твоя.

И Мефистон...

Он покачал головой.

- Псайкер, которого они называют Лорд Смерть, всегда считал себя очевидным приемником главы Оргена.

Эти люди...

Я бы не стал рассчитывать на их великодушие в таком вопросе.

Аркио покачал головой.

- Нет.

Я не боюсь этого.

То, что случилось со мной это благословение от Императора для каждого Кровавого Ангела, для всего нашего Оргена, а не только

для десантников на Шенлонге и экипажа Беллуса.

Я был избран, Шмель.

Избран судьбой стать сосудом для сил намного мощнее своих собственных! Сангвиний дал о себе знать через меня, вернувшись к

нам после столь долгого отсутствия.

Я даже задумываться не буду об этом

чүдө...

Он сделал паузу, через его клыки прорывался рык, пока он унимал гнев.

- Это

будет причиной ереси среди моих братьев.

Нет! Этого не должно произойти.

Одним единственным прыжком Аркиос достиг края каменного балкона и спрыгнул с него, поток ветра наполнил его крылья.

Золотая фигура упала к арене, под громогласное подахлительство его воинов и подчиненных.

Шмель смотрел как тот улетает, осознавая что Сахиель подошел ближе.

- Хотел бы я, чтоб эти желания осуществились, - трачно сказал инквизитор, - но многое идет не так, как надеялся Благословенный.

Глаза Сахиеля смотрели куда-то в даль, как будто разум Аномекария был сконцентрирован на какой-то отдаленной, убегающей

точке, или событиях, которые еще не произошли.

- Вы...

возможно правы, лорд инквизитор.

Если Данте отринет Вознесение Аркио,
это расколет Кровавых Ангелов.

Жрецу было сложно сформулировать
трачные мысли.

- Может быть...

гражданская война.

Она послужит нашему Ордену лучше чем
все остальное, что было до этого момента
нами.

- В самом деле.

- нараспев произнес Штель, - и такой
раскол не будет сравним с созданием
Орден-Приемников, Кровопийц и
Расчленителей, Вермилионовых,
Обагранных и Сангвиновых Ангелов...

- Мы найдем сторонников в этих группах,

быстро добавил Сахель, - как только
распространится слово Благословенного.

Если случится то, что вы подозреваете,
Данте не сможет отрицать
Перерождение, когда все наши боевые-

братья поверят в это.

Инквизитор вздохнул.

- Возможно, Сахиель, возможно.

Я надеюсь эти нехорошие вероятности, которые мы рассматриваем только ими и останутся - но если нет, мы должны быть готовы.

Жрец наблюдал как Аркио парит и ныряет к великой арене.

- К чему, лорд? Уги войной на своих родичей? Я едва осмелюсь говорить о таких вещах.

- Если Кровавые Ангелы на Ваале не пожелают принять Аркио тем, кем он является, аватаром Мессией Сангвиния, их нужно

подтолкнуть, чтоб они поверили.

Штель поймал взгляд Сахиеля и задержал его своими холодными, блестящими глазами.

- Если они не поверят, тогда тех, кто сопротивляется божественному промыслу следует зачистить.

Высший Жрец ответил медленным,

вдвигнув кивком и Шмель спрятал улыбку.

...

...

Рафен сторонился больших торговых улиц пока мог, но в конце концов он был вынужден туда выйти, среди бесконечного

...

беспорядка рынков, переносимых святынь и толпы жителей Шенлонга.

Он был на дальней стороне от боевой арены Крепости Укари, но все равно звуки скандирующих толп наполняли атмосферу, октавами взлетая вверх и вниз подобно отдаленным волнам, разбивающимся о берег.

Десантник рассмотрел несколько групп взволнованных граждан, собравшихся вокруг громкоговорителей на дверях и окнах магазинов, колонки были наспех подключены к фабричной городской сети.

Из спикеровы вырывались гребезжащие комментари, поддерживаемые

взволнованными выкриками одних и
стонками от других.

Потрёпанная горстка писчих Империи
меняла вручную результаты пари, когда
кандидаты в Воины Перерожденного
утирали или
были избраны в тысячу.

Рафен делал что мог, чтоб держаться
края шоссе, он склонил голову и накрыл ее
капюшоном; но он мало что мог поделать
с тем, что возвышался над гражданскими,
самый высокий из которых едва достигал
плеч десантника.

С благоговейным шепотом они
расходились перед ним подобно воде,
обтекающей скалы.

Некоторые из них, наиболее стелые,
дотрагивались и проводили пальцем по
краям его одежды.

Он раздумывал над тем, чтоб обнажить
свои клыки и рыкнуть, чтоб держать их
на расстоянии; но что хорошего было в
этом, чтоб

привить этим людям еще больший страх

к его роду?

Что-то хрустнуло под подошвой его сандали и Рафен остановился.

Кончиком обуви он вытолкнул из грязи маленький сломанный предмет.

Он был вырезан из старой оловянной банки с рекафом и свернут в форму...

чего? Десантник осознал что за ним наблюдает тощий малец с открытым ртом еще редких зубов.

Уличный пострел был обмазан ржавой грязью, на его щеках красовались шрамы.

Перед ребенком была коробка, наполненная оловянными фигурками.

Рафен пригляделся.

Некоторые сделанные в ручную фигурки были грубой копией эмблемы Кровавых Ангелов, другие моделью Коня Телесто, там была

даже миниатюрная копия Костюмодесантника с крыльями.

Он указал на предмет у своих ног.

- Ты стастирил это?

Ребенок, не меня выражения лица, кивнул один раз.

Рафен подобрал раздавленную статуэтку и положил ее обратно в коробку.

Поближе он разглядел что этим юнцом была девочка.

На поврежденной части ее лица не хватало участка волос.

Он кивнул сам себе; ребенок попал в ореол плазменного выстрела.

- Тебе повезло, что ты выжила, - сказал он ей.

Она опять кивнула и закрыла рот.

На ее грязной тунике Рафен увидел значок с изображением нинба и копья, которые стали популярными среди приверженцев Аркио, и нахмурился.

Он рассмотрел содержимое ее коробки, затем взглянул на нее и поймал ее взгляд.

- Тут нет изображения Императора, -

- тихо сказал он, -

- ты больше не будешь делать другие с

этого момента, понятно? Только символы
Бога-Императора.

- Да, господин.

- когда она наконец заговорила, ее голос
был грожащим и писклявым.

Рафен развернулся и пошел прочь,
продолжая свой путь к крепости.

Позади него, люди с улицы боролись, чтоб
воткнуть деньги в руки девочке, внезапно
отчаянно захотев купить фигурку,
которую

трогал Кровавый Ангел.

КАПЕЛЛАН Делос ожидал его у подножья
крепостной башни.

- Рафен, -

жрец в черной броне жестом подзывал его
ближе, -

- Я не видел тебя сегодня на молитвах...

- Простите меня, но я сегодня молился в
одиночестве, Капеллан.

- ответил он, -

- я нуждался...

в уединении.

- Совершенно верно, -

сказал Делос, -

Ритуалы с оружием требуют самых серьезных намерений.

Это хорошо, что ты подготовился.

Жрец проводил его в огромный внутренний атриум крепости, мимо метровых грудь предметов поклонения и пластинок с просьбами, оставленных жителями.

- Я знаю, что эти времена были тяжелыми для тебя.

Рафен ничего не ответил и продолжал идти.

Капеллан воспринял его молчание за согласие.

- Смерть вашего Капитана Симеона на Кибеле, падения Кориса к красную жажду...

Он покачал головой.

- И твой брат...

Никто из нас попал в такой водоворот событий, как ты.

Но мне приятно, что ты пришел к пониманию триумфа благословения Аркио.

- Да, -

голос Рафена оставался нейтральным.

Делос, кажется, не заметил этого.

- То, что ты присягнул ему, радует меня,

Брат Рафен.

Я боялся, что ты так же можешь
уступить перед красной жаждой как Корис.

- Все, кто отказались впасти в нее? -

Внезапно спросил Рафен.

- Кто-то из боевых-братьев отказался
склонить колено перед Аркио?

Делос взглянул на Рафена со ступенной
ухмылкой.

- Конечно нет.

Ни один из Кровавых Ангелов не может
отрицать его Возвышение.

- Нет, - сказал Рафен, - конечно нет.

Капеллан шагнул вперед и открыл дверь в
комнату посвящения и знаками пригласил
его внутрь.

Комната была мрачной, свет
колеблющихся биолитинов создавал
повсюду голубовато-зеленую дымку.

В тенях двинулся паук с металлическими лапами и появился Техногесантник.

- Брат Люцио, -

сказал Рафен.

Люцио кивнул ему в подтверждение и жестом указал на низкую железную скамейку.

На ее поверхности лежали части силовой брони Agentus Астартес, вокруг стола дергалась троица сгорбившихся свервиторов, ожидающих команды Техногесантника.

- Мы начинаем, -

нараспев произнес Делос.

Без церемоний Рафен скинул робу, снял свою обычную накидку и сандалии, открыв сверкающую, цвета темного дерева, оболочку

его темного панциря.

Вживляемый состав из пластика и сплавов, темный материал которого был имплантирован ему под кожу верхней части тела в

возрасте семнадцати лет, был

заключительным этапом его инициации и трансформации из жителя племени Ваала в

костогесантника Кровавых Ангелов.

Нервные сенсоры и шунты слияния, которые распустились на поверхности панциря, открылись подобно клювам крошечных птиц, готовые принять интерфейсные гнезда его новой брони.

Когда Делос начал Литанию Вооружения, он раскачал в своих руках кадило в форме грааля.

Люцио выдал порцию команд запрещающих машинным кодом и один из сервиторов начал работу, подгоняя компоненты кодовой

силовой брони Тина VII к телу Рафена.

Костогесантник присоединился к литании там, где требовались его ответы для завершения ритуала.

Вокруг него скользнула термическая прослойка; гибкие миомерные мышцы окружили мускулы его конечностей, подстраиваясь чтоб

усилить и дополнить его физическую силу; после этого последовал внешний слой соединенного кератита и пластмассовой ткани, достаточно прочный чтобы выдержать попадание болтерного снаряда, выпущенного с двадцати шагов.

Рафен голыми ногами скользнул в пустые ножные латы, в широких ботинках, возвращаясь к жизни, загудели гироскопы-стабилизаторы.

Когда вокруг него обернулась броня, Кровавый Ангел почувствовал определенный комфорт от знакомого прикосновения и

ощущения боевого облачения.

Силовая броня, которую он носил с тех пор как был новобранцем была уничтожена в битве с чемпионом Хаоса Искаваном, столетняя

экипировка была разрушена когтями и клинками Несущего Слово.

Возможно некоторые детали его старой брони должны были остаться среди компонентов в которые он облачался, но в

большинстве

своем части, которые он одевал были от
доспехов мертвых воинов.

Внутренняя поверхность ботинок,
защита запястий, грудные пластины, на
них были многочисленные крошечные
строки священных

писаний, выгравированные острием ножа
за сотни лет.

Каждая часть кожаной брони несла на
себе историю ее обладателей, свиток
чести перечислял имена воинов, которые
шли в ней в

бесчисленные сражения.

Экипировка, которую Рафен теперь
называет своей, служила Оргену пол
тысячелетия или больше.

Один из сервиторов вручил ему латные
перчатки и Рафен сделал паузу.

Уля, выгравированное на керамике
защиты запястья, он знал.

- Беннек, -

мягко сказал он, -

Брат?

Люцио вопросительно посмотрел на него.

- Чего-то не хватает?

Рафен покачал головой, вспоминая смерть Беннека на Кибеле.

В его товарища попал вражеский заряд плазмы и его втоптала орда Несущих Слово.

Рафен заперхнул руки в латные перчатки и сжал их в кулак, тихо поклявшийся отомстить за смерть своего боевого брата.

Люцио склонился над ним и прикрепил левый наплечник Рафена, пробегаясь своей рукой с клещами по чеканной капле крови с крыльями на его поверхности.

Техногесантник взял правый наплечник и двинулся прикреплять его к руке, но глаза Рафена сузились и он рукой остановил Люцио.

Он указал на эмблему на правом наплечнике.

- Что это такое?

Вместе с традиционной белой каплей крови, символизирующей Третью Поту

Кровавых Ангелов, на броню был нанесен
новый знак -

золотое копьё окружённое ореолом.

Капеллан и Техногесантник обменялись
взглядами.

- В честь Аркио, брат, - сказал Делос, -
чтоб показать что мы присутствовали
здесь, свидетелями его Появления.

Рафен затешился, думая о своей клятве,
затем отвернулся и кивнул.

Не комментируя Люцио прикрепил
щиток.

В конце концов литания завершилась
благословением Капеллана шлема Рафена.

Десантник позволил сервитору водрузить
его на голову и услышал шипение и щелчки
шейного кольца, запечатывающего
экипировку.

Заключенный в привычную броню, он опять
почувствовал себя живым, вторая кожа из
металла и пластика была для него столь
же

естественной как дыхание.

Рафен встал на одно колено и сотворил знак аквилы.

- Я огоспешен сатим Императором, -
сказал он, вспоминая слова Данте
накануне компании за Алконис.

- Праведность мой щит.

Вера - моя броня и ненависть - мое оружие.
Мной не владеет страх и я горд за то,
что Сын Сангвиния, защитника
человечества.

Да, я действительно Ангел Смерти.

- Кровь за Сангвиния, - вместе произнесли
Люцио и Делос.

- Кровь за Императора.

Кровь за Аркио, Перерожденного Ангела.

За невыразительной маской дыхательной
решетки шлема, лицо Рафена потрачнело
от последних слов и он встал на ноги.

Люцио протянул ему предмет, обернутый
красным бархатом.

Десантник развернул накидку с болтера и
пробежался пальцами по поверхности
оружия.

Это был единственный предмет из его экипировки, который вышел невредимым из столкновения с Ускаваном и Рафеном. Он почувствовал

непонятную печаль, пока читал то, что он выгравировал на нем за все годы службы.

Он осознал, что болтер был остатком старого Рафена, Кровавого Ангела, который был доволен службой Оргену и Богу-Императору, который никогда не остеливался задаваться вопросом о своем месте в заведенном порядке; не то, что сейчас.

Он сдвинул затвор оружия и зарядил его, последнее действо ритуала было завершено.

Щелкнув ботинками по камню, Рафен взял болтер на изготовку.

От двери послышался голоса.

- А, мой брат снова здоровый.

Делос и Люцио поклонились, когда в комнату широкими шагами вошел Аркио.

Даже в тусклом освещении комнаты, золотая броня Кровавого Ангела, кажется,

сияла от внутреннего света.

- Благословенный, -

начал было Капеллан, но Аркио жестом призвал его к тишине.

- Делос, если позволишь, я бы хотел переговорить с родным братом наедине.

- Конечно, -

жрец жестом позвал с собой Люцио и двадцатисантника удалились, тех-сервиторы поковыляли за ними.

Аркио положил руку на плечо Рафену и улыбнулся.

- Я обещал, что ты выживешь, не так ли?

Рафен вспомнил слова своего брата после дуэли с Искарваном.

- Да.

Спасибо тебе, что спас меня.

Улыбка Аркио стала шире и еще раз Рафен был поражен сверхъестественной похожестю между новым видом Аркио и изображением Сангвиния, висящим в часовнях.

- Между нами не нужно формальностей,

Рафен.

Ты моя родная кровь, так же как и мой боевой-брат.

Он постучал по изваянию на грудной пластине своей брони.

- Я хочу, чтоб ты был на моей стороне.

Нам предстоит великая работа, брат, великие деяния, о которых заговорят во всей галактике.

Дисплей внутри шлема Рафена сказал ему об относительном расположении ближайших Кровавых Ангелов.

Снаружи комнаты стояла четверка почетной стражи, вместе с Делосом и Люцио; даже самые стремительные из них окажутся тут не

раньше чем через десять секунд.

Аркио стоял на расстоянии руки от Рафена, он был расслаблен и его бдительность, очевидно, была снижена.

Его брат был без шлема, виднелась его оголенная шея.

Рафен знал по весу своего болтера в бронированном кулаке, что магазин полон

патронов.

Не требуется многого; только рывок
занястья чтоб упереть дуло в грудь Аркио,
одно нажатие на спусковой крючок, чтоб в
упор

выпустить очередь.

Даже освященная, золотая искусная броня
не сможет противостоять такой атаке.

В тот момент Рафен представлял себе
выражение шока и боли на лице Аркио,
когда болтерные снаряды разорвут его
грудь, в

беспорядке вышибая его органы через спину
потокот жидкости и кусков тела.

Он мог почти чувствовать запах горячей
крови, ее вкус на языке вспыхнул, когда
красная жажда нежно коснулась границ его
разума.

Здесь и сейчас была такая возможность.

Все что Рафену нужно было сделать -
поднять свое оружие и убить своего брата
и он поставит точку во всех вопросах о его

Появлении.

Эта мысль была одинаково

отталкивающей и притягательной.

- Какие...

какие деяния?

Слова по своей собственной воле сорвались с языка.

- Крестовый Поход Крови, -

твердо ответил Аркио, -

как только я объединю Орден под нашим знаменем, мы соберем всех приемников, всех Сынов Сангвиния.

Во имя Грааля, мы вырежем раковое сердце Хаоса из нашего костюма.

Он взглянул на своего брата незамутненным взглядом, чистая сила его характера захлестывала на такой близкой дистанции.

Его мало интересовало сколько меньших людей умрет за такого как он.

Рафен почувствовал как его болтер потяжелел, как будто был сделан из нейтрониума, слишком тяжелый чтобы двинуть им.

- Как?

- Мы начнем с Мальстрема, брат.

Гнездно Несущих Слово подходящая первая
цель, да? Я буду лично наблюдать как их
порченный кадровый составы бюджет
уничтожен

воинами.

Как и безобразный Глаз Ужаса, чудовищная
область деформированного костоса,
известная как Мальстрем, была вратами
в царство

хаоса Губительных Сил, и это была та
самая деформированная зона, где Сыны
Лоргара основали свой родной мир.

Аркио кивнул сам себе.

- Командор Данте позволил им
наслаждаться привилегией жизни слишком
долго, я так думаю.

Как и говорил Сахиель, этого не
достаточно, что мы выбили их с Кибелы и
Шенлонга.

Мы должны вычеркнуть их из реальности.

- Жерц, - с прохладой в голосе сказал
Рафен, -

ты ценишь его слова больше чем слова

нашего Лорда Оргена?

Глаза Аркио сузились.

- Данте нет здесь, Рафен.

Данте не видел то, что видели мы, безжалостные намерения орг Ускавана.

Если бы мы не вмешались, мир уже был бы мертв.

Он отвернулся.

Я всегда читил дела и речи Командора Данте, но сейчас моя точка зрения изменилась, брат.

Во время миссии Беллуса, вдалеке от Ваала, возможно это случилось тогда, когда я впервые задумался, а было ли его руководство

для Оргена тем, что нужно...

Рафен испытал приступ удивления.

- Некоторые называли бы это мятежом.

- Кто? - Рывкнул Аркио. - Кто бы осмелился сказать мне это? Разве не наш старый учитель Корис говорил, что люди должны

подвергать сомнению все, во что они

верят, в противном случае они глупцы?

- И кто его научил этому? - Горько сказал Рафен. -

- Лорд Данте отличный командор.

- Да, возможно.

Возможно так и было, пятьсот лет назад, когда он был в расцвете сил, но что сейчас? Инквизитор навел меня на этот факт, Рафен -

среди всех его побед, разве Кровавые Ангелы по-настоящему занимают первое место среди равных перед Императором? Оглянись

назад, на смерть нашего брата Тихо в Улье Темпестора.

Один из величайших пал и ничего не было сделано? Мы должны были повести ответные силы и стереть в порошок десяток орочьих

родных миров в качестве расплаты за это.

И Данте не сделал этого!

Он отвернулся, показывая брату свои сложенные крылья.

- За двенадцать сотен лет во главе величайшего Ордена Легиона Астартес, что ты сделали чтоб получить контроль над нашим

генным проклятьем? Ничего!

Рафен не мог поверить в то, что он слышал, в голосе Аркио было открытое презрение.

- Брат, что привело тебя к таким мыслям?

Аркио спокойно смотрел на него.

- Я держал свои глаза открытыми, Рафен.

- Это Шмель? Сахиель?

Он пытался и не сдержал насмешку в своем голосе.

Кровавый Ангел фыркнул от устешки.

- Рафен, я читаю тебя как открытую книгу.

Теперь я понимаю почему ты колеблешься принять эти идеалы - не твое желание предотвращает это, а твоя гордыня.

Твоя...

конкуренция со жрецом запада глубоко тебе в душу, да? Ни один из нас не забудет того, что из-за него ты почти попался своим

шансом стать новобранцем Оргена.

- Ты прав, -

признал Рафен, -

- но не только моя неприязнь к Сахиелю окрашивает мои слова.

Я утешаю тебя брат, не следуй слепо советам жреца и инквизитора...

- Слепо? - Повторил Аркио, его настроение предвещало грозу, -

- О нет, Рафен, это ты отказываешься верить.

Он сделал паузу обустраивая свое раздражение.

- Но все еще есть время.

Я буду рядом с тобой, брат, потому что ты напоминаешь мне о том, что не бывает легких путей.

Я сомневаюсь и ты сомневаешься во мне.

Ты адвокат дьявола.

Аркио ярко улыбнулся ему и постучал по плечу.

- Спасибо.

Рафен смотрел как он уходит, рука на рукоятке болтера была твердой и неподвижной, как будто выкованной из железа.

В ТИШИНЕ Санктум Астронатика на борту Беллуса, Улан плавала в нулевой гравитации, переплетения механогендритов и медных

кабелей змеились из гнезд в ее черепе к рядам борточущих когнитивных машин.

Разум псайкеры был распылен настолько тонко, насколько она остеливалась, ее деятельность раскинулась широкой сеткой.

Ее концентрация была первостепенным делом; если бы она позволила своим мыслям течь дальше, даже на краткий миг, то

немногое, что было ее личностью разорвало бы на части ветрами эмпирей.

Сейчас она была науком, обосновавшийся в

центре паутины, которую она соткала из своей собственной пси-материи.

Улан шныряла там, ощущая любые волнения в завихрениях не материального варна, ища и наблюдая за образами.

Там были существа.

Она была осторожно, чтоб не позволить своему вниманию обратиться непосредственно к ним, бдительно наблюдая только за их

следом, который они оставили пролетая мимо, мерцание, которое осталось в анти-пространстве под их весом.

Улан хранила свой ужас от этих существ под самым жестким контролем; и ему нравился вкус страха.

Даже малейшее пятнышко могло привлечь их из пустоты подобно тому как морские хищники чуют каплю крови в воде.

Они летали так же быстро как и появлялись.

Улан снова слушала, наблюдала, ждала.

И наконец появилась ее цель.

Очень далекая, но сейчас быстро

когда оно выпало из его рук в
мануфактории.

С нежностью, Рафен настроил
определенную высоту музыки.

Это простое, рачительное действие дало
ему возможность сбросить концентрацию
с бурлящих забот на загворках его разума.

Погруженный в работу, он слишком поздно
осознал что кто-то еще вошел в
помещение.

Рафен поднял взгляд и сторщился.

- Вот ты где, -

с фальшивой легкостью произнес Сахиль,

- твоя новая броня хорошо тебе подходит,
брат.

Он вернулся к своему болтеру, не желая
тратить время на притворные
любезности с Высшим Сангвинарным
Жрецом.

- Я буду стремиться, чтоб это того
стоило.

- Рад это услышать.

Благословенный был весьма заинтересован

чтоб ты вернулся к исполнению
обязанностей.

Аркио...

Он кажется слишком милосерден в
отношении кровных родичей, чем с
остальными воинами.

Рафен перезарядил болтер и с силой
захлопнул магазин.

- Не надо со мной этой игры слов, Сахиель,
резко сказал он.

Неожиданно его терпимость к тщеславию
жреца испарилась.

- Ты пришел сюда чтоб мне сказать что-
то? Говори и уходи.

Сахиель покраснел, но смог скрыть в
голосе раздражение.

- Твоя резкость может быть расценена
некоторыми как нарушение субординации.

Рафен.

На твоем месте я бы взял это себе на
заметку.

Он наклонился, чтоб заговорить
тяжелым, низким шепотом.

- У Благословенного может быть и есть

причины устранить с тобой диспуты
насчет его божественности, но я бы не
стал

испытывать его терпение в дальнейшем,
брат.

Мудрый человек учит это, примет
предупреждение во внимание и будет
помалкивать.

- Твои слова могут быть расценены
некоторыми как угроза, Аномекарий, -

- подражая его тону ответил Рафен.

- И будут правы, - согласился Сахиель, -

если ты будешь продолжать возражать
Аркио, придет время когда его
покровительство ослабнет.

И когда оно придет, я с удовольствием
посмотрю как тебя заклеймят еретиком.

Рафен сердито вскочил на ноги, порывом
из позиции для стрельбы, его болтер в
руках все еще был раскален.

Сахиель был застигнут врасплох и
отступил на шаг назад.

- Твой совет принят во внимание, -

холодно заявил Рафен, закидывая свое

оружие за плечо, -

- но прости меня, мой долг зовет меня на
борт Беллуса.

- Какой долг? - Потребовал ответа жрец.

- Почтить память погибших, Сахиель.

Я должен отдать дань уважения павшим в
Великой часовне корабля.

Он отодвинул Апотекария и удалился.

- Береги себя, Рафен, -

вслед крикнул ему Сахиель, - чтоб не
присоединиться к ним слишком быстро.

Глава третья.

Рафен чувствовал как гравитация
Шенлонга уменьшается, когда "Громоподоб-
ный ястреб" покидал атмосферу мира-кузницы.

Он глянул через иллюминатор - серовато-
коричневые небеса за ним перетекали в
грязный пурпур и теперь стали чернотой
космоса.

Повернув шею, он мог видеть изгибы
планеты, покров ржавых загрязнений над
индустриальным ландшафтом.

Пока транспорт менял курс, его трясло.

Рафену внутре́нне у́бранство таких аппаратов было так же хорошо знакомо, как и слова гимнов Оргена, много раз он толкался в

тяжело бронированных грузовых отсеках таких кораблей, плечом к плечу с другими Кровавыми Ангелами.

Вибрация пола под его ногами всегда раздражала в нем слабый преждевременный трепет в его груди.

Он так часто был предвестником сражения, но не сегодня.

"Грозовой ястреб" в этот раз был нагружен только амуницией.

Рафен почти ожидал не найти рейс обратно на Беллус, стоящий на якоре на высокой орбите, но по счастью один из вспомогательных кораблей баржи готовился к взлету.

Транспорт воспользовался преимуществом полных складов тира-кузницы чтобы перевооружить боевой корабль, переправляя от

случая к случаю ракеты там, где обычно

размещались "Носороги" и десантники для наземного штурма.

Боеголовки заполнили все пустое пространство, оставив мало место для чего бы то ни было.

Рафен не был единственным пассажиром. Тем, кто контролировал груз был заместитель капитана баржи, Брат Солус.

Рафен не мог припомнить, чтоб вообще когда-либо видел этого человека вне мостика Беллуса.

Солус казался, скорее продолжением воли командира корабля Капитана Угеона, чем личностью со своими взглядами.

Солус небрежно кивнул ему, пока проходил через кабину.

- Вскоре пришвартуется, - заметил он.

Космодесантник замер и вопросительно посмотрел на Рафена.

- Меня не поставили в известность что тебе приказали вернуться на корабль.

Большинству экипажа Беллуса

разрешили высадиться на планету
благодаря жесту великодушия
Цнквизитора Штеля,
последовавшего за принятием
внеочередного чина губернатора
Шенлонга.

После вторжения Несущих Слово, мир-
кузница объявил праздничные выходные и
серфы Оргена и обычные члены экипажа
были

только счастливы присоединиться к
празднеству.

Во всех районах, окружающих Икари,
Рафен чувствовал праздничное
настроение, и все это вместе с
энергичным поклонением перед
Аркио.

Тяжесть от этого и знание, что Сахиель
наверняка следит за каждым шагом
Рафена, привели к тому, что он искал
успокоения где
удобно - лишь бы подальше от Аркио.

Очарование тихих коридоров на борту
Беллуса дадут Рафену время подумать,

он на это надеялся.

Однако ничего из этого он не доверил Солусу.

- Мой учитель, Брат-сержант Корис, -
сказал Рафен, -

он лежит в великом зале на борту баржи.

Я пожелал выказать ему свое уважение и
внести его имя в Книгу Павших.

Солус кивнул.

Этот ритуал, как правило, исполнялся
Сангвинарным жрецом, но часто воины,
которые служили вместе с погибшим,
претворяли

обряд как личное прощание, записывая имя
умершего своей собственной кровью как
прощальный салют.

- Я его не знал.

Но насколько мне известно, он казался...
искренним воином.

- Так и было, -

- согласился Рафен, - он таким и был.

- Жалко, что он не дожил чтоб увидеть
Появление, -

продолжил Солүс, -

слишком много наших братьев пало на этом куске грязи.

Он указал на Шенлонг, дернув в его сторону подбородком.

Даже будучи Астартес до мозга костей, Солүс все еще испытывал неприязнь к костонавтов к планетам.

С шипением открылся люк, чтобы выпустить виллана из экипажа корабля.

Он быстро поклонился Солүсу.

- Лорд, мы получаем предупреждения с Беллүса.

- Что в итоге? - Потребовал ответа десантник.

- К планете приближается корабль.

Наши когитаторы считают что это ударный крейсер "Амарео".

Рафен выпрямился.

- Один из наших.

- он почувствовал как его пульс ускорился.

Прибытие другого судна Кровавых Ангелов могло означать только одно: нелегальное

сообщение, которое он отослал используя
вокс передатчик Сержанта Кориса, дошло
на Баал.

- Известно кто командует крейсером?

Серф кивнул.

- Да, господин.

Над мостиком Амарео развевается
вымпел Брата-Капитана Галлио.

- Галлио...

- повторил Рафен.

- Ты знаком с ним? - спросил Солус.

- Только с его репутацией.

Он был сверстником моего последнего
командира, Капитана Симеона.

Солус мгновение обдумывал это, затем
повернулся к члену экипажа.

- Свяжись с Беллусом.

Проинформируй Капитана Угеона, что
мы отклоняется от курса, чтоб
перехватить Амарео.

Протокол требует чтоб вышестоящий по
званию офицер принял Галлио в системе.

Серф отсалютовал и вернулся на мостик.

Рафен смотрел как тот уходит.

- Лорг, разве Аларео не должен приветствовать кворум старших десантников?

Солус кивнул.

Верно, Рафен, но так как большинство экипажа на планете для празднования Вознесения, я сомневаюсь что Цгеон найдет еще офицеров.

Он указал себе под ноги.

- Нас с тобой будет достаточно.

Двигатели "Грозового ястреба" запульсировали и свет через иллюминаторы изменился когда корабль изменил курс.

Рафен выглянул и увидел красное-серебряный осколок, висящие в тьме как брошенный нож, его передышка откладывалась.

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ Улан оставил тонкую улыбку на бескровных губах Штеля.

Он сидел скрестив ноги в центре

запачканной кровью кофматы стерти,
темный плащ инквизитора из шкуры
зрокса разлетелся

вокруг него подобно пролитым чернилам.

В сумраке, он казался каким-то странным
темным наростом, выросшим из засохших
темно-красных пятен.

Шмель быстро взглянул на дверь; если бы
его потревожили, его концентрация бы
ослабла и все старания пошли настарку.

Внутри на люке была прикреплена
шоковая печать, активированная и
готовая испустить мощный
электроразряд в любого глупца, который
попытался бы открыть люк снаружи.

Он залез в один из дюжины потайных
карманов плаща и достал два пузырька со
светлой, свежей кровью.

Шмель добыл жидкость самостоятельно,
из шей жены и дочки торговца, когда они
лежали у его ног, вынужденные утирать,
чтоб

жидкость могла вобрать в себя жизненную
силу их жестоких и мощных стертей.

Откупорив пузырьки, он облизнул губы
когда почувствовал запах жидкости.

Теперь нужна была осторожность, было
важно не потерять даже малейшую каплю.

Шмель закрыл глаза и дернул
запястьями; содержимое пузырьков
влажной гүзой взлетело в воздух, четкими
линиями, которые
пересекали гүз гүза.

В этот момент, мрачная, с запахом
свежего мяса комната грозила от
психических отпечатков агонии и Шмель
скользнул разумом в
нематериальное пространство на границе
варна.

Для непрофессионалов и недоучек, Ратиус
Шмель, казалось, обладал огромным
псайкерским талантом, но по правде, у
него были

посредственные ментальные способности
по сравнению с большинством агентов
теленатов Империи.

Область применения талантов лежала
вне грубого воздействия своими

психическими способностями, как у его
слуги Улан, а в их
утонченном использовании.

Разум Штеля не был мечом, скорее
скальпелем, но при должном использовании
он был совершенно смертельным.

Инквизитор проигнорировал трепетное
тепло энергий вокруг него, сопротивляясь
сильному желанию погрузиться в них, как в
благодатный океан.

Он оставался стойким, Штель позволил
своим нечеловеческим чувствам
проверить пространство вокруг Шенлонга
на предмет

намеков на псионические силы.

Намного выше, где стоял Беллус, было
слабое тлеющее свечение латентных
разумов на борту.

Среди них был мерцающий и
колеблющийся, яркий и опасный,
психический отпечаток Улан.

Она была светлячком в бутылке, ее сила
билась о стены ингибиторной диадемы,
которую ее заставили носить.

Штель решил пустить свой разум каналом через нее, то что он делал сейчас было намного легче, но ее неустойчивый характер был

слишком непредсказуем для чего-то, что было настолько деликатным, как касание.

Он прошел дальше, игнорируя точки света на маленьких кораблях, висевших в на пути между Беллусом и вновь прибывшими, позволив своему духу достигнуть Аларео.

Он почувствовал как в нем появился и рос неясный страх, когда он ощутил яркое, стабильное сияние разума псайкера на борту

костического корабля; на каком-то уровне, он беспокоился, что главный телепат Мефистон будет первым, что придет и будет

противостоять Аркио.

Несмотря на свое высокомерие, Штель не был настолько глуп, чтоб думать, что он сможет тягаться с Лордом Смертью - по крайней

мере, в данный момент.

Но как он и предсказывал, главный Библиарий Кровавых Ангелов послал сначала заместителя и перед ним сверкал именно этот

тренированный дух.

У него не было беспорядочной, странной раскраски, как у ментальности Улан.

Это был острый, сильный разум, воспитанный псайкана либрариум.

Еще больше причин, чтоб ступать осторожнее, напугал себе Шмель.

Инквизитор поднял руки так, чтоб его призрачные пальцы едва касались ореола ауры псайкера и позволил чтоб на ее поверхности

сати всплывали детали из разума Библиария.

Кровавый Ангел в данный момент был без своего психического капюшона, что было удачей и делало его задачу проще.

Утонченность инквизитора было его величайшим даром, его цель никогда не заподозрит что темное касание Шмеля

распространяется над его разумом подобно
какому-то темному разливу нефти.

- Твое имя...

- в сыром воздухе комнаты раздался голос
Штеля, - Ты Брат Воге, эпистолярный
Мефистофа.

Он послал тебя...

послал тебя проверить разум Аркио...

И вот оно, дрейфующая внутри мыслей
Воге, возможно даже слишком маленькая,
чтоб о ней знал Космогосантник, холодная
заноза

сомнений и подозрений.

Из глотки Штеля раздалось слабое
хихиканье.

Мефистофа отправил своего лучшего
Библиария на задание, но при этом Воге
открылся, думаю что будет заглядывать в
души

еретиков.

Штель возложил свои руки на
возникающие опасения Воге и начал
обрабатывать их, делая их сильнее.

Даже на такой дистанции, порча

ненависти псайкера Кровавых Ангелов к
отступникам истекла в ментальный
костос как черных
ихор.

Незаметным давление, Штель взлелеял
сомнения Boge, от усилия и концентрации
пот бисером высыпал на его лысых бровях.

БРАТ-Капитан Галлио вошел в
тренировочный зал крейсера и тут же
нашел Boge.

Библиарий был в середине серии
систематизированных ката, сложного
танца из атак, парирований и блоков.

В своей руке псайкер держал
внушительный силовой топор, в пол роста
Галлио и выкованный из светлой стали
произведенной на
литейных заводах Луны.

Боек топора дрожал в свете, прозрачное
лезвие мерцало от колдовского огня
псионической энергии.

Глазам капитана казалось что он видит
металлическую кривую, так как его
пристальный взгляд не мог удержаться

очертания оружия.

Галлио, как и большинство Agentys Астармес, с огромным недоверием относился ко всему, что несло на себе метку псайкеров.

Для него, все кто имели это уродливое проклятье, представлялись опасностью, ну или в лучшем случае, вызывали жалость.

Именно через призмы таких разумов открылись первые врата в варн и с ними потаенные силы Хаоса сделали им материум своим домом.

Это был страх, лежащий в самой основе психического "гара"; те кто были слабы духом, могли быть соблазнены чистой энергией варна.

Эти души могли стать проводниками демонического разума, телом-сосудом для существ, которые ненавидели всех воплощенных в плоти.

Галлио осторожно подошел к Bode,

наблюдая за выверенным танцем боевого
стиля псайкера.

Не было ни одного лишнего движения:
каждое тренировочный удар топора был
экономичным и чистым.

Каждая молика боевых инстинктов
Галлио была настроена на войну с Хаосом
и на каком-то уровне он верил что такие
колдовские

улы заслуживали только смерти.

И все же перед ним был псайкер, который
нес эмблему Кровавых Ангелов.

Перед ним стоял человек, который
воплощал обе стороны - великоление
Космогесантников и темный потенциал
чудовищного
псайкера.

Двойственность вопроса тревожила его.

Вое развернулся и замер, гудящий
силовой топор завис между мужчинами.

Глаза Вое были настолько бледными,
что были почти серыми.

Галлио подавил непроизвольный прилив
отвращения, когда слабое терцание от

оружия иссушило воздух.

- Достопочтенный капитан, -

- спокойно сказал Воге, не беспокоясь о выражении лица Галлио, -

я готов.

Что вы предлагаете?

Библиарий был не похож на своего господина, печально известного

Мефистона, заметил Галлио.

Лорд Смерть был худощавым, втиснутым

в красно-золотой кератит, в то время как

Воге был массивным, невысокого роста и

крепкого телосложения, с кожей цвета темного дерева.

- Приближается транспорт с Беллуса.

Мы должны быть готовы встретить их.

В отличие от рядовых воинов Кровавых

Ангелов, Библиарии носили синюю броню, с

единственным темнокрасным наплечником.

Это был еще один фактор, который отделял их от остального братства, подумал Галлио.

Воге кивнул.

- Как прикажете.

С нежностью, псайкер зачехлил свой топор в петлю на свое броне, на нем затухали крошечные язычки лазурных молний.

Лицо Воге слегка дернулось и показалось какое-то движение внутри шейного кольца его боевой брони.

Из выпуклости на его голове, к разделенному на три части капюшону потянулись панели тонких схем и кристаллических матриц.

С легким отворачиванием Галлио наблюдал как части психического капюшона Воге самостоятельно подсоединяются к медным гнездам

в черепе Десантника.

- Ты...

что-то почувствовал? - спросил капитан.

Воге слегка улыбнулся.

- Дириарды путей предателей едва различимы и сложны, брат.

Я выкорчую их, если они проявят себя.

Но сейчас, нет никаких...

Выражение лица псайкера моментально изменилось, его глаза сузились, а губы превратились в тонкую линию.

Рука Галлио инстинктивно опустилась на болт-пистолет в кобуре на его поясе.

- Брат Воге?

Прошел миг и Библиарий покачал головой.

- Проходящие тени, -

сказал он, -

Зараза Несущих Слово все еще витает в звездной системе, брат-капитан.

Слабая, как истончающаяся дымка.

Ответ не совсем удовлетворил Галлио.

- Сюда, -

указал он.

Воге зашагал за офицером, его лицо было нахмуренным и угрожающим.

На мгновение, на самую ничтожную долю секунды, псайкер почувствовал прикосновение чего-то извращенного.

Его пальцы пробежались по трем печатям

чистоты на его грудной пластине брони, обращаясь к ощущениям в разуме, грудных новых

сомнений захватил его.

ПОДОБНО разъявленной пасти открылась рана "Грозового ястреба" и Рафен последовал за Солусом.

Оглядывая ангар Амарео, он увидел десяток таких же кораблей, висящих в пусковых установках, вооруженных и готовых к атаке.

Их ожидали две плотные шеренги костодесантников, якобы почетная стража, которая с легкостью могла стать и боевым подразделением.

Но двое-трое рядом стояли еще группы Кровавых Ангелов, наблюдая за ними, спокойным, пронизательным взглядом.

У Рафена сложилось впечатление, что все это было подготовлено; воины на борту Амарео были неуверенны в том, что им ожидать

на Шенлонге и они решили раздать и

держат наготове болтеры.

Он чувствовал себя странно; эти боевые-
братья были здесь только из-за его
секретного сообщения и Рафен в какой-то
степени был

ответственен за них.

Он заметил темный оттенок брони
Библиария, когда они ступили на палубу
ударного крейсера.

Нсайкер шел за плечом старшего
Кровавого Ангела, который изучал их
хищным взглядом.

Солус ударил кулаком по эмблеме капли
крови на груди.

- Брат Солус и Брат Рафен,
запрашиваем разрешение подняться на
борт.

Костодесантник ответил на
приветствие.

- Разрешаю.

Я Капитан Галлио, -

он кивнул в сторону Библиария, -

Эпистолярый Воде, мой помощник.

- Ваше прибытие неожиданно, -
сказал Солус.

Галлио одарил Солуса пронзительным
взглядом.

- Я думаю вы знаете почему мы здесь,
брат.

Я получил приказы лично от Лорда
Командора Данте, увидеть своими
собственными глазами то, что
обнаружится на Шенлонге.

- Вы пришли чтоб выказать уважение
Благословенному Аркио, да? - ответил
Солус, -

Я не ожидал ничего другого.

- Мы посмотрим кому выказывать
уважение и кому нет, -

перебил Воде, его голос хрипел.

Он открыто изучал Солуса и Рафена, и
оба воина почувствовали на себе давление
его разума.

- Почему вы покинули Кибелу, когда
приказы Беллусу были оставаться там? -
Потребовал ответа Галлио.

Капитан не стал ходить вокруг да около,

предпочитая суть вопроса.

Солус покачал головой.

- Я не слышал о таких приказах, Капитан Галлио.

Мой командир, Брат-Капитан Угеон, следовал директивам Инквизитора Штеля сняться с якоря и со всей скоростью лететь в эту систему.

Нашими приказами было: после бегства с Кибелы, обуздать и уничтожить группировку Несущих Слово здесь.

Галлио нахмурился.

- Эти приказы не были санкционированы Ваалом.

- Если бы это было так, -

возразил Солус, - тогда как бы вы узнали где находится Беллус?

- В крепость-монастырь было послано сообщение, -

ответил Вогг.

- содержание этого сообщения поднимает некоторые вопросы о надежности.

- Здесь только преданные Сыны Сангвиния,

с жаром воскликнул Солус, -

Кто послал этот сигнал? Скажи мне его имя!

- Брат-сержант Корис.

- Корис мертв, - не сдержав в своем голосе боли, ответил Рафен, -

Он был убит во время атаки на крепость Укари.

Я был свидетелем того, как он ушел из жизни.

Галлио и Воге обменялись взглядами.

- Содержание сообщения серьезно обеспокоило Лорда Данте.

Корис, если бы он был здесь, говорил о "трансформации".

По приказу Данте, я должен оценить этот случай в командной цепочке.

Рафен чувствовал как его шея напряглась.

Глаза Библиарий не отклонялись от него и пронзительный взгляд Воге заставлял десантника чувствовать себя крошечным

пятном, роящимся под линзами
микроскопа.

Он знал.

Кровавый Ангел мог чувствовать как
внутренний взор Бога рассматривает его
разум.

Солус указал на "Громовай ястреб", его
лицо напряглось от обеспокоенности.

- Возможно, вы должны проследовать с
нами на Беллус, капитан.

Мы предоставим полный тактический
отчет о битве на Кибеле и ...

- Если этот "Благословенный" о котором
вы говорили настоящий, я не буду
останавливаться на том, о чем говорили, -

- резко прервал его Галлио, -

- отвечай, Солус.

Где мне найти Инквизитора Ратиуса
Штеля и Брата Аркио?

Лицо десантника потемнело от гнева.

Тупость Галлио обижала.

- Лорд Штель управляет Шенлонгом из
крепости Укари в столичном округе.

Аркио Благословенный обитает в часовне там же.

Воге отвел взгляд и кивнул командиру Амарео.

- Тогда туда и полетим.

Солус шагнул вперед.

- Он Перерождение Ангела.

Вы не можете просто догадаться до него по своей прихоти.

- Пока мы не вынесем свое суждение, он никем не является, -

с холодной решимостью ответил Воге.

Рафен увидел в этот шанс и снова заговорил.

- Брат Солус, этот вопрос быстро решится, если мы выполним требования Капитана Галлио.

С вашего разрешения, я составляю капитану команду к поверхности планеты, чтоб поточь ему.

Солус мрачно посмотрела на Галлио, затем взглянул на Рафена.

- Наверное ты прав, брат.

Он повернулся обратно к "Грозовому
ястребу".

- Как только эти люди увидят
Благословенного, любые неприятные
сомнения станут излишними.

Когда он достиг люка, он еще раз
посмотрел на них.

- Я вернусь на Беллус и проинформирую
инквизитора о вашем скором визите.

Когда рапна захлопнулась, Рафен
обернулся и еще раз увидел что Вогел
наблюдает за ним.

- Я в вашем распоряжении, -
сказал он.

Галлио указал на стоящий рядом шаттл.

- Сюда.

Пока мы будем лететь, ты расскажешь
мне все об этом Аркио.

- Да, Рафен, -

добавил Вогел, -

Мы должны больше знать о твоём
младшем родном брате.

СТАТУЮ передвинули из главного зала

Беллуса и принесли в часовню, где она гордо заняла подобающее место у алтаря.

С подобающей церемонией, иконы Императора Человечества задвинули за статую, и теперь он как бдительный отец возвышался над плечом своего покорного сына.

Аркио пальцатаи пробежался по древнему камню.

Розоватый мрамор из горной гряды Ваал Прилус.

Он дотронулся до лица статуи.

Облик был обнажен, он молился, глаза закрыты, рот чуть приоткрыт, мускулы шеи напряжены.

Корона из изваянных зубцов над растрепанными волосами изображала солнечное сияние ореола.

Аркио провел пальцем по линии носа, челюсти, по шее и вниз к груди.

По созвучию его другая рука прошла по его собственному лицу и проделала тот же путь.

Очертания были столь похожими, что

казались почти идентичными.

Он отошел на один шаг, охватывая взглядом всю статую Кровавого Ангела Сангвиния.

Его крылья серафима были дугой выгнуты над плечами, Чистейший был в робе жреца-послушника - знак его стирения - его руки были протянуты.

В правой он держал похожий на череп Алый Грааль, из которого пролились четыре капли крови, которые Сангвиний даровал своему

Оргену; его левая рука была поднята кверху и с запястья тек ручей его благословенной жизненной жидкости.

С необычайной грацией Аркио балансировал на верхней ступеньке алтаря и поднял свои собственные крылья, сложенные за спиной.

Могущественные крылья были теперь для него не в новинку и не казались странными, теперь Аркио принимал ангельские члены частью самого себя.

Он распростер руки и скопировал поэму
статуи, откинув назад голову и показав
горло.

- Великолепно, -

голос Сахиеля сочился едва
сдерживаемыми эмоциями.

Аркио открыл глаза и расслабился пока
Высший Сангвинарный Жрец шел к нему.

Сахиель глубоко поклонился.

- Благословенный, пришло подтверждение.

Боевой корабль с Ваала встал рядом с
Беллусом и группа с судна на пути сюда
для беседы.

Аркио разрешил Сахиелю встать и
вдумчиво слушал пока жрец передавал
сообщение от Солуса.

- Капитан Галлио вместе с Библиарием
Вогге и твоим братом, - завершил он, его
голос слегка окрасился раздражением,
когда

упомянул Рафена.

Кровавый Ангел не придал этому
значения.

- Так быстро, -

пробормотал он, -

Данте все сделал быстрее, чем я ожидал...

Но это не будет проблемой.

Отдай приказ предоставить шаттлу
Галлио приоритетный полетный коридор.

Аркио указал на потолок над ним.

- Направь его корабль на посадочную
площадку на крыше крепости.

Сахиель тяжело сглотнул.

- Милорд, разве это мудро? Возможно
было бы благоразумно приземлить их в
костюпорт и привести группу капитана с
сопровождением.

Мы смогли бы...

проще проконтролировать их, если того
потребуют обстоятельства.

Аркио покачал головой.

- То, чему суждено случится, произойдет.

Я взглянул в глаза Галлио и буду с ним
честен.

Что он из этого вынесет - будет
полностью на его совести.

Жерц затешился.

- Благословенный, вы как всегда демонстрируете мудрость Великого Ангела, но я должен признаться, что боюсь реакции этих новоприбывших.

Пока Сахиель говорил, дверь часовни открылась пропуская Инквизитора Штеля и дрейфующие очертания его серво-черепов.

- Я согласен со своим другом, - сказал Штель пока шел, - он беспокоится за тебя и наше предприятие, Аркио.

- Спасибо, что посетили меня.

- сказал Аркио, -

Я бы не хотел продолжать без вашего совета, Штель.

Инквизитор отвесил грациозный поклон.

- Простите за опоздание, я медитировал.

Он облакнул брови платком, после его занятий в комнате смерти, его похожую на пулю голову покрывала тонкая испарина.

Аркио изучал обоих мужчин.

- Ваши соображения учтены, но я остаюсь при своем мнении.

Галлио и Воде придут ко мне и я отвечу на все вопросы.

Он выпрямился, оглядываясь на статую Сангвиния.

- Это мой долг перед Оргеном.

- Конечно, -

- Шмель колебался, - но с другой стороны, я могу предложить чтоб все происходило как того требует церемония? Я соберу почетную

стражу, чтоб сопровождать вас.

Аркио быстро кивнул и отошел, подходя к балкону, ниже которого все еще бесновалось боевое состязание.

Сахиель склонился к уху Шмеля.

- Это подходящий случай, лорд инквизитор, -

тихо произнес он, -

мы знаем где лояльность людей Данте.

- В самом деле, -

протурлыкал Штель, -

Аркио надеется на лучше, но мы...

мы должны приготовиться к худшему.

- В этом нет сомнений, -

- ответил жрец, его глаза светились праведным пылом.

- ЭТО Я послал сообщение, -

Рафен наблюдал как на лице Галлиа играли эмоции, когда капитан раздумывал над его словами.

- Когда Корис умер, я использовал его вокс чтоб передать сигнал на Беллус и дальше.

- Отговорка, -

трачно сказал Вогс, -

То что вы сделали, нарушение проколов дисциплины и путь к падению.

Когда шаттл прогрохотал через атмосферу, Рафен жалко кивнул.

- Я и так это хорошо понимаю.

- Это было прямое осуждение, только Техногесантникаи могли касаться обмундирования погибших, другие только при

чрезвычайных обстоятельствах.

- ответил Галлио.

- Будущее нашего Оргена на грани, -
огрызнулся Рафен, чуть более агрессивно,
чем хотел.

- Какие обстоятельства могут быть
чрезвычайней?

Галлио задумался над словами
десантника.

- Ваше деяние второстепенно по
сравнению с тем, что у нас на руках,
Рафен.

В данный момент нужно отложить
любую оценку ваших действий, были ли они
правильными или нет.

Он отвернулся.

- То что вы рассказали нам, об этих
изменениях Аркио...

это поразительно.

Вогде кивнул.

- Да.

И одновременно пугающе.

Я чувствую здесь присутствие сил,

которые за гранью моего понимания.

Великие силы, судьбоносный момент.

Рука Библиария непроизвольно поглаживала рукоятку топора, Галлиот отметил этот маленький признак волнения псайкера, но не отреагировал.

- Рафен, ты знаешь Аркио лучше любого другого человека.

Эти физические изменения, о которых ты говорил, и так шокирующие, но его душа...

Я спрошу тебя, когда ты смотришь своему брату в глаза, что ты там видишь?

По могучим очертаниям костодесантника пробежала дрожь.

- Когда мы были юнцами, я был опрометчив, капитан.

Аркио был открытый и бесхитростный, он был чистым духом...

Это его влияние помогло мне стать на этот путь, младший помогал старшему.

На мгновение Рафен погрузился в мечтательность.

- Сейчас же.

... этого юнца больше нет.

- В этих глазах, брат, все еще обитает душа Аркио, если это то, что вы на самом деле хотите знать...

Но за всеми этими изменениями, которые произошли с ним за эти недели, его поведение изменилось больше всего.

- Объясни, -

с напряжением в голосе потребовал Вогел.

- Теперь Аркио высокомерен там, где раньше он был скромн.

Чья бы рука не направила его на этот новый путь, Аркио верит ей.

Всем своим сердцем он верит и не сомневается, что он Обозначенное Божество.

- И если нам потребуется развеять это убеждение, -

сказал Галлио, - что тогда?

Рафен понял, что больше не может смотреть в глаза капитану.

- Я боюсь подумать, -

произнес он, -

боюсь подумать.

В течении долгого молчания, которое последовало за этим, палуба шаттла наклонилась, когда судно прошло через густые облака и

начало спуск к разросшемуся заводу.

- Мы близко, -

внезапно произнес Вогс.

Галлио в последний раз оценивающе посмотрел на Рафена и затем просигнализировал остальным из своей личной охраны.

- Приготовьтесь к посадке.

ФИГУРА в черной броне ожидала их когда они покинули посадочную площадку шаттла, за Галлио шли четыре охранника, Вогс и

Рафен.

Капеллан отсалютовал офицеру и Библиарию и скупо кивнул Рафену.

- Я Брат Делос.

Добро пожаловать на Шенлонг, Капитан Галлио.

Это честь принимать воинов с такой репутацией в Оргене.

Галлио проигнорировал приветствие и вручил металлический футляр для свитков.

- У меня письмо от Лорда Командора Данте.

В этом месте я буду говорить за него.

Капеллан, я желаю видеть воина Аркио.

Делос на мгновение заколебался, пробежаясь глазами по свитку, затем по Рафену и наконец взглянул на Галлио.

- Как пожелаете, капитан.

Благословенный примет вас в крепостной часовне.

- он развернулся, -
следуйте за мной.

Рафен оставался молчалив, пока они спускались в крепость Икари, погрузившись в относительно отремонтированную платформу

элеватора, чтоб спуститься к центральному уровню.

Второй раз за день он почувствовал давление изучающих взглядов ото всех вокруг него.

Пока они проходили группы десантников, илов и рассеянные скопления пилигримов, беседы тут же затолкали, в приветствиях на

каждом шагу были слышны едва спрятанные подозрения.

- Они знают, что мы идем судить его, -

- прошептал Воге, -

Они обижаются на нас даже за сам факт этого.

Медные двери часовни открылись, приглашая их внутрь и Галлио нагло прошагал мимо Делоса, натереваясь войти первым.

Аркио поднялся с возвышения, на котором сидел и шок этого зрелища почти заставил капитана остановиться.

- Кровь Императора! - Выдохнул Галлио.

Он был живым, дышащим воплощением Сангвиния, крылья сияли как солнечный свет, золотая броня испускала медовое

сияние.

Аркио склонил голову, приветствуя и
Галлио осознал что физически
сопротивляется тому, чтоб упасть на
колени.

Ощутимая мощь личности чувствовалась
в атмосфере, привлекая все внимание к
Аркио.

- Именем Трона, он Чистейший, -
вытолкнул один из солдат Галлио, его
голос был спокойным и почтительным.

В словах Воге сквозило ядовитое
возражение.

- Это ты еще посмотришь.

Библиарий все еще держался за свой
силовой топор; это была не совсем боевая
хватка, но такая, при которой бывалые
воины

предпочитали остерегаться его.

Рафен почувствовал на своем плече руку.

Делос остановил его на пороге часовни.

- Остановись, парень.

Благословенному решать.

Он колебался когда Аркио приблизился к воинам с Амарео.

За своим братом он увидел Сахиеля, который горел от очевидного нетерпения, в то время как Штель оставался в тени.

Унквизитор казался притихшим, его глаза были расфокусированы и смотрели куда-то вдаль.

- Я Аркио, - начал он, -

я приветствую вас как братьев и чту вас как доверенных Лорда Данте.

Фигура в золотом неглубоко поклонилась, кончили его крыльев коснулись мозаичного пола.

- О чем вы хотели меня спросить?

- О правде, -

ответил Галлио, -

чтоб узнать какая сила привела тебя к ...

Он затешкался, подыскивая правильное слово.

- ... этой трансформации.

Сахиель бросился к алтарю, его лицо было напряжено.

- Какая сила? -

- Повторил он. -

Даже слепой знает ответ на этот вопрос.

Вы не видите кто перед вами? Он

Благословенное Перерождение Ангела.

Глаза Сахиеля блестели.

- Сангвиний вернулся.

- Внутри каждого из нас есть жизненная
суть Великого Ангела, -

- злобно возразил Вогде, - но мы не
претендуем узурпировать его место.

Наш притарх тысячелетие как мертв,
пока ты не позволил себе взять его имя!

Аркио стиренно покачал головой.

- Я ничего не позволял себе.

Как вы просили, я говорю только правду.

- Твоя правда, -

ответил Галлио, -

- если ты тот, за кого ты себя выдаешь,
тогда ты отправишься с нами обратно на
Баал, где правдивость твоих притязаний
будет

поставлена под вопрос.

Ты покинешь этот мир и Инквизитор
Шмель возвратит кресло губернатора
Шенлонга Империи.

Он сделал паузу.

- Командор Данте отдал эти приказы и
тебе следует учитывать это.

Взгляд Рафена случайно остановился на
Шмеле; агент Еретикус протирает бровь,
пристально глядя на Библиария Воге.

Кровавый Ангел взглянул на псайкера и
увидел, что тот напряжен от ярости.

Затем Аркио сказал то, чего больше всего
боялся Рафен.

- Я теперь вне власти Данте.

- Еретик, -

проклятье слетело с губ Воге, его темная
кожа потемнела от гнева.

- Здесь скрывается Хаос.

Ты осквернен.

Слова Библиария пронеслись шоком по
часовне и белая молния ударила в пол.

Это случилось настолько быстро, что
Рафен увидел только мельтешение синего

и желтого.

Вогде прыгнул на Аркио, его силовой топор
горел пси-пламенем.

Изогнутое лезвие встретилось с наручем
золотой искусной брони и оглушительный
гром ударил в уши.

Глава четвертая.

Разум Вогде тонул в густых потоках
клеякой ненависти и черной, маслянистой
темноте.

Поначалу, в тот момент на борту
ударного крейсера, он думал, что ничего, за
этот краткий миг контакта, не осталось
в его

психических чувствах, пройдя словно
призрачная вуаль.

Это длилось всего лишь вздох.

Ментальное пространство вокруг
Шенлонга все еще было грязным от
Несущих Слово, их отвратительные
ментальные оттиски, наподобие
оскверненных шрамов, были видны только
такому псайкеру как он.

Сияющая чистота его силового топора

успокаивала его.

Он был его талисманом, символом очаровательной жизни костюмиста на службе у Императора.

Пока они летели к крепости Укари, Вогд слушал Рафена, внешне сконцентрировавшись на лице Кровавого Ангела, но внутри, его

сверхъестественная интуиция редела как сигнальная сирена, громче и громче, по мере приближения к часовне.

Библиарий старался сдержать это ощущение, собрать его и понять смысл - но это было все равно что ловить аромат единственной

черной орхидеи в океане зловония морга.

И затем в часовне, когда увидел золотую броню, он инстинктивно знал что нашел эпицентр этого огромного клубка порчи.

Псайкер Кровавых Ангелов сталкивался с этой породой колдунов: внешне безупречные, совершенные и прекрасные.

За исключением того, что в их разложившейся плоти, червивые сердца

знали испорченную кровь через пустоты в костях.

Он пытался изгнать из разума эту картинку.

На секунду, все, казалось, изменилось и стало зыбким, и часть его закричала. Нет! Все это обман!

Через каменный зал он бросил взгляд на человека из Ордо Еретикус, наполовину укрывшегося в тени.

На мгновение показалось, что именно он, а не воин с крыльями, был источником всей этой тьмы.

От замешательства брови Вогера сдвинулись; он должен быть уверен.

Затем, так же быстро как и возникло, ощущение испарилось и шипящее давление в глазах усилилось десятикратно.

Вогер взглянул на Аркио, пока бронированная фигура бархатистым тоном разговаривала с Капитаном Галлио.

Нсайкер увидел два изображения, одно поверх другого, и перед его ментальным

взглядом каждое из них воевало за
главенствующее
положение.

Там был Перерожденный Ангел, новый
Сангвиний, прославленный и непорочный в
своем святом совершенстве, сияющий как
сам

Золотой Трон Терры, и был грудой.

Это выворачивало его желудок.

Золотая броня была оцарапанной и тусклой,
черной от пролитой крови.

На треснутом, белом фарфоре лица не
было глаз, только черные провалы; и
крылья, грязные конечности из содранной
кожи, ошестинившиеся крючьями и
ломанными бритвами.

Оно заговорило и от этого звука Воде
чуть не захлебнулся от рвоты.

- Я теперь вне власти Данте, -
застеялось оно.

Если бы остальные в часовне видели Аркиос
таким, каким он видел его, они бы
онемели от его отвратительности, они
скорее были

околдованы иллюзорной красотой еретика.

Уголком глаза он видел как Шель дергается, но последовавший прилив ненависти в тот же самый момент сделал инквизитора не стоящим внимания.

Если ни один человек не может или не хочет действовать, тогда только Бог сможет положить конец этой пародии на величие примарха.

Разрушительный жар черной ярости накрыл его и Библиарий послал его через ручку своего силового топора.

Со всей силой своих легких он проорал свое проклятье.

- Еретик.

Здесь скрывается Хаос.

Ты осквернен.

Оружие Бога двигалось, как будто направлялось рукой самого Бога-Императора, несясь сверкающей дугой к черепу обманщика.

Каждую унцию своей психосилы от

"Ускорения" он направил в силовой топор.

- Адской отрогье, - выплюнул он.

С ревом рассеченного воздуха, кристаллический клинок столкнулся с защитой запястья Аркио.

Подобно воде, стекающей с купола, синевато-белое пси-пламя исчезло с бойка топора, безвредными ручейками оmyвая Аркио.

На грани восприятия, вокруг него израла непробиваемая телно-красная с золотым сфера, ореол превратил атаку Воде в ничто.

КОГДА атаковал Библиарий, в руках у Сахиеля был редуктор, он размахивал им, пытаясь найти цель.

Вокруг него, на рефлексах, почетная стража в золотых шлемах подняла свое оружие и он увидел как свита Галлиос сделала тоже самое.

Капитан Амарео протестующе закричал, потянувшись к нит одной рукой, его другая рука тянулась к рукоятке болт-пистолета

в

кобуре.

Крики достигли дверей часовни, неясный красный силуэт тучины развернулся в хватке черной фигуры; все это произошло за один

удар сердца.

Другой рукой Аркио ударил Воге.

Эпистолярый отлетел назад, его ботинки царапали камень, пока он пытался сохранить равновесие.

Выгнув брови Аркио потянулся к топору, зажатому меж двух золотых пластин.

Благословенный выдернул оружие и сжав кулак, переломил рукоятку топора надвое.

Воге закричал и швырнул в него завесу толный, сверкнув клыками, он кинулся обратно, чтоб в прыжке достигнуть глотки Аркио.

Снова, "Ускорение" обошло золотой силуэт и он вскинул руку.

Острые пальцы Аркио пронзили кератин грудной пластины силовой брони Воге и погрузились туда по сустав.

В руках Библиария был болтер и даже
пушкая кровавые пузыри, Боге выстрелил,
очередь вспышками осветила комнату.

Не прицельный, не осторожный огонь,
пролетевшие рядом с Сахией болты и
шок привели его в действие.

Он ударил Галлио редуктором, срезая
скальп с капитана Кровавых Ангелов.

Не было произнесено ни одного приказа, но
жест жреца в часовне разверзся крошечный
аг.

Кровавые Ангелы почетной стражи Аркио
и отделение Галлио открыли огонь друг в
друга, обжигаящие снаряды летали по всей
комнате, опутав ее визжащей паутиной
смерти.

- Нет! - Выкрикнул Рафен, но его крик
потонул в грохочущей волне стрельбы и с
силой, которая опровергала его возраст,
Капеллан

Делос оттолкнул Рафена от драки.

Аркио страхнул с руки тело Боге, как
будто это был бракованный кусок мяса, не
обращая внимание как визжащие и

гудящие пули

отскакивали от его золотой, керамитовой груди.

Солдаты Галлио, которых в два раза превосходила численностью почетная стража, тряслись и скручивались когда множество

болтерных снарядов разбивали из брони и разрывали на части.

Галлио убили последним, густая артериальная кровь рекой текла из каждого сочленения его брони.

Из его обессиленных пальцев выпал пистолет и капитан со стеклянными глазами упал на колени.

Аркио подошел к нему и приподнял его голову за подбородок.

- Вы оживили мои худшие страхи, - сказал он утирающему,

Вы будете не последними, кто погибнет.

Капитан в последний раз выдохнул и на этом все закончилось; вся перестрелка заняла едва ли секунду.

Гнев наполнил Рафена и он ударил

Делоса, Капеллан в черной броне согнулся пополам.

Он прорвался через ряды воинов в золотых шлемах и опустился на скользкий от крови мозаичный пол.

Среди мертвых, он внезапно понял что плачет.

- Что...

- он едва мог говорить, -
что ты натворил?

Аркио посмотрел ему прямо в глаза и кровь Рафена превратилась в лед.

- Эти люди, - сказал его родной брат, бесцеремонно махнув в сторону дымящихся трупов, - появились здесь чтоб уничтожить нас, родичь.

Я знал это с того самого момента, когда они вошли в комнату.

Он поднял взгляд, обращаясь ко всем Кровавым Ангелам в часовне.

- Услышьте меня, братья.

От нас отреклись.

Эти люди пришли приговорить меня, а не

узнать.

- И речи не шло об истине, -
сказал Сахиель, подхватывая воззвание, -
псайкер Галлио был убийцей.

Данте боится Благословенного Аркио, он
боится того угрозы, которую
представляет Аркио.

- Ты убил наших боевых-братьев, -
мертвым голосом произнес Рафен.

Аркио покачал головой, в его глаза
вспыхнула боль.

- Нет, Рафен.

Никто из этих людей не был мне братом,
как и всем остальным из нас.

В их крови я вижу настоящую истину.

Данет отвергает меня.

От алтаря слышался сдавленный кашель
и запынаясь вышел Штель, его лицо было
искажено и мокрый от пота.

Его глаза были выпученными от усилий,
инквизитор хватался за воздух.

Рафен почувствовал тот же
актинический запах колдовства в воздухе.

как когда Штель пытал Несущего Слово,
которого они

поймали на Кибеле.

- Лорг, -

спросил Сахиель, -

- что-то не так?

- Корабль... -

- Штель задыхался, -

- там могут быть такие же как Bode...

... на борту...

... не позволяйте им...

Сахиель встретился взглядом с Аркио и
фигура в золоте быстро кивнула ему.

- Я больше не подвергну своих братьев
риску.

Аркио склонил голову и заговорил в
скрытый вокс передатчик у шеи.

- Беллус, отвечайте.

Шок от того, что собирается сделать его
брат, потряс Рафена.

- Аркио, ты не можешь... - Сахиель встал
меж двух братьев, заблокировав
протянутую руку Рафена.

Аркио взглянул на него.

В его глаза отражалось бремя веков.

- Беллус, - сказал он, его голос мгновенно долетел до Капитана Угеона на борту боевой баржи, - капитан Галлио и его люди раскрыли себя как предатели пути Сангвиния.

Мы больше не будем терпеть существование Амарео.

Дыхание затерло в горле у Рафена и на одну секунду он поверил, что Угеон откажется выполнять такую команду: брат-капитан был

воином-ветераном, а не фанатиком, на которых легко влиял Сахиель.

Но эта надежда была вынута и умерла.

- По вашему желанию, Благословенный, - ответил Угеон, через вокс его голос был отдаленным и механическим.

ВЫСОКО над ними, правый борт боевой баржи всколыхнулся от активности, когда пушечные диафрагмовые люки открылись и на

платформах показались пушки.

Ракетные батареи, лансы и лазпушки задержались в куполах и башенках, отыскивая в прицел похожий на клинок профиль

стремительного ударного крейсера Амарео.

В союзном пространстве, где не было угроз, командующий офицер крейсера не включил питание корабельных пустотных щитов, так

что Амарео стоял обнаженным перед сокрушительным огнем корабля, который в пятьдесят раз превышал его по тоннажу.

Цгеон не вздрогнул от приказа, ему в голову не приходила даже сама концепция такого.

Он видел Аркио тем, что осталось от его собственных глаз, почувствовал сверкающую мощь его ауры через сенсорную сеть Беллуса.

У Брата-капитана не было сомнений и он выстрелил.

Возможно это было маленьким

милосредием, что воины на борту другого корабля не увидели откуда атаковали.

Они умерли не зная, кто открыл огонь, они мгновенно лишились жизни.

Амарео взорвался в адском шторме энергий и боевая баржа снова осталась одинокой в небесах над Шенлонгом.

РАФЕН сидел на краю зала часовни, на неглубоких ступеньках ведущих к мозаичному полу и осознал что не может двинуться.

Отдаленные вспышки воспоминаний возвращались к нему пока он сидел там с расфокусированным взглядом и сгорбившись.

Когда он был мальчиком, когда до его путешествия к Месту Рождения Ангела оставался еще десяток циклов, Рафен потерялся во

время миграции племени.

Когда его накрыла песчаная буря, ребенок дезориентировался и потерялся, он бродил сквозь остро жалящие пылевые облака пока его не прибило на каменистый скальный

выступ и там он решил дожидаться конца.

Проходили часы пока он встатривался к
катящийся шторм и тогда парень узнал
на что это похоже, оказаться карликом
перед силой, превыше него.

Против шторма его плоть и кости были
бессильны; осознание собственной
беспомощности отрезвило его.

В конечном счете поспела помощь.

Из облака появился его отец Аксан и
перенес его в безопасность - но Рафен
никогда не забывал совершенное понимание,
что

шторм был сильнее него.

Здесь и сейчас, вместе со все еще висящем
в воздухе запахом сожженного кордита и
пролитой крови, он чувствовал как его
снова

захлестнуло это ощущение.

Несмотря на всю его отвагу, всю
физическую и ментальную силу,
дарованную ему как костодесантника,
Рафен чувствовал себя

беспомощным и слабым перед событиями в

которые попал, которые сокрушили его.

Он остотрелся, но не увиел тел Галлио, Воге и остальных.

Кровавый Ангел чувствовал себя внутри пустым, подобно крошечной статуэтке, которую он виел в коробке уличного пострела.

Его стелость привела Амарео на Шенлонг, его отвага отослала секретное сообщение командору Данте и теперь его братья-воины мертвы...

"... если бы я молчал, эти воины все бы еще были живы, молчал его внутренний голос, их кровь на моих руках.

Сахиль вызвал кучку сервиторов.

- Соберите этих предателей и предайте их огню, -

приказал он, -

ни секундой больше они не будут пачкать своим присутствием Благословенного.

Аркио встал на одно колено рядом с телом Галлио, изучая разбитое лицо умершего.

- Погожди, -

тихо сказал он.

Его слова были почти шепотом, но разнеслись подобно раскату грома.

- Жрец, собери прогеноидные железы этих воинов и законсервируй их вместе с оставшими на борту Беллуса.

- Мой лорд? - Сахиель моргнул. -

Но эти трупы доказали что не достойны для ваших благодеяний - они бросили вам вызов.

Лицо Аркио опустилось.

- При жизни, да.

Но возможно после смерти они возродятся по воле Сангвиния.

Штель протокнул брови изящным платком.

- Ты действительно Сын Ангела, Аркио.

Даже пред лицом предательства, ты демонстрируешь прощение.

Фигура в золотой броне подняла голову, на его лице блеснули слезы.

- Я оплакиваю потерянные судьбы, Лорд

Шмель, -

ответил тот, -

Эти воины могли стоять рядом с нами, если бы им предоставили право выбора.

Вместо этого, Данте внул им свой страх.

Страх меня!

Инквизитор уголком глаза шпионил за Рафеном, но продолжил разговор с Аркио.

- Благословенный, все было как я ожидал.

С тех пор как желание Бога-Императора сделало наш род хозяевами галактики, всегда найдется личность, которая обратит его слова

для своих собственных эгоистичных целей...

Тяжело дыша он затешился.

Усилие, которое Шмель потратил чтоб влиять на разум Бога, ослабило его.

- Благие цели Императора задыхаются под предвзятостью ограниченных людей...

и вы, вы воплощение угрозы этому.

Он жестом указал на мертвых.

- Вот тому доказательство.

- Что это означает?

Голос Делоса высказал вопрос, вертящийся в умах всех космогесантников в комнате.

Каждый из них лично видел чудо Появления Аркио, они без сомнений встали на его сторону, но кровавая черта, которую они

пересекли этим гнет заставила всех задуматься.

Как и Канеллан, они все смотрели на Аркио ожидая руководства.

Вместо него заговорил Сахиель.

- Это означает, что в нашем Оргене ересь, братья.

Командор Данте предпочел не учиться у Благословенного, а судить его как некомпетентного и предать мечу.

Данте отринул Вознесение и его нужно заставить увидеть ошибочность этого пути.

- Я встречал командора, -

сказал Делос, - и в его глазах я видел человека, которого не так легко

поколебать.

Если он не отречется и не вступит под знаменами Великого Аркио, что тогда?

Сахиель обвел взглядом комнату, глядя прямо в глаза всем, за исключением Рафена.

- Все, кто выступят против владычества Перерожденного Ангела неверные и не заслуживают нести святое наследие Сангвиния.

Эти люди заслуживают единственного - разделить судьбу Галлио и его убийц.

Заговорил другой десантник.

- То, что вы предлагаете...

- он боялся и колебался, - это равноценно гражданской войне.

Мы будем вынуждены выступить против нашего собственного Оргена.

- Оглянись, друг, брат, - вклинился Штель,

вас и так уже вынудили.

Вы уже и так это сделали!

Инквизитор пальцем ткнул в сломанные

остатки силового топора Воге.

- Они пришли убивать.

Они пришли убить Аркио, чтоб сохранить власть Данте над Кровавыми Ангелами.

- Но Воге был титулованным воином, -
сказал Делос, -

Он не был просто...

- Брат, - сказал Аркио и Капеллан
мгновенно замолчал.

- Псайкер взглянул на меня и решился
убить.

Делос медленно кивнул.

- Простите, Благословенный.

Раз вы так сказали, значит так и есть.

Внезапной вспышкой движения, Рафен
вскочил на ноги.

- И что теперь, мои братья? Мы объявим
священную войну против нашего рода?
Вооружится и проведем вторжение на
Баал или

возможно даже на саму Терру?

- Осторожнее, Рафен, - начал Сахиель, но
Аркио одним взглядом заставил того

замолчать.

- Нет, нет, жрец.

Вопросы Рафена заслуживают ответов.

- Мы не должны идти этим путем, Аркио,

В голосе Рафена было отчаянье, -

Поверни и отринь его.

Мы не допустим войны среди Кровавых Ангелов - если мы будем драться со своими, мы будем уничтожены так же верно, как если

бы нас вычеркнули из существования враги.

Шмель прерывисто вздохнул, наблюдая за своими воинами.

В это мгновение будущее балансировало на грани; утонченный план инквизитора был пойман как муха в янтаре.

Ответ Аркио его кровному брату может быть как запустить его, так и разрушить полностью осторожные махинации Шмеля.

- Как всегда, мой старший брат думает нас вопросом сердца и за это я ему благодарен.

Он покачал головой.

- Нет, Рафен, я не желаю посеять семена раздора среди Оргена.

Этот вопрос должен быть решен до того

как прольется еще чья-то кровь.

Ты прав, мы не должны допустить войны.

Аркио развернулся к Сахиелю.

- Поверенные Данте хотели привести
меня в цениа на Ваал, где в меня бы
тыкали и забавлялись, как с каким-то
протухшим
мунантом.

Я не подчинюсь этому.

- Что ты предлагаешь, Благословенный?
Ответил жрец.

- Выберите место на нейтральной
территории, -

приказал он, -

найдем мир, где мы могли бы
встретиться лицом к лицу на равных
условиях.

Пошли Данте сообщение, что я желаю
разрешить возникшее между нами
противоречие.

Он взглянул на Рафена, его глаза горели.

- Я не воспользуюсь славой Обогренного
Божества, только чтоб увидеть как она

оборачивает Кровавого Ангела против
Кровавого
Ангела.

- Все будет сделано, -

Сахиель поклонился, -

и что насчет последователей среди
обычных людей?

Аркио встал по весь рост и шагнул к
декоративных стальных дверям,
ведущим на балкон часовни.

- Я обращусь к народу и моим Воинам
Перерожденного.

Он заслуживают знать о том, что сегодня
произошло, и куда это их приведет.

Как только он приблизился, почетная
стража открыла двери.

- Я возьму с собой свою тысячу, -

объявил он, - и затем к Баалу.

Аркио вышел под бледный солнечный свет
Шенлонга и овации толпы поглотили все
остальные звуки.

Рафен видел как его родной брат
купается в сиянии их почитания.

- Ты ищешь смерти? - Сказал голос прямо ему в ухо и развернувшись он увидел лицо Сахиеля.

Высший Сангвинарный Жрец стоял у его плеча, его лицо было красным от сдерживаемого гнева.

- Я бы с удовольствием предоставил ее тебе, если это ты, чего ты жаждешь.

Он проигнорировал заряженный редутор в руке Сахиеля.

Глаза всех остальных были обращены к Аркио, поскольку он начал свою речь, обращенную к городу-мануфактории.

- Чего ты боишься, жрец? - Ответил он почти шепотом, -

разве твоя вера в Аркио столь хрупка, что твое дыхание заставляет ее шататься?

Сахиель расцвел еще сильнее.

- Из нас у тебя нет веры, - прошипел он, -

- даже перед лицом фактов, ты отказываешься полностью подчиниться Аркио.

- Я принес клятву...

- Да? - Жрец ткнул его в грудь, -

Ты принес ее отсюда?

Рафен на долю секунды затешился и лицо Сахиеля искривила улыбка.

- Я думаю нет.

Десантник краем глаза увидел движение, невидимый для Аркио и остальных, инквизитор бесшумно двигался темными углами к

темным дверям.

- Я преданный Кровавый Ангел и Сын Сангвиния, -

с абсолютной верой в это ответил Рафен жрецу, -

- в этом не было никогда сомнений.

Теперь затешился Сахиель.

- Я...

Я многие годы был самым набожным слугой Чистейшему, как и ты Рафен.

- Да, -

- согласился Рафен, - но само благочестие могло ослепить тебя.

Он отодвинул пистолет Сахиеля в сторону и прошел мимо него, следуя из

часовни за Штелем.

- Помни об этом, когда в следующий раз тебя потянет пролить кровь еще одного брата.

Рафен оставил жреца в одиночестве.

Сахиель нахмурился и положил редуктор в кобур, ища утешения в превосходном инструменте и изгибах священного аппарата.

В глубинах разума Высшего Сангвинарного Жреца, его ожидала крошечная заноза сомнений.

УСИЛЕНИЕ от каждого шага тяжело давило на Штеля, пока он шел по затененным коридорам крепости, случайный наблюдатель не

увидел бы ничего не правильного, возможно, небольшую поспешность в ходьбе, глубокое дыхание.

Это было заслугой обучения в Ордо Еретикус.

Инквизитор был изнурен, намного сильнее, чем он мог показать это Аркио и Кровавым Ангелам.

Цх рог был хищниками.

Они могли учуять слабость, подобно запаху открытой раны.

Его спектакль достиг критической фазы и он не мог себе позволить выглядеть не нормальным.

Шмель на секунду остановился и еще раз обмакнул брови своим платком, задев электротатировку аквилы.

Напряжение в его мускулах ослабевало, но все еще страдал от сильного психического усилия, израсходованного на Воге.

Он глубоко вздохнул.

Было мгновение в часовне, когда сильная психическая концентрация Шмеля ослабла, всего мгновение.

Эпистолярый мгновенно узнал об этом и посмотрел на инквизитора внутренним взором, на один краткий миг он видел в нем того, кем он был на самом деле — манипулятором, стоящим за разворачивающимися событиями.

Весь план Шмеля чуть было не рухнул; если бы Воге осознал что это он, а

не Аркио, был источником темных энергий в комнате, тогда бы инквизитор утер от тупора Вогe.

Спасибо варну, что этого не случилось, сказал он сам себе.

Шмель утүдрился восстановить концентрацию, давя на Вогe, чтоб тот обратил свою ярость опять на Аркио и события произошли

именно так, как предполагалось.

Пока он колдовал, создавая невидимый защитный покров для юного костодесантника, Сахиель и остальные последовали

подготовленным для них шаблонам и привели события к развязке.

Актеры сыграли свои роли, ровно так, как он это предвидел.

Поблизости были комнаты, которые Шмеля взял себе для жилья и по мере его приближения, он уже мог чувствовать как его силы

восстанавливаются, но все же, он еще нуждался в трансе отдыха, чтоб быть

готовым к следующему шагу.

Он позволил себе улыбнуться.

В этом заключалась красота его плана, размышлял инквизитор, совершенство во всем, во всех лучших интригах.

Не то чтобы Шмель принуждал этих людей свернуть с избранного пути явной грубой коррекцией.

В таком спектакле не было утонченности и размаха.

Нет, мастерство Шмеля было в нежном подталкивании, в слабом слове сомневающимся.

Его ловкость была в мягком направлении добродетели и благородства в такие ситуации, где бы им было легко сделать сомнительный выбор.

Воинам, как Аркио и Сахель.

Инквизитор подводил их к одной моральной черте, затем к другой и так далее, пока они не станут на пути проклятья.

Он делал это множество раз; он был хорош в этом.

Но это будет его величайшей работой.

До этого были отдельные люди, иногда нации, которых он вводил в заблуждение.

Аркио, Сахиль, Кровавые Ангелы...

Обернуть Орген самых преданных Императору десантников, это будет его венценосной славой.

От прикосновения его руки, двери в его покои открылись, но Штель замешкался.

Он чувствовал рядом присутствие.

Внутренне он нахмурился.

Кто-то шпионил за ним, следовал за ним через все темные залы крепости.

Если бы он был полон сил до краев, он был бы автоматически почувствовал наблюдателя, но его утомленный разум все еще гудел от усталости.

Тщательно уверившись, что он не выдал себя наблюдателю, он вошел в комнату и оставил дверь за собой приоткрытой.

ЗДЕСЬ скрывается Хаос.

В разуме Рафена эти слова звучали снова

и снова, пока он шел за Штелем, тщательно скрываясь из поля зрения инквизитора.

Он видел как Воде посмотрел на Штеля в часовне, секундный взгляд чистого отворачивания.

Что увидел Библиарий? Внутренности Рафена заворочались от мысли о ментальном колдовстве, которое произошло между ними.

С такой же силой неприязни к высокомерному Сахиелю, Рафен не мог поверить, что Сангвинарный Жрец объединился с

Губительными Силати, и не смотря на все изменения Аркио, его родной брат отказывался видеть в нем предателя.

Штель.

Он рыскал где-то на задворках, маскировался, но все еще был как на ладони, всегда готовый поточь словом и делом, когда

предоставлялся шанс.

Сержант Корис утер, проклиная его и

Рафен снова размышлял, какое понимание было даровано его старому учителю в туках

стертельной красной жажды.

Кровавый Ангел увидел открытую дверь и проскользнул в нее.

Комната внутри была темна.

Последние, тонкие, угасающие лучи водянистого гневного света пробились через толстые парчовые занавески, чтобы осветить

апартаменты, рассеиваясь, когда солнце опускалось за индустриальный горизонт.

Они когда-то были владением губернатора Шенлонга и Штель объявил их его резиденцией на планете в следующий же день после

смерти Темного Апостола Ускавана.

Рафен подкрался к ряду высоких гобеленов, на которых была изображена история тира-кузницы, с момента его открытия вдалеком

прошлом и до посвящения планеты в оружейную мануфакторию.

- Не нужно церемоний, Рафен, -
голос Штеля, казалось, шел сразу и
отовсюду, -
заходи.

Лицо десантника исказилось угрюмостью,
но он сделал как ему предложили.

Штель появился из теней на дальней
стороне широкой комнаты.

Свет из окна окрашивал его в оттенки
серого, подобно графитовому рисунку на
матовой бумаге.

- Ты пришел убить меня? - непринужденно
спросил он, -

Желаешь моей смерти?

Рафен оглядывал комнату, ища признаки
напрящих серво-черепов инквизитора и
нашел их тихо гудящими на карнизе, их
кристаллические глаза были напряженно-
внимательны.

Пока он двигался, его отслеживали излы
телкокалиберных лазганов.

- Ваша смерть прервет это безумие,
инквизитор? - ответил он.

- Безумие? - Повторил Штель, усаживаясь
в огромное кресло, -

Это ты видишь в планах
Благословенного?

Когда он сел, он хорошо замаскировал свое
удовольствие.

- Никогда еще со времен Ереси Хоруса
Астартес не шли против Астартес, но я
вижу как такое же преступление
происходит в
часовне, -

- в гневе Рафен сжал челюсть, -

И вы не сделали ничего, чтоб остановить
это.

Штель наклонил голову и не говоря ни
слова, медленно кивнул.

Медленно, осторожно, он начал собирать
все, что осталось от его ментальной силы
духа.

Рафен не заметил этого.

- Разве это не принцип Ордо Еретикус,
найти и искоренить тех, кто отступил
от Света Императора?

- Ты предполагаешь что Аркио еретик, а

Рафен?

- Я...

- Десантник заколебался, не желая
озвучивать такое, -

его путь...

ведет только к тьме и к смерти.

Инквизитор фыркнул.

- Подумай об этом, Рафен.

Может быть не Аркио отступник, а
Данте.

В глазах Рафена зажглась ярость.

- Ты остелился осквернить имя лорда
командора?

Его руки сжались в кулаки.

- Может быть из-за тебя тут такой
бардак.

Он ожидал что инквизитор впадет в гнев,
но вместо этого Штель смотрел на него
пронзительным, не дрогнувшим взглядом.

В его взгляде читалось что-то, что
выглядело почти как жалость.

- Друг, брат, -

отеческим тоном начал он, - мы на

распутье истории, ты и я.

Нет бесчестья в том, чтоб бояться таких событий, которые произошли за последние недели.

Твой брат взял верх на Кибеле, Появление, которому ты стал свидетелем в мануфактории...

Меньшие люди сломались бы под тяжестью таких событий.

Рафен чувствовал что не находит ответ, его злость затихала.

- Но ты, Рафен, ты на другом перекрестке.

Ты перед выбором, который не стоит перед любым другим Кровавым Ангелом.

Ты не можешь двигаться вперед, пока не разрешишь это.

Голос Штеля не повышался, однако, казалось, что он заполнил всю комнату, давя на молодого Кровавого Ангела со всех сторон.

- У тебя много вопросов и ты стущен, - продолжил инквизитор.

Невольно Рафен кивнул.

Сомнения, бесконечное недоверие, которое было у него со времен битвы на Кибее, вернулись к нему разом.

Подобно черным, угнетающим кольцам, темные мысли открылись из глубин его души.

Рафен отшатнулся; он внезапно почувствовал их влияние как физическую силу.

- Почему ты продолжаешь спорить с братом? - убеждал его Шмель, -

Причина в том, что ты действительно сомневаешься в том, кем он стал или потому что ты завидуешь своему младшему брату?

- Нет.

Рафен силился сказать что-то.

- Отец...

Он...

Присутствие Шмеля, казалось, проникает в восприятие Рафена.

- Ты смотришь на него и чувствуешь себя отвергнутым, да?

Он указал острым пальцем на

десантника, его голос стал громче.

- Ты смотришь на его великолепную золотую броню Великого Ангела и вопишь, что это должен быть ты!

- Да, -

ответ появился из ниоткуда, удивив даже Рафена, что он сказал это, -

- нет.

Я не...

Аркио не готов!

Он отшатнулся назад, закрыв лицо руками.

Каждое сомнение и предчувствие, которые когда-либо изводили Рафена поднялись из глубин его души подобно грязному приливу.

Его окутали поднимающиеся завитки отчаянья..

Я Агентус Астартес, вопил его разум, я не подчинюсь!

- Но ты должен, - отвечал Штель, голос инквизитора гудел в каждой косточке.

- Ты должен отдать свою жизнь за Аркио - ты не понимаешь? Это ты сдерживаешь

его от настоящего величия, твое влияние
опутывает его! Ты всегда рассматривал
его как младшего, не готового юнца, но по
правде, это ты боялся его.

Рафен в этот момент оказался на
колених и над ним возвышался дугой
силуэт Штеля, огромный и чудовищный.

- Ты никогда не сможешь признать его
успехи, так как они будут твоим
провалом.

В глубинах разума Рафен ожил момент,
когда он был изгнан из Места Нагения
Ангела, когда он уходил в пустыню
утрачивать позорной

смертью, вместо того чтоб признать
свою несостоятельность перед племенем.

Штель видел эти воспоминания, и
заточил их в клинок, разрезая им волю
Рафена со всех психических сил, которые
мог собрать.

- Сегодня ты должен утратить.

Ты должен позволить ему дальше пойти
одному, чтоб выполнить свое
предназначение...

- Да, -

Рафен задыхался от слов, шатаясь под
весом навешенного на него
самоубийственного тира, он встал на
ноги.

- Отец, я погвел тебя...

Шмель едва сдержал холодную улыбку,
которая угрожала появиться на его тонких
губах.

С одним окончательным усилием, он
вознал темный пси-клинок чистых
страданий в измученную душу Рафена.

- Ты все еще можешь спасти его, Рафен.

Спаси его спаси его спаси его спаси
его спаси его спаси его спаси его.

Слова эхом разносились по его сознанию.

- Как? - Плакал он.

- Умереть, -

Голос Шмеля бы раскатом грома, -

Умри за своего брата, Рафен.

Заверши свою жизнь и освободи его.

Освободи его освободи его освободи его
освободи его освободи его освободи его

освобождению его.

- Нет...

нет...

нет!

Внезапно Рафен побежал, коридоры мелькали мимо него, город, он пробивался через улицы, беспомощный и сломленный.

Ты должен умереть, говорил голос в его голове, предатель крови, ты должен умереть.

- Я должен умереть, -

заплакал он, падая на колени.

ЗРЕНИЕ Штеля затуманилось и он задыхался.

Толчки крови и стук его сердца отдавались в ушах, когда он пытался добраться до кресла.

Усилие, чтоб подтолкнуть Рафена, иссушили его, его сионическая воля вытянула из него все жизненные силы, чтоб сохранить давление.

Он кучей тряпья свалился на пол, из его

глубоко неся горючий, грубый стех.

- Рафен должен умереть, -

вслух сказал он и затем потерял сознание.

Глава пятая.

Рафен бежал.

Улицы города, большинство которых все еще было обесточено после вторжения Хаоса, открывались перед ним.

Лабиринт из закрученных каменных каньонов, отбрасывающий глубокие тени, втянул Кровавого Ангела.

Он перепрыгивал грожащие крыши, натываясь на воронки на месте стоявших тут ранее мастерских.

Он пробирался через пустоты, вырубленные в городе лансати и теста, где Несущие слово были преданы смерти.

Он убежал от боли, черный туман отчаянья давил ему на пятки, щупальца тьмы были у него за спиной, изголодавшиеся по нему.

Он был безрассудным генератором эмоций, разум отлетал все остальное, кроме мучений.

Он не мог остановиться.

Если он остановится, уныние поглотит его и он будет потерян, уничтожен потоком вины, выпущенным из его собственной души.

То, чему он стал свидетелем, рвало его на части подобно шторму из лезвий.

Трансформация его брата, смерти его боевых-братьев на Кибеле и еще раз на Шенлонге, все эти события давили и выбивали его из колеи.

Абсолютное страдание душило его.

Рафен видел как вокруг утирают его грузы, не в силах остановить это.

Его разум шатался, когда он вспоминал каждую душу, которую он когда-либо знал и которая угасла.

Он желала оказаться на их месте.

Мать, умерла во время родов.

Омег, его друг детства, умер от укуса панцирной змеи.

Тоф, кандигат, разорван огненными скорпионами.

Кракус, застрелен на Цксионе.

Симеон, заживо сварен плазмой.

Корис, впал в жажду.

Галлио, застрелен...

Лица, голоса, крики, их вихрь кружил
вокруг него.

Какая-то далекая его часть призывала
его, какой-то последний не оскверненный
уголок души Рафена все еще утешал его
пересилить и сопротивляться, но
мгновение за мгновением этот голос
становился все слабее и слабее.

Касание психических сил Инквизитора
Штеля взломало места внутри
костодесантника, где он хранил свои
самые черные сожаления

и теперь они были на свободе, вскиная в
Рафене, погружая его в свои собственные
угрызения совести.

Не контролируя себя, Кровавый Ангел
понял что падает, кубыркаясь летит в
стальную дверь.

Люк раскололся под его весом и Рафен
пролетел дальше, грудой брони и

конечностей.

Сжав голову руками, он перекатился на колени.

Затуманенными глазами он увидел место, где он отдыхал, и на мгновение удивился.

Он оказался в комнате с металлическими стенами, тусклой и с густым химическим запахом.

Стоя рядом с одной из стен, на него взирал темный угол Бога-Императора.

- Как? - Он выдохнул в насыщенный воздух.

Возможно это рука Императора направила его сюда, возможно слепой случай или какая-то животная, мышечная память, но

безрассудный побег Рафена из крепости привел его к рукотворной комнате для медитаций, которую он сделал сам для себя в

руинах.

Рафен потянулся дрожащей рукой и пальцами пробежался по иконе; желтоватый металл казался на ощупь

теплым как кровь.

Под немигающим взглядом Императора, сокрушающий вес его вины опять опустился на него и он издал мучительный стон, разносящийся эхом, дикий крик.

- Святой Владыка, я погвел тебя...

Моя жизнь...

ничего не значит.

Я сломан и разбит, мое горе свободно...

Рука десантника очутилась у рукоятки его боевого ножа, доставая из ножен светлую сталь фрактально заточенного лезвия.

Его конечности, казалось, двигаются по своей собственной воле, неохотно подчиняясь сатанскому принуждению в разуме

Рафена, порожденному темным влиянием Шмеля.

Кончик ножа дотронулся до его брони на животе, опускаясь ниже, клинок неумолимо приближался к плоти.

Он как будто кто-то управлял; Рафен был пустой марионеткой, деревянно

выполняя действия, которые были навязаны ему телной силой.

Нож уперся в красный кератин грудной пластины и процарапал полосу на броне, когда его рука поднимала его выше.

- Мне конец...

Нож Рафена был около его шеи, зазубренный край углублялся в кожу горла.

Кровь потекла по спуску ножа, когда кожа разошлась, стекая по кровостоку оружия, она лилась по его суставам и запястью.

Затем пришла боль, боль и запах его собственной жизненной жидкости.

Ощущения проникали сквозь саванотчаянья, который окутывал душу Рафена, пробиваясь через затуманенный разум.

Он вздохнул - и в этот момент все изменилось.

Кровавого Ангела затрясло, каждый мускул в его теле дрожал, как затронутая струна.

Двойные удары его сердец грохотали в

ушах, разгоняя громавыми толчками кровь, внезапно ставшую ревущим потоком.

Адреналиновый жар из груди заполнил всю его пустую оболочку.

Он был пустым сосудом, внезапно наполненный жгучей энергией.

При мысли о густой крови на губах, рот десантника наполнился слюной.

Его зрение, отраченное ранее угрюмыми тенями, теперь потемнело от красной дымки страстного желания.

Рафен встряхнул грубую энергию, которая вскипела внутри него, позволяя ей стечь коварную отраву уныния.

Он хорошо знал это ощущение: это был предвестник черной ярости.

Кровавый Ангел откинул голову, обнажив блестящие, белые клыки.

Красная жажда овладела им, борясь с психическими токсинами, оставленными мощным ментальным колдовством Шмеля.

И его нож все еще был у горла, металл

проколот кожу и угрожал вскрыть артерии.

Одного маленького движения запястья будет достаточно.

Внутри десантника бурлила война: гнев против отчаянья, ярость против уныния, раскаленная до бела злость сталкивалась с холодным, вызывающим оцепенение души, страданием.

- Я ...

не...

умру! - Заорал Рафен.

Он зашел слишком далеко, он сражался слишком отчаянно, чтоб пасть перед своими собственными внутренними страхами.

- Я Agentus Астартес, -

ревел он, -

Я Избранник Императора.

Густая кровь причудливо пролилась на его грудную броню, пачкая белые металлические крылья, окружающие рубиновую

каплю-символ.

- Сангвиний, услышь меня! Я Кровавый Ангел!

Его взор затуманился еще сильнее, когда вокруг него в воздухе развернулись изгибы бело-золотого света.

Слова Рафена терялись в спазме, когда давление внутри его черепа росло, сдавливая границы его ощущений.

Он уловил сияние медового света, выпускаемое медной фигуркой за секунду до того как свет поглотил его.

Сияние касалось его голой кожи с необычайной нежностью, подобно поцелую превосходным летним днем.

Сердце Рафена переполнилось чувствами, боль, кровь, уныние, все это ушло.

Его зрение свернулось в единственную точку: в лицо, фигуру, в пустоте перед ним возникли очертания, соединенные изгибами в

воздухе.

Они возвышались над ним, делая его похожим на ребенка, заполняли всю

комнату, хотя она никогда бы не смогла вместить все.

Золотые очертания срастались и принимали форму - глаз, нос, рот.

Рафен задохнулся, от этой мысли грозили его губы.

- Сангвиний...

Это было не обманом, никаких Перерожденных Ангелов, никаких простых, изменившихся воинов перед ним.

Божественно красивое, невероятно совершенное лицо примарха Кровавых Ангелов смотрело на Рафена, видение Великого

Прародителя его Оргена призванное каждой клеточкой крови, бегущий по венам.

Каждый боевой-брат нес внутри себя частичку Чистейшего.

Со времен основания Кровавых Ангелов, конклав Сангвинарных Жрецов Оргена хранил жизненную жидкость их давнего мертвого

хозяина в Алом Граале и при их

посвящении в новобранцы Оргена, они
испили из священной чаши, которая
содержала эту

освященную жидкость.

Рафен чувствовал как кровь, внутри его
крови, поет о касании.

Темно-красный Ангел провел рукой по лицу
Рафена и с бесконечной нежностью, отвел
окровавленный нож.

Внезапно он снова почувствовал нож
своим, его тело опять отвечало на его
команды и не слушало других.

Рафен склонил лицо к лезвию и слизнул
свою собственную кровь; густой медный
привкус был крепким и опьяняющим.

Ожесточенная, когтистая свирепая мощь
красной жажды убывала, когда он
проглотил, отступила - и вместе с этим
вернулось

зрение, золотая аура перед ним
распадалась.

Рука Рафена кинулась вперед, пальцы
коснулись его примарха.

- Господин, помоги мне! - плакал он, -

Что я должен сделать?

Кристалльно голубые глаза Сангвиния были печально далеки, он взглянул на запачканный нож в руке Рафена, затем встретился

взглядом с Кровавым Ангелом.

Рафен повторил действия своего господина, изучая оружие в своей руке.

Когда он поднял взгляд, он остался один.

Рафен сидел там до рассвета, взвешивая свой нож в руке и размышляя.

ПОСЛЫШАЛИСЬ тяжелые удары в грубую дверь из дерева няа и проникли в разум Ратиуса Штеля, неохотно выдерживая его из

глубокой, исцеляющей дремоты.

Казалось, что стучали уже достаточно давно.

Штель перевернулся на на полу, высохшие пятна темной крови из рта и носа липли к подбородку, где он прижимался к нещеристой

каменной плитки.

Пробормотав проклятье, он заставил себя

подняться с земли и принять какое-то подобие стоячего положения, болезненная слабость

желудка заставила его вздрогнуть.

К нему вернулась энергичность, но он все еще чувствовал себя вялым от его сионических усилий.

Он медленно покачал головой, отгоняя такие мысли.

Было время для единства, и ему нельзя было демонстрировать слабость.

Штель пошел к двери, стахивая с лица спекшуюся субстанцию и открыл ее.

Серф Кровавых Ангелов был шокирован, когда он сделал это; слуга хотел постучаться еще раз и его рука была поднята, как будто

он хотел ударить инквизитора.

Серф отступил, покаянно кланяясь.

- Простите меня, Лорд Штель, но я боялся вы не слышали...

Штель поднял руку, заставив того затолкать.

- Я был занят другим вопросом.

Если илот увидел на его лице признаки изнуренности, то никак не выдал себя.

- Что нужно?

Серф Оргена дернул что-то позади себя в тенях коридора, раздались атональные шаги и вперед вышла согнутая женщина, влекомая

на бледный свет веревкой вокруг шеи.

Штель сдернул рваный тканый мешок с ее головы, чтоб увидеть лицо и почувствовать от этого зрелища рвотный позыв, серф отскочил.

У женщины не было глаз; Несущие Слова вырезали их.

Ее уши и нос так же были сшиты и на ее лбу была пародия на электротатировку Имперской аквилы Штеля, там была восьмиконечная звезда.

Инквизитор кивнул.

Это будет подходящий сосуд.

Он отобрал веревку у серф и отпустил его.

- Свободен.

Я пошлю за тобой позднее, чтоб убраться
останки.

Бедная, несчастная женщина вряд ли
охотно просила метку Хаоса Негелимого.

Более вероятно, она скорее ожидала
умереть во время атаки Несущих Слово.

Вместо этого, какие-то подчиненные из
когорты Кастеляна Фалькира,
собранные захватчики, которые
захватили Шенлонг до

прибытия Кровавых Ангелов, забрали ее,
чтоб она служила рабом-посланником.

В лабиринтах мануфактур в живых
оставалось еще много таких бедняг.

Большинство из жалости были убиты,
вскоре после того как их хозяева Хаоса
были изгнаны, но некоторые сбежали в
индустриальную часть.

Местные охотились за оставшимися и
приводили их в крепость, в качестве
какого-то дара, как кошка приносит своему
хозяину

полугохлую добычу.

Когда они привели одного такого,

относительно целого, Штель не привлекая внимания организовал для них камеры в подземельях под крепостью.

Невинные, испорченные касанием Хаоса, их оскверненные тела скрывали в себе огромный темный потенциал, если его правильно использовать.

Штель отпустил веревку, позволив женщине слепо бродить по огромной комнате.

Его забавляло как на ее лице росла паника, ее руки взволнованно дергались, отчаянно ища поблизости стены, которых не было.

Он смотрел как рабыня дошла до центра комнаты и наткнулась на изящный стол, который он поставил туда.

Кувшин с ухором, стоящий наверху перевернулся и жидкость пролилась на ее пальцы.

На ее заплаканном лице появилось озадаченное выражение, она подняла грязную руку с веществом и дотронулась

ею до губ -

единственного чувства, которым она все еще обладала.

Шмель улыбался; стес из нарезанных сердец мертвых Несущих Слово ужалило ее глотку и она задохнулась от сжатого крика.

Рабыня упала на пол и начала плавиться как горячая свеча.

Кости и внутренности, пучки нерв, обнаженные мускулы, все это изменялось и передвигалось, мокро мерца в свете фотоновых

свечей, когда началась метаморфоза шепота.

Теперь рабыня встала и в ее мертвых глазницах прорастали новые глаза, которые смотрели на инквизитора.

Шмель отвесил театральный поклон.

Он столько раз видел этот светский трюк, что не был впечатлен им.

Эфемерный, мощный кусочек чудовищной души теперь обитал в плоти, превратив ее в рупор адских когорт на расстоянии

целого

светового года от Шенлонга.

- Магистр войны, Гаранг.

Так приятно снова вас видеть.

Крошечный кусочек души владыки Хаоса изучал себя, оплавленную кожу и бледную субстанция посланницы.

- Жалкое обращение для такой силы, как моя.

Я не задержусь надолго.

Пока Гаранг говорил через сломанную глотку, энергия Принца-Колдунa сжигала жизнь рабыни.

- Возможно это к лучшему.

- Почему? - спросил Штель, приближаясь к одержимой.

- Это означает, что мы сможем воздержаться от твоего обычного утомительного лепета, -

пузырьась кровью ответил Гаранг, -

Ты на этом порченном шарике уже почти месяц, и, кажется, все еще достиг небольшого прогресса.

Штель нервно дернул челюстью.

- Что ты знаешь об этом? - Резко ответил он, его утомленность на краткий миг выдала его раздражение.

- Твой тупой интеллект мало понимает тонченность моего предприятия.

Он отмахнулся от илота.

- Эта общением, которым я вынужден пользоваться для связи с тобой, отвлекает мое внимание от грядущих задач.

Аватар Таранга из плоти посмотрел на него со стороны.

- В самом деле? - Намехался он, -

- и это мой, как ты его назвал "тупой интеллект" позволил тебе закрепить свою власть над этим бесхребетным человеческим стадом.

Посланница нависла над ним, псионическая вонь ментального следа Таранга окутала телепатические чувства Штеля.

- Я нарушил священный кодекс Несущих Слово, чтоб проложить путь твоим интригам, человеческая мерзость! Я

пожертвовал целым

воинством для этой затеи.

Никогда не забывай об этом!

Лицо Штеля потрачнело.

- Не говори, как будто это было таким
затруднением, магистр войны.

Ты бы сам лично взял голову Ускавана
Ненавистного, если бы он не умер здесь.

Он и его девятое воинство не было ценным
для Губительных Сил.

Гаранг отрицательно фыркнул.

- Но до сих пор...

я выполнял свою часть сделки.

А ты тянешь со своей.

Посланница выплюнула на пол комок
омертвевшей плоти.

- Есть большой план, Штель.

Больше, чем обращение этих мяукающих
Кровавых Щенков...

Если ты не можешь выполнить свои
задачи...

- Мне нужно время, - отрезал Штель, -

События уже получили собственный

мпульс.

Силы Аркио все еще не полностью развернулись, вера его последователей растёт день ото дня...

- Ты напрасно тратишь время, рассказывая мне это, -

сказал Гаранг и кивнул теням, -

- Я не то чтоб оправдывал свою медлительную манеру...

Дыхание Штеля затерло, когда он почувствовал что-то тёмное и холодное в комнате, как психическое затмение.

Зловоние, которое могло существовать только в нереальности Варна проникло в комнату, на миги вокруг, еда внезапно испортилась, вино в запечатанных бутылках превратилось в уксус, дети родились мертвыми.

Высоко на орбите, на борту Беллуса, из слепых глаз Улан потекли редкие кровавые слезы.

- Нет, - сказал Штель, нетного противясь.

Слово упало на чёрную завесу очертаний, которые шипели и крутились вокруг него.

Из каждого темного угла появились насекомый, не безумным роem или сумасшедшими армиями, но в точном и безукоризненном порядке.

Там были мухи всех размеров и цветов, пауки и жуки и их было сотни тысяч.

Они слетались в бесформенную массу и через секунды превратились в нечестивые очертания демона, объединенные единственным отвратительным намерением.

- Малфаллак, -

Штель произнес имя варп-лорда и склонил голову, -

- я не ожидал увидеть ваше великоление.

- Лучше так, -

ответил демон, в его хриплом тоне скреблись груг о груга хитиновые крылышки, -

неожиданно.

Демон свернулся и не задумываясь слизнул высохшую кровь.

Аватар Гаранга бросился на пол,
преклонив колени.

- Великий Малфаллак, Преобразователь
и Монарх Злости.

Вы удостоили нас своим присутствием.

Демон не обратил внимания на Несущего
Слово.

- Шшшшшшитель, -

он наслаждался именем, -

Наша давняя сделка почти осуществилась,
но ты медлишь.

Почему?

Явное психическое присутствие демона
ранило Штеля.

- Ух...

нельзя вынуждать, владыка.

Чтоб направить этих Астартес с пути
бога-трупа, на путь восьми, необходимо
время и хитрые цели.

- Ты больше не обладаешь такой роскошью,

-

ответило существо, -

- В Глазу, время меняется и сдвигается,

как и все остальное.

Ты должен поторопиться со своими планами.

Шмель нахмурился.

- Владыка, если ты будешь торопиться, все что я сделал, могут раскрыть.

Жертвы Гаранда будут напрасными...

При упоминании своего имени, аватар Магистра войны решил вклиниться в разговор.

К этому времени от плоти-носителя уже отвалились части, обожженные и хрустящие.

- Как он сказал.

Ты продвигаешься слишком медленно.

Ты сразу же шагнешь вперед или я разрушу этот мир вместе с тобой.

БААЛ.

Планета когда-то была зеленой, сотни тысяч лет тому назад, в то время, когда еще существовал Имперіум.

Тогда, пышные леса и океаны, полные жизни еще покрывали поверхность, но

сейчас это было забытым мифом.

Это наследие осталось в окаменелых записях, когда планеты сдвинулась, катастрофические силы вычищали поверхность, пока не остался лютый мир из кроваво-красных скал и песка.

Для этому миру пришло из глубин человеческой истории, прозвище человека, который однажды стал демоническим царем-зверем.

Как и его тезка, Баал был неумолимым хозяином, местом где утирали неосторожные и неверующие.

Однако пригодным, чтоб пришли Кровавые Ангелы и использовали его для своих собственных нужд.

Командор Данте шел по зубчатой стене крепости-монастыря, постоянный пустынный ветер слегка дергал края его робы.

В вечернем небе, над горизонтом, он видел очертания лун Баала, их поверхности блестели.

Постоянные бури ржавой окалины в верхних слоях атмосферы Ваала делали небеса мерцающими, слабым розовым сиянием.

Данте взглядом пробежался по ландшафту, следуя линии Великому ущелью к северу и протяженным Горам Чаши.

Даже после тысячелетия, воин был тронут этим видом.

Ваал жил в его сердце, как и в сердцах всех его боевых братьев.

В Книге Лордов был отрывок, говорящий о рождении планеты, что она была создана Богом-Императором для испытания верующих.

Если это было действительно целью Ваала, то Кровавые Ангелы преуспели.

Они взяли мир, который насылал смерть на всех остелившихся шагнуть на его поверхность и сделали его своим домом.

Ваал никогда не будет приручен - это деяние для богов, а не для людей - но он научился уважать своих хозяев.

Суровая природа жила в гармонии с людьми.

И только здесь, во внутреннем святилище крепости можно было найти древний и давно минувший настоящий характер планеты.

Данте прошел через изящный воздушный шлюз из меди и синтетического алмаза и вошел в дендрарий.

Воздух был влажным и теплым, совершенно не похожий на обдирающую сущь снаружи; его обоняние почувствовалось слегка сладкий

аромат богатой, плодородной почвы.

Мягкая серовато-коричневая земля, деревья и растения росли вверх к куполу потолка, сделанного из овальных линз.

Каждая из них была величиной с глаз левиафана, созданная каким-то технологическим процессом потерянными в глубинах истории.

Скорее всего с самого начала алмазные окна были чистыми, но теперь, после бесчисленных веков, они были исцарапаны до

белизны

истирающим песком, пропуская только
молочный и неясный свет на огромный сад.

Кровавый Ангел осторожно пробирался
через буйную листву, обходя стволы
желтовато-коричневых деревьев.

Некоторые из братства спрашивали о
ценности этого места; они спрашивали
почему столь ценные сервиторы
обслуживания

направлены в дендрарий для его
поддержания.

Данте подозревал, что они видят в этом
месте проявление его какой-то странной
эксцентричности, как на личное
развлечение

магистра Кровавых Ангелов.

Возможно это было и так, но так же это
была живая связь с прошлым Ваала.

Здесь росли и распускались растения,
давно исчезнувшие в мире снаружи.

Сад был вратами в далекое прошлое,
напоминанием о том, что могло бы расти,
только для того чтоб стать пылью, если

бүгүщсе

вторгнется к ним.

Это было живым напоминанием о борьбе жизни с весом истории.

- Калистар, - мягко произнес Данте, когда достиг полянки.

Перед ним, опустившись на одно колено, стоял человек, проводящий пальцами по лепесткам белых цветов в клубе.

- Мой Господин, -

взглянув на него, ответил Мефистон, -

я не слышал, чтоб это имя произносили уже многие годы.

Главный Библиарий Кровавых Ангелов взирал на Данте из под капюшона, его жгучий взгляд, пронзающий разум врагов, был

спокоен.

- Я не видел Брата Калистара уже век.

Командор изучал лицо своего товарища и друга.

Данте была на Армагеддоне в ту ночь, когда из щелы улья Гадес появился он,

перерожденный Мефистон, Лорд Смерть.

Калистар не устоял перед красной жаждой и сгорел заживо, он оставался мертвым, пока взгляд их притарха не направил его к жизни.

- Прости меня, - сказал Данте, - на мгновение мой разум вернул меня в прошлое.

Времена были проще.

- В этом месте так легко потеряться в древней истории.

Другие могут сомневаться в ценности этого сада, но не я.

Данте медленно кивнул; псайкер почувствовал его мысли.

- Ты послал сообщение, что желаешь говорить со мной.

- Да, господин.

Я думал будет лучше поговорить наедине, меньше случайных слушателей и раздумий поймут то, что я должен сказать тебе.

Он указал жестом вокруг себя.

- Я часто прихожу сюда медитировать,

командор.

Безмятежность прошлого Ваала
сглаживает пути в эмпиреи.

Лицо Данте потрачнело.

По тону своего старого друга он понял,
что новости Мефистона не будут
хорошими.

- Что ты хочешь сказать мне?

- Разум Бога затолчал, Величайший.

Даже сейчас, когда я отдыхаю здесь и
проецирую свои мысли в бездну, я чувствую
рябь от его ментального вопля.

- Убьют?

- Да, - трачно подтвердил Мефистон, - и
Галлио вместе с ним.

Все воины, которых мы послали на
Шенлонг, потухли во вспышке огня.

- Ты в этом уверен? - Спросил Данте.

- Пути варна никогда не стоят на месте, -
ответил Мефистон, -

подобно песку, реальность утекает сквозь
твои пальцы.

Но я поклянусь своим мечом.

Они мертвы.

Данте ощутил холодное, знакомое
отвращение, которое он чувствовал
миллионы раз с тех пор как впервые стал
командующим

Кровавыми Ангелами.

Он чувствовал смерть каждого боевого
брата так же остро, как и самую первую
смерть воина под его командованием.

- Как?

- Я могу только догадываться, -

- псайкер добавил, - но если Аркис
затронули силы Хаоса...

- Должно быть другое объяснение, -
отрезал командор.

- Возможно несчастный случай, атака
вражеских сил.

Старый друг Данте медленно покачал
головой.

- Нет, Лорг, -

с трагичной решимостью ответил он.

- Ты предполагаешь что наш собственный
брат пролил нашу кровь? - Прорычал

Данте. -

- Я буду молиться, что ты ошибаешься.

- Как и я, -

согласился Мефистон.

Он на мгновение замолк, затем заговорил снова.

- Миссия Аларео не надолго останется тайной для наших братьев, командор.

Несмотря на все мои усилия, молва пошла среди людей.

Вскоре начнутся вопросы.

Данте покачал головой.

- Я не открою новости об этой "трансформации" пока мы не узнаем правду.

Если разговоры о втором пришествии Великого Ангела будут расти, последует раскол в наших рядах.

- И ты не можешь рисковать расколом.

Он встретился взглядом с Данте.

- Мои сомнения ушли, Лорд.

Я верю, что этот мальчишка Аркио не тессия.

Только страх мог вынудить его убить
команду Галлио.

- Но ты говорил, что не уверен в том, что
произошло.

Мефистон нахмурился.

- Темные нити тянутся оттуда.

Они сплетаются вместе в паутину
обмана и мы пойманы в нее.

Потаенные силы, омерзительно
воплощенные во плоти манипулируют
событиями.

Этот Аркио в самом центре, командор.

- Мы сможем быть уверенны, только
встретившись с ним лично, -

ответил Данте, -

до этого, он останется неизвестной, не
перевернутой картой таро.

Псайкер снова утолк, изучая нежные
растения у его ног.

- Вам знаком этот цветок, командор?

- Красная Родня, -

ответил Данте, -

- в естественном виде на планете

перестал существовать с тридцать
восьмого тысячелетия.

Мефистон пробежался пальцем по
крепким, эластичным лепесткам белого
цветка, иззубренная кромка окрасилась
кровью.

Капилляры на лепестках мгновенно
начали всасывать жидкость, окрашивая
растение алым.

- Корни цветка переплетены с
остальными окружающими растениями, -
сказал Библиарий, - оно делится с ними
собранными
дарами.

Распустившийся темно-красный цвет
распространился на ближайшие растения.

Пальцы Мефистона обхватили бутон и он
сжал растение в кулаке, ломая его,
проливая струйки своей собственной крови
на

плодородную почву.

- Как ты, один даешь силу всем.

Но если это единство нарушится...

Он сделал паузу, склонив голову набок.

- Мы не огни.

Данте развернулся на звук открывающегося воздушного шлюза.

На клацающих механических ногах к нему спешил веретенообразный сервитор-посланник.

Когда-то он был человеком: теперь он стал машиной на службе Империи, его разум был очищен от любых следов личности, безликий автомат сделанный из плоти и имплантированной стали.

Его безэмоциональное лицо поворачивалось влево и вправо, и наконец нашло командора Кровавых Ангелов.

- С вашего разрешения, Лорд Данте.

Прибыло сообщение с Шенлонга.

Только для вашего рассмотрения.

- Говори, -

потребовал он.

- Передано через астронавтический канал Улан на борту боевой баржи Беллус, под командованием Брата-Капитана Угеона, протокол

отнис окто,-

- пересказывало существо, транслирующее
транс-речь из собственных псайкросвязистов монастыря.

- Сангвинарный Высший Жрец Брат
Сахиель, избранный Благословенными
Архио, запрашивает аудиенцию с Лордом
Командором

Данте на мире-святыне Сабием через
девять солнечных дней, от имени
Перерожденного Ангела.

- Перерожденного Ангела, -
сквозь сжатые губы повторил Мефистон, -
кажется этому щенку не достает
скромности.

На секунду Данте задумался.

- Сабием.

Я хорошо его знаю.

Там располагался гарнизон Кровавых
Ангелов в мрачайшие дни кампании
фаегра.

Он нахмурился.

- Многие из наших братьев проливали
кровь за каждый метр этой губительной
планеты.

- Заброшенный мир-памятник, -
ответил псайкер.

- Идеальное место для засады.

Он встал на ноги, в его глазах играл огонь.

- Лорд, это настолько очевидная ловушка.

- В этом мы можем быть уверены, -
согласился Данте.

- Но этот жрец Сахиель, если он правда
говорит от имени Аркио, слишком хорошо
понимание, что я вынужден согласиться на
встречу.

Глаза Мефистона сузились.

- Командор, вы же не думаете принять
это так называемое "прошение"? Если
Арио желает встретиться, он должен
прибыть на

Баал.

- Он этого не сделает, -

отрезал Данте, - и я больше не рискну
пожертвовать еще жизнями, что
привести его под конвоем.

Нет, мы должны сами выяснить истину
насчет Аркио и определить,

действительно ли он перерождение
Сангвиния или самозванец.

- Чтоб сделать это, мне нужно самому
взглянуть на него, Лорг.

Данте кивнул.

- Пусть так и будет.

Ты будешь сопровождать меня на Сабием и
я призову к ответу Аркио за его деяния.

Мефистон покачал головой.

- Я не могу позволить этому случиться.

Кровавый Ангел одарил Библиария
пронзительным взглядом.

- Ты оспариваешь мои приказы?

- Простите меня, великий Данте, но вы
поклонялись командовать этим Оргеном.

Ваше место здесь, на троне Баала.

Я встречусь с Аркио, сам.

Как ваш заместитель, я не могу
позволить вам подвергаться такой
опасности.

Данте покраснел от раздражения.

- Двенадцать столетий я вел воинов во
главе! И теперь, когда какой-то ребенок

претендует на божественную власть над
моим

Орденom, ты требуешь чтоб я остался в
стороне?

Твердый как сталь взгляд Мефистона не
дрогнул.

- С позволения лорда командора, я лучше
подхожу для этой затеи.

Во всем вашем величии, вы не обладаете
варп-зрением, как я.

Мой взгляд способен видеть сердце
претендента также ясно как днем и я не
дрогну казнить его, когда придет такой
момент.

Он положил руку на плечо Данте,
фатильярный жест, которые ни один ныне
живущий Кровавый Ангел не осмелился бы
повторить.

- Мой Лорд, когда люди узнают об Аркио,
возникнут вопросы.

Он будут нуждаться в ваших
наставлениях.

- И я должен остаться здесь, что
ответить на эти вопросы, -

Данте нахмурился.

После глинной паузы он вновь заговорил.

- Хорошо.

Твои советы еще никогда не подводили меня, Мефистон, и в этот раз я тоже приму его.

По моему приказу, собери самых своих старших братьев и прими командованием боевой баржей "Европа".

Я дарю тебе полное право говорить от моего лица и от лица Кровавых Ангелов.

Лорд Смерть дотронулся своими обнаженными пальцами до груди и склонил голову салютуя.

- За Сангвиния и Императора, - сказал он.

- За Сангвиния и Императора, - повторил

Данте.

РАФЕН вошел в часовню незатеченным и вышел из теней вокруг алтаря.

Он едва сделал шаг, когда кристально чистый голос Аркио позвал его.

- Рафен.

Я вижу тебя.

Его родной брат оторвался от молитвы и
позвал его к себе.

- Уди сюда.

Мы тут огни.

Десантник вышел под тусклое освещение
поперечного нефа.

- Говорят, что завтра Сахиель отберет
тысячу и освятит Крестовый Поход Крови.

Его голос был напряжен от эмоций.

Аркио кивнул.

- Так оно и будет.

- И сколько еще погибнет? - Потребовал
ответа Рафен, -

Сколько еще Кровавых Ангелов и невинных
будут уничтожены?

- Только те, кто противятся воле
Сангвиния.

Рафен на мгновение замер в
нерешительности.

- Брат, я утоляю тебя.

Отступишь.

Я заклинаю тебя, именем нашего отца, не
сделай этого! Ты приведешь Кровавых

Ангелов к саморазрушению.

Он ожидал что в любую секунду Аркио в гневе развернется к нему, чтоб убить его за такое предложение, но вместо этого золотая

фигура бросила на него взгляд полный печали и сожаления.

- Нет, мой родичь.

Я освобожу их.

С твоей помощью, Сахиеля, Штеля, всех нас, мы начнем новую эру для наших боевых-братьев.

- Аркио, -

Рафен почувствовал, что лишился дара речи.

- Разве ты не видишь, какая бойня ожидает нас впереди?

Его брат отвернулся, вернувшись к молчаливой позе, отмахиваясь от него, как от какого-то неуместного слуги.

- Я взгляд в бесконечность, Божественный Сангвиний.

Если суждено пролиться крови, она прольется в мою честь.

Рафен не нашел больше слов и замолчал.

Он отвернулся от Аркио и ушел.

Глава шестая.

В ограниченном пространстве рукотворной арены, днем и ночью, без передышки, бугежала битва.

Некоторые из них были солдатами Системы Планетарной Обороны Шенлонга, отчаянно желающие вернуть себе хоть чуть-чуть

достоинства после такого печального падения перед захватчиками Хаоса, другие были просто гражданами, обездоленные

Несущими Слово, потерянными и не видящими смысла существования на перепелище своего города.

У всех был подходящий настрой, великая пустота в сердцах, которая могла быть наполнена только тем, кто мог предложить им

надеяться.

Это и сделала Благословенный Аркио, жители Шенлонга верили, что мощь

Императрица оставила их.

Их молитвы о спасении остались безответными и пока Десантники-Предатели поработали их, мерзкие демагоги культа Несущих

Слово выстеивали их преданностью Императору, который повернулся к ним спиной.

Это были самые мрачнейшие дни.

Некоторое сломались под кнутом притеснений и сами себя лишили жизни, другие отринули преданность Терре и ступили на кровавый путь архиврага.

Вера людей столкнулась с трагом, они были убеждены что помощь никогда не придет.

Аркио все это изменил.

На крыльях священного огня, он упал с небес и сразил Несущих Слово своим Святым Копьем.

Меньше чем за день, Перерожденный Ангел и его когорты очистили Шенлонг от врага и освободили народ.

Они все добровольно отринули всю свою преданность, которую имели к далекому призраку на троне в миллионах световых лет; они

все добровольно склонили свои колени перед богом, который ходил среди них подобно человеку, шествуя видением золотого света.

Аркио был их спасителем и они любили его за это.

Когда жрец Благословенного Сахиель разнес весть, что Аркио собирает армию из людей, несметное число мужчин и женщин

ответили на призыв.

Они с гордостью были готовы сложить свои жизни за своего нового спасителя, хватаясь за любой шанс стать чуточку ближе к его

великолепию.

Будут отбор, сказал Сахиель, призыв тысячи душ, чтоб присоединиться к Аркио в его Крестовом походе Крови.

Эти посвященные станут Воинами

Перерожденного и за их сердца и души,
жизнь снова была наградой.

Кающиеся шепотом говорили об
отдаленной планете Ваал, родном мире
Благословенного, где по легенде, обычные
люди могли

стать такими же великими
создателями как и он - Агентус
Астартес.

От добровольцев не было отбоя.

На огромной площади, на подступах к
крепости Укари, они создали арену из
разбитых зданий, и внутри, те кто
остелились

стремиться попасть в братство воинов,
взяли оружие и обратили его друг против
друга.

Только сильнейшие, самые безжалостные
будут избраны в тысячу.

Они начали свою маленькую войну,
загнанные под горообразную башню, и они
сражались и сражались.

Жизнь за жизнью, час за часом, их число
уменьшалось, количество выживших

приближалось к тысяче, когда день
стенился ночью, а ночь гнет.

При приближении Высшего
Сангвинарного Жреца, Алактус и Туркио
открыли врата, сияние рассвета блесело
на белом золоте его
брони.

Внутри арены, бой затихал и схватки
были не такие частые, массированная
бойня, как гнет ранее, ослабевала.

Сотни обычный людей погибли в этой
первой, запутанной схватке каждый за
себя, галлоны пролитой крови окрасили
каменную

плитку под нити в коричневый.

Некоторые орудия были грубыми - дубины,
топоры, огромные стальные гаечные
ключи, украденные из соборов-фабрик, в то
время

как остальные были смертоноснее.

У немногих претендентов было
огнестрельное оружие, огнеметы, даже
лазеры, оно было собрано с трунов
погибших на войне и

принесено сюда, чтоб быть обращенным
друг против друга.

Пока Туркио наблюдал, Кровавый Ангел
мог увидеть перестрелку между двумя
людьми, один едва мог нести тяжелый
стаббер, другой отстреливался из какого-то
лазистолета.

Фигура со стаббером издала боевой клич
и попыталась атаковать врага, но оружие
было слишком массивным, слишком
тяжелым, чтоб с ним мог управиться
человек без брони.

Он запнулся и человек с лазером прошил
его яркими огненными выстрелами.

Тот упал на землю, его труп был охвачен
огнем.

Сахиель затер в воротах арены и
шепотом отдал команду по воксу.

В ответ, воздух наполнился воплями
предупреждающих сирен, установленных на
высоком балконе, где-то на стене башни
крепости.

Затихающий вой успокоил площадь и
после него наступила тишина.

Это был заранее оговоренный сигнал;
испытания были закончены.

Повсюду на арене закончились стычки и
оружие опустилось.

Те, кто до сих пор еще был способен
двигаться, выходили из укрытий на
открытое пространство в центр боевой
арены.

На рукотворных трибунах, возведенных
вдоль стен окружающих арену зданий,
люди в понятном нетерпении рванули
вперед, чтоб

увидеть тех, кто будет избран.

Сирена утолкла и Сахиель наслаждался
тишиной.

Казалось, что все взгляды Шенлонга были
прикованы к нему.

Благословенный дал жрецу задание
сделать окончательный выбор, и это было
долгом, который он с нетерпением готов
был

выполнить.

Он вышел на арену с Түркио и Алактүсом
по бокам.

Взгляд Сахиеля пробежался по лицам, окружающим его, все они были окровавлены и грязны от боя.

В их глазах читалась безоговорочная готовность сделать все, что он прикажет, и это понимание раздвинуло его от ощущения власти.

Эти люди последуют за Аркио в пасты ада и не будут задавать вопросов.

Только подумать, он питал сомнения насчет возвращения этой армии; теперь они казались ему нелепыми.

Конечно, это были просто люди, не чета мощи Космического десантника, таким как он, но все равно, этот батальон готов ител

свое назначение на поле брани.

Правда была в том, что эти люди охотно были готовы пожертвовать своим будущим, чтоб голос Аркио услышали, за мощь

Благословенного.

Когда Крестовый поход Кроуи всерьез начнется, ряды Воинов Перерожденного

вырастут в десять, двадцать раз от
сегоднешнего
числа.

Он отбросил все мысли прошлой
нерешительности.

Кто сомневался в мудрости
Благословенного?

Края глаза он увидел движение и
посмотрел на женщину с растрепанными
волосами, когда она пыталась встать на
ноги.

Она не могла этого сделать; свежие,
истекающие раны на ее боку снова
открылись.

Сахиель наметанным глазом рассмотрел
повреждения.

Костодесантник мог бы и пережить
такие ранения, но у обычного человека
совершенно не было шансов.

Женщина встретилась с ним взглядом и в
ее глазах была мольба, столь чистая,
столь сердечная, что жрец остановился.

Он наклонился над ней.

- Как тебя зовут? - Спросил он.

- Макх-т-Мирис, - прокашляла она, -

Мирис Агрин.

Сахиель заметил на ее плече остатки значка-вымпела.

У жителей Шенлонга была традиция принагленность кадров и чин жителя отражать укладкой связанных лент на одежде.

У женщины были цвета матери троих детей, учительницы.

- Мирис, -

мягко сказал он, -

Твои дети гордятся тобой.

- Да, -

она выдала улыбку, но ее лицо текли слезы.

Она знала что умирает и что она никогда не исполнит мечту присоединиться к когорте Аркио.

- Позволь мне одарить тебя, - начал Сахиель, доставая с пояса свой редутор.

- Ты желаешь Милости Благословенного, Мирис Агрин?

- Господин, редуктор предлагают только Астартес... - с гримасой на лице сказал Алактус.

Сахиель взглядом заставил его замолчать.

- Все, кто служат Ангелу Перерожденному могут получить этот дар.

Глаза Мирис заблестели, принимая благословение.

- Да, господин.

Я желаю.

Он благосклонно кивнул и выстрелил ей в сердце.

Тупоносый болт из титана был предназначен чтоб пробиться через твердый кератит и пласталь силового успеха Космогесантника

и прорвать грудную клетку, давая доступ к внутренним органам, это было последний, достойный выход для боевого брата, который

был слишком близок ко смерти, чтоб его можно было вылечить.

В нормальной, не модифицированной

плоти он пробил дыру в грудной клетке
учительницы размером с кулак Сахиеля.

С нежностью, она закрыл глаза Мирис и
стоял, стирая капли ее крови с аппарата.

- Даже в смерти, тысяча будет служить
Благословенному памятником его
справедности, -

сказал он, его чистый и твердый голос
разнесся по арене.

Туркио смотрел на мертвую женщину,
слабый запах ее остывающей крови достиг
обоняния через решетку его бронированного
шлема.

Характерный аромат загел внутри него
глубинную, первобытную струну.

Вскоре будет битва.

Сахиель смело пошел вперед, положив
редуктор в кобур и широко расставив
руки.

Он шел через толпу запачканных и
оборванный бойцов, трогая кого-то за
плечи, кивая остальным.

Каждый, на кого он указал, кланялся в
ответ и стоявшие вокруг них, отходили

назад, чтоб взглянуть на величайших в их
рядах.

Человек за человеком, Сахиель избрал
тысячу.

Тех, кого не коснулось титанетное
благословение смотрели в немол
толчании, другие же плакали.

Алактус вывел как двое людей вложили
стволы оружия себе в рот и закончили свои
жизни, вместо того чтоб принять
поражение.

В центре арены стоял распотрошенный
корпус Лендрейгера Несущих Слово,
обожженная коробка деформированного
металла и

костлявые возвышения убитых залпом с
Беллуса.

Он забрался на разрушенную машину и
обратился к стоящим перед ним людям.

- Ваши жизни окончены, -

сказал он, -

кем бы вы ни были до сего момента, чтоб
вы не говорили или делали до этого дня,
теперь это ничто, предвечная дырка.

Вы мертвы и вы переродились.

Вы тысяча.

Рванные приветственные крики взорвали арену, быстро захватывая наблюдателей на трибунах и улицах позади.

Звук разносился подобно волне и Сахиель представил себе, что он слышит вопль целой планеты.

- Вы первые удостоены чести стать Воинами Перерожденного, избранными Аркио Благословенным, слугами Новых Кровавых Ангелов.

Ваши имена будут вырезаны в истории наряду с легионами Сангвиния, наряду со смертным именем самого Аркио.

Тысяча загрохотала оружием и стала палить в небеса, грохочущим кличем благодарности.

- Хорошо заполните этот день.

- сказал он, - он никогда не наступит снова.

В веках, люди будут обращать свой взгляд к Шенлонгу и видеть в вас таянство основ и преданности.

Они бүдүт вас знатъ как и я - как героев
грядущих войн.

В ответ снова слышался рев и в этот
раз он расколол воздух подобно раскату
гроа.

КРИВАЯ устешка сформировалась на
губах инквизитора когда звук проник через
окрашенное стекло окна его часовни.

Крик имел такую силу, что древние
панели завибрировали от такого
ликования и подобно дирижеру оркестра,
риторика жреца

заставляла звук взлетать и падать.

С холодным удовольствием он размышлял
о Сахиеле; все люди рождаются слабыми,
даже такие сверхъестественные
суперлюди как

костодесантники и ключом, чтоб
манипулировать ими, было найти и
воздействовать на их недостатки.

Для таких людей, как покойный Сержант
Корис, требовалось больше усилий, чем для
других и воздействие на Рафена почти
убило

его - но он всецело ожидал вскоре услышать о брате Аркио, возможно что он будет найден мертвым в каком-нибудь темном углу

города, покончив с собой.

Штель заставил Рафена окунуться в глубины его собственного отчаянья чтобы контролировать его, но с Сахиелет все было

по-другому.

В высшей степени высокомерный среди высокомерных, характерной особенностью жреца было его чувство собственного превосходства.

Штель раскопал, что в молодости, Сахиель был рожден среди тех, кого на Ваал Примус считали аристократией.

Высокорожденный воин племени с огромными владениями на Первой Луне, он смотрел на свое возвышения в рядах Кровавых

Ангелов как на само собой разумеющееся, и Штель не сомневался, что Сахиель представляет свое будущее как

командование

орденом через несколько веков.

Штель старательно работал чтоб
взрастить Сахиеля, за годы миссии
Беллуса по возвращению Конья Телесто в
костосе орков, выделая тонкие нити
тщеславия, которые скрывались в нем,
подкармливая их, лелея его притязания.

Он позволил Сахиелю быстро повиситься в
звании, получив взятен преданного
союзника.

Учитывая фанатичную веру жреца в
культ Сангвиния, Штель получил агента,
который охотно исполнял его планы, не
раздумывая

над истинными мотивами лежащими за
ними.

Покуда Штель прячет свои цели под
покровом перерождения примарха, Сахиель
решиительно будет следовать за ним.

Он отвернулся от окна.

Аркио не было и к его раздражению,
почетная стража, стоящая у входа во
внутреннюю подземную часовню,

отказалась впустить
инквизитора.

Молодой воин снова был там, общаясь со
Святым Коньём.

Но правде, близость Аркио с оружием
археотека был источником для
беспокойства Штеля.

Он задавался вопросом, какие секреты
содержит оружие, секреты, которые мог
открыть только кто-то, в ком течёт
кровь Астартес.

Кровавый Ангел медитировал в
святилище, надеясь найти фрагменты
души его прародителя из оружия, которое
Сангвиниус когда-то
называл своим.

Штель вознес безмолвную просьбу
Губительным Силам, чтоб он не нашёл
таких.

Если Аркио начнет демонстрировать
признаки опасной независимости, все
тщательно сработанные планы Штеля
станут ничем.

Еще один жаждущий рева перенес его

внимание к толпам внизу.

Сахиель уже перешел к крещендо, выпуская
пламенную триаду.

...

...

В своих руках жрец держал медную чашу,
как символ его высшей должности.

...

Он тянул ее вверх и рассветное солнце
блестело на реплике великого Алого
Грааля.

Сахиель на мгновение задержал на нем
взгляд.

Однажды, сказал он сам себе, я буду
держатъ настоящий Алый Грааль, даже
мне придется вытаскивать его из
мертвых пальцев

Корбуло.

От этой неприкрытой алчности в тысячах
по телу жреца пробежала нервная дрожь.

Это было тайным желанием, чем-то, что
он никогда не остелился бы высказать
открыто - и все же внезапно он
почувствовал себя

вдохновенным, дерзость от такого раскола сделала его стелым.

Перед обликом чаши, тысяча склонила свои головы.

- Кровь столетий течет через всех нас, - сказал он, цитата из Книги Лоргов неосознанно сама вспыхнула в нем.

- Сыны Сангвиния восстанут, чтобы очистить галактику от всех, кто противостоит свету и порядку.

Взбешенно и гико они поддержали его.

- Благословенный осветит путь, мы должны следовать по этому пути и приветствовать тех кто славит его имя!

- Аркио!

- Аркио!

- Славьте его!

Отовсюду слышались голоса преклонения.

- Мы принесли свет тем, кто видит истину и всепоглощающий огонь тем, кто ее отвергает.

Сахиель хлопнул граалем по нагрудной пластине, ударяя им напротив сердца.

Его сотрясали чистые эмоции.

- Внемлите.

Я правая рука Перерожденного Ангела.

Я несу вам всем его призыв к славе.

Собирайте оружие, Воины
Перерожденного, собирайте свое оружие и
готовьтесь к войне.

Сахиель откинул голову и проревел в
небеса.

- В этот день старый порядок утер.

В этот день мы все рождены заново.

В этот день начался Крестовый поход
Крови!

- Аркио! Аркио! Аркио! Аркио!

Скандирование росло и росло, пока не
заполнило воздух.

НЕСМОТРЯ на утреннюю яркость,
Рафен мог видеть только тени.

С крыши крепости он наблюдал как жрец
произносил свою напыщенную речь,
крошечная фигура в красном и белом,
толщиной с его

большой палец, пятнала его взор.

Его голос не утихомиривался, хотя
каждое слово сказанное Сахиелем
разносилось через вокс-сеть замерших
Кровавых Ангелов и
через телеграфы городской системы
оповещения Шенлонга.

- Те люди, которые хотят
контролировать нас, мы отвергаем их!
ревел голос жреца в его наушнике, долей
секунды позже до слуха
долетала та же фраза, носимая ветром.

- Империям задыхается от мелочных
бюрократов и позорных идиотов, слабаков,
которые загнали судьбу человечества,
проложенную Императором.

Сангвиний знал об этих недостатках.

Он умер в бою с архи-предателем
Хорусом, чтоб Император мог жить!

Губы Рафена скривились в кислой
устешке, Сахиль извращал правду, чтоб
облачить в это свое поучение.

Жрец продолжал, вводя себя и свою
аудиторию в безумство.

- Но теперь Чистейший вернулся к нам и

его точка зрения осталась неизменной.

Он пришел к нам, потому что чума неполноценности распространилась по звездам, отправив даже самые высшие чины самих

Кровавых Ангелов.

Мы больше не можем стоять в стороне и позволить чтоб желания нашего Оргена, нашего вида диктовались бессильными.

Теперь пришло время действовать, во имя Аркио!

Толпа ревела имя его брата, даже скала грожала от этого рева.

Рафен взглянул на нож в своих руках, все еще окрашенный его собственной высохшей кровью.

Часы тому назад он был на удар сердца от того чтоб лишиться себя жизни, и теперь он снова был на этой краю, но в этот раз по его

собственному выбору.

- Мы отказались от правил этих, так называемых Агентус Терра, - проревел Сахиель, -

Мы отринули владычество Данте.

Мы сочли его не нормальным.

И с этого момента, мы готовы умереть
под командованием Благословенного!

Толпа бурлила вокруг жреца и тысяча
требовала ответов, утоляла отгаты
распоряжение.

Они хотели чтоб им указали что делать,
они были неполноценными без эдикта,
которому нужно было следовать.

- Воины, я приказываю вам.

Вы станете войском для Кровавых
Ангелов на борту Беллуса, священного
флагмана Крестового похода Крови.

Вместе мы встретимся с Данте и
искореним его, чтоб Аркио смог занять
законное место магистра Оргена!

Проклятье Вандира...

Рафен чувствовал силу слов как
физический удар.

Он никогда не сомневался, что рано или
поздно он услышит такую ересь
высказанную вслух, но все равно, когда
услышал, почувствовал тошноту.

Сахиель стоял там и пропагандировал убийство и лжатеж, и к вечному стыду Рафена, его боевые братья откликнулись на этот призыв.

Вдруг он почувствовал себя опозоренным и оскорбленным, стыдящийся того, что разделяет одну кровь с этими испорченными предателями.

- Ваал должен прийти к нам в приход, - решил Сахиель, достигая кульминации, - все Кровавые Ангелы и приемники склонят колено перед Великим Аркио или будут преданы забвению.

Ответный крик поглотил все остальные звуки и раскаленный стыд Рафена остыл до ледяного гнева.

Разве эти глупые слепцы не видят? Так же ясно как божий день, это было перед ними, прячась под личиной друзей, взывая к их

первобытному, их страхам, их тайным надеждам.

- Хаос, -

Рафен выплюнул это слово.

Рука смертельной, восьмиконечной звезды двигала Сахиелем и другими, как бездумными пешками на огромной игровой доске, выстраивая их для гиблых дел, настолько отвратительных, что они лежали за гранью понимания и расчетов этих ослепленных, обманутых дурачков.

- Будь я проклят, но я не позволю этому продолжаться далее.

- Брат? - сказал голос позади него и Рафен резко обернулся.

Он был застигнут врасплох, его собственные мрачные мысли и гнев толпы отвлекли его.

Люцио приблизился к нему, с озадаченным выражением на верхней части его лица, которая была открыта над полумаской его

дыхательной решетки.

Технодесантник Кровавых Ангелов замер, опустив руки, но его механическая серво-рука за спиной до сих пор обеспокоенно

подерживалась.

- Что ты сказал?

Рафен взглянул на нож в руке, потом на Люцио в его броне красного керамика и аккurateчную, бронзовую зубчатую шестеренку.

- Аркио не тессия, -

сказал он Техножрецу Кровавых Ангелов, -
той бедный брат заблудшее оружие.

Лицо Люцио побледнело от шока.

- Как ты можешь говорить такое? Ты, из
всех воинов, родной брат неустрашимого
Благословенного.

- Как? - Повторил Рафен, подходя к
Техногесантнику, -

я так говорю, потому что я, на этом
отчаявшемся мире, все еще ясно вижу,
чтоб увидеть.

Брат Люцио отступил к сервисной
платформе, перевозящей грузы для
крепости Икари.

- Нет, нет.

он всеми тремя конечностями

отмахивался перед лицом, как будто он
мог этим изгнать слова Рафена, подобно
нагоедливого
насекомому.

- Ты с ума сошел.

Рафен достал свой болтер и направил его
прямо в губ Люцио.

- Наоборот, -

ответил он, -

я боюсь, я единственный вменяемый.

Черное жерло оружейного ствола не
шелохнулось.

Костодесантник почувствовал как
странное спокойствие охватило его, когда
окончательный план сложился в его голове.

С тех пор, как это безумие началось на
Кибеле, медленно тлеющая уверенность
росла в душе Рафена.

Всем своим существом он знал про это
Напряжение, и теперь оно окончательно
сформировалось.

Страх, постоянный телный страх, что
от его руки умрет Аркио, был слым.

Пока он изучал ступенное лицо
Техногесантника, Рафен решил что он в
ответе за свою собственную жизнь, так же
как и каждый

своенравный смертный и обманутые,
свернувшие с пути света.

- Бьющееся сердце крепости, ее ядро.

Ты говорил с духом машины.

Люцио медленно, осторожно кивнул.

- Только очень поверхностно,

Я не полностью понимаю пути духа
реактора, но...

Рафен указал дулом на платформу
элеватора.

- Ты отведешь меня к нему, или я убью
тебя сейчас же.

ОНИ спустились через внутренности
конической башни в открытой
металлической клетки лифта.

Люцио прошептал быструю литанию над
пультом управления, и с визгом железа о
железо, платформа, уровень за уровнем,
начала

контролируемо спускаться.

Рафен не спускал глаз с Техногесантника, не позволяя гулу сдвинуться с головы Люцио.

В разуме Рафена вспыхивали воспоминания, о подобном элеваторе в бункере планетарной защиты на Кибеле.

Он с Лицио так же были там, еще с Аркио и Сахиелет, опускаясь в темноту с мыслями о мести.

Казалось, это было так давно, как будто пролетели годы, а не недели.

На мгновение, тяжесть утомления грозила опуститься на него подобно тяжелому покрову, но Рафен отогнал ее, гневно моргнув.

Люцио разговаривал сам с собой.

Поначалу Рафен думал что он молится, или еще хуже, зовёт на помощь по воксу.

- Это испытание, -

вслух говорил Техногесантник, озвучивая свои мысли, - это испытание на верность.

Благословенный испытывает мою веру.

- Ты сделаешь все, что он попросит? -
Спросил Рафен.

- Конечно, -

мгновенно ответил Люцио, как будто ответ был таким же простым, как штифты службы над его бровью.

- Он Благословенный.

Часть Рафена ненавидела и питала отвращение к своему боевому брату, когда он услышал ответ.

Возможно, более слабые умы обыкновенных людей, не были удивлены, приняв предполагаемую святость Аркио, но видеть такую же

готовность в рядах собственного Ордена, вызывала в нем отвращение.

- Тебе приходило когда-либо на ум, брат, что ты делаешь серьезную ошибку, благоговая перед ним?

- Зачем мне думать о таком? - Возразил Люцио. -

Милостью Отниси, Сангвиний был возвращен нам.

Весь гнев, который копился в Рафене неделями внезапно нашел выход и он зарычал на Технодесантника.

- Он отрастил крылья и внезапно стал Принцем Отца? Ты настолько доверчив, что не можешь видеть дальше блеска золотой брони?

Он несколько минут ехали почти в крошечной тетноме и Рафен мог видеть только проблески лица Люцио.

Противоречивые эмоции пробежались на мгновение, потом он кивнул сам себе.

- Испытание, -
ответил он, -

я не проявлю слабость, ты можешь сказать это лично Перерожденному Ангелу.

С металлическим грохотом элеватор остановился.

- Глупец, -

себе под нос пробурчал Рафен и двинулся к двери.

Не заботясь о том, что на него до сих пор наставлено оружие, Люцио открыл проволочную сетку и пошел дальше в подуровень крепости.

Его плечи попали в лучи света и Рафен последовал за покачивающимися вспышками белого.

Технодесантник осторожно убрал толпившиеся четки с вращающейся задвижки и открыл ряд толстых стальных люков.

Внутри были консоли и панели настолько запутанные и сложно исполненные, что это мгновенно напугало Рафену мостик Беллуса.

- Вопрос, - сказал он Люцио, -

Которая из них отвечает за обитающий в силовом ядре дух-машины?

Люцио нахмурился, указывая на огромный, изысканный модуль.

- Этот.

Хотя дух-программа распространяется на всю систему реактора, приставивая за термоядерным сердцем, за показателями охлаждения, регуляторами...

Рафен не понял большинство из терминологии техножреца, но для своих целей он понял достаточно.

Он выдохнул.

- Дух силовой установки.

Я хочу чтоб ты убил его.

Люцио торгнул.

- Я ослышался? Рафен, может быть испытание зашло слишком далеко, но я не могу...

Он покачал головой, поднимая болтер.

- Это не испытание, жрец.

Делай как я сказал.

Лицо техногесантника побледнело.

- То, о чем ты просишь, брат, безумие.

Даже если бы я мог, это деяние приведет в ярость термоядерный реактор.

Он за секунды достигнет критической массы и взорвется с такой силой, что проделает дыру во всей планете.

Это уничтожит нас всех!

- Аркио тоже?

Люцио наконец-то понял намерения Рафена.

- О, Святая Терра, нет.

Брат, пожалуйста! Я не хочу принимать

в этом участие.

Он начал лепетать и Рафен отвернулся от него; далее техножрец не будет ему помогать.

Он кивнул в сторону консоли.

- Эта, да?

Не дожидаясь подтверждения, Рафен поднял болтер и опустошил весь магазин болтов в устройство.

Люцио заорал, его голос потонул во внезапном реве сирен.

Технодесантник шатнулся вперед, тряся головой.

- Ч-что ты наделал? Что ты наделал?

Рафен перезарядил оружие, загоняя новый магазин на место.

Он пытался ответить жрецу, когда топот металлических ботинок возвестил о прибытии других людей.

На дальней стороне комнаты в люке показались фигуры в красной броне, различные сквозь дыт от консоли и вспышки аварийной сигнализации.

- Мы услышали стрельбу... - закричал один из них.

- Предатель! - Завыл Люцио. -

Рафен предал нас!

Рефлекторным действием Десантников было поднять оружие и стрелять.

Рафен ускользнул, пропуская три неточных выстрела, и перекатился через плечо к люку, ведущему в шахту лифта.

Острые росчерки трассеров проткнули комнату управления и под перекрестный огонь попал Люцио.

Его развернуло на месте и он споткнулся напротив разрушенной консоли.

Рафен добрался до металлической клетки, в то время как остальные Десантники метнулись в стороны от люка позади него, залязгали болтеры.

Отбросив все мысли, что его целями была грузья Кровавые Ангелы, он открыл ответный огонь.

Ответные выстрелы сверкнули над его головой и с неприятным звуком разорвали часть кабелей лифта.

Рафен ожидал что клетка внезапно упадет в стигийскую темноту на дне шахты, но произошло совсем другое, болты перебили

кабели противовеса и внезапно платформа лифта рванула вверх, разбрасывая потоки искр.

Ускорение бросила Рафена на пол и припилило его там, пока лифт стремительно несясь вперед, к кругу света над его головой.

Внутри комнаты, Люцио полз вперед, зажав одной рукой рану на животе, удерживая выпадающие внутренности и преотпор.

Здесь, окруженный светом и звуком отсасываемых святым созданий Отнисси, Технодесантник чувствовал себя живым, несмотря на

вытекающие из него ярко-красные ручьи крови.

Свободной рукой он снял латную перчатку, чтоб последним его ощущением было касание плоти о священную технологию.

Люцио схватил толстый стержень переключения, под которым было написано "Авар."

Останов."

на старом языке и повернул его.

Со зловещей вспышкой, огни внутри крепости померкли, когда Люцио отсоединил термоядерный реактор до того как тот набрал критическую массу.

- Ты не победил, изменник, -

задышался он, - не победил.

ТЕХНОЖРЕЦЫ настаивали на переосвящении комнаты перед тем как восстановить ее работоспособность и это заняло большую

часть дня, но когда слабое солнце Шенлонга начало опускаться за горизонт, крепость Укари и окружающие районы вокруг нее

снова осветились, и люди славили благодеяние Аркио по спасению их от темноты и холода.

Под покровом ярости, которая окружала

его, их игол не слышал их благодарности.

- Отвечайте! - Громыхал он на Сахиеля, его сжигающая ярость заставила жреца содрогнуться.

- Я требую ответов!

Что за отрогье варна остелилось войти в твою крепость и сделать ее немошной? Отвечайте.

Когда Штель вошел, он разглаживал свою официальную робу и небрежно поклонился.

- Я так и сделаю, Великий Аркио, но я должен предупредить тебя.

Новости неприятные.

- Неприятные? - Выплюнул тот, разворачиваясь к Сахиелю, чтоб подойти к инквизитору, -

- Ты думаешь что я какой-то ребенок, чтоб оберегать меня неприятностей твоя? Отвечай мне, Штель, или я вырву из тебя правду.

Сила слов юнца на самом деле заставила Штеля на секунду зашататься.

Ужасающий свет темной ярости плясал в глазах Аркио, обращая

аристократическое, красивое лицо в
оскаленный, рассерженный лик
божества.

Внешний вид Аркио как зеркалом
повторял священные гобелены Сангвиния в
его кровавой жажде, висящие в монастырях
на Ваале.

- Господин, я приготовил шаттл на
Беллус для нас обоих.

Для вас больше не безопасно находиться на
Шенлонге, - начал Штель, восстанавливая
самооблагодание, -

- вы поймете мое нежелание отвечать,
когда я все расскажу.

Он жестом указал на фотонные свечи,
висящие в комнате.

- Среди нас есть трусливый саботажник,
змея на груди, пытавшийся задушить дух
машин, который питает наше здание.

Если бы он преуспел, произошла бы
катастрофа.

- Объясните, лорд инквизитор.

Сахиель рискнул встрять, привлекая к
себе свинцовый взгляд Аркио.

Штель продолжил, дозируя свое представление.

- Если бы не самоотверженная стелость и жертва Брата Люцио, дух машины стал бы непокорным, возможно даже бы испустил

атомный огонь из своего сердца, -

- он выдержал рассчитанную паузу, -

крепость Укари и все живое в радиусе шести километров были бы принесены в жертву ядерной огненной буре.

- Кто сделал это? - Прошипел Аркио, -

- не найденный Несущий Слово? Один из воинства Ускавана, который избежал сетей наших истребительных команд?

Инквизитор печально склонил голову.

- Нет, Благословенный.

Мне тошно говорить, но преступником был Кровавый Ангел.

Аркио замер как статуя, его крылья резко опустились.

Позади него Сахиель осторожно шагнул ближе.

- И как его зовут, Лорг Шмель? - спросил жрец.

- Я подозревал что в наших рядах есть изменник, когда прибыл ментальный колдун Водс и Галлио с его убийцами, - устехнулся Шмель, -

с тех пор я узнал что вокс покойного Брата-Сержанта Кориса был использован чтоб послать сообщение на Ваал и призвать их.

Они пришли только потому что предатель в наших рядах призвал к этому глупца Данте и предложил ему прислать убийц, чтоб

прикончить тебя, Великий Аркио.

- Воин все еще преданный Данте и старым порядкам здесь? - Голос Аркио недоверчиво трепетал, столь уверенный в собственном

могуществе, -

После всех ниспосланных мне чудес?

Шмель кивнул.

- Но более важно его имя, Благословенный.

- Назови его, -

отрезал Сахиель, -

Назови этого предательского ублюдка и я прикажу своей персональной почетной страже выследить его и разорвать на части как

загнанного зверя.

Инквизитор так отчаянно хотел улыбнуться, но это было разрушило весь театральный эффект.

- Мой господин, предатель твой брат.

Предатель это Рафен.

Рев необузданного гнева, который исторг Аркио, ударил подобно изначальным стихиям, эхом разносясь по городу как зловеющий гром.

Глава седьмая.

По улицам гроыхал оружейный огонь, выстрелы шли по следу Рафена, рикошеты от булыжников, они выбивали кратеры в стенах.

Кровавый Ангел предпринял смелый ход, перепрыгнув через низкую стену и метнулся под укрытие грузовой посадочной

площадки.

Он навскидку выпустил очередь в преследующих, не ожидая от этого больше, чем просто заставить их пригнуть головы.

Рафен видел мимолетные очертания, красный цвет их брони совпадал с его цветом, яркое золото их шлемов ловило солнечные лучи.

Почетная стража Сахиеля поймала его на перекрестке и он петляющими прыжками повел их в район складов.

Каждый раз, когда они пытались загнать его, он находил выход из приближающейся сети, но каждый побег становился все труднее

по сравнению с предыдущим.

Он проверил серповидный магазин своего болтера, полупустой.

Рафен нахмурился.

Солдаты в золотых шлемах изматывали его, заставляли его тратить драгоценный боезапас.

У них его было попросту больше и раньше или поздно Рафен или слишком устанет или будет слишком отвлечен чтобы обратиться со всеми сразу.

Было время, когда он ставил шанс погратся с элитой Кровавых Ангелов, испытывая против них свое мастерство в тренировках -

но это были не упражнения и боевые братья, которые выслеживали его были вооружены вовсе не безобидными таркерами.

Почетной страже был отдан единственный приказ - схватить его, живым или мертвым.

Рафену выдался случай быстро осмотреться.

В этой части города-фабрики, тяжелые монорельсовые перевозчики перевозили ящики с патронами и боеголовками, туда и обратно, между складами и сборочными линиями.

Высокие строительные башни возносились

к грязным небесам, возвышаясь над
плоскими клиньями сараев фабрики.

Он прикинул варианты, если он не найдет
способ сбежать от людей Сахиеля, они
загонят его под землю.

Он прилагал все свои усилия только чтоб
быть на шаг впереди и его единственная
ошибка обернет все против побега Рафена.

Пули отскакивали от внешней обшивки
погрузочного модуля, когда почетная
стража нашла свою цель.

Волна жара навалилась на него сзади,
когда плазменный выстрел прожег
огромную дыру в металле.

У него были секунды, чтоб принять
решение.

Рафен увидел отгороженное место,
окруженное стойками с цилиндрами
ракет.

Здание было темным и безмолвным,
возможно оно служило временным складом
для боеприпасов.

Подойдет.

Кровавый Ангел взял свою последнюю

дытовую гранату и выдернул чеку пальцем.

Швырнув металлическое яйцо, он вылетел из укрытия и изо всех сил побежал.

Он слышал как позади него трещат выстрелы и затем гудкий хруст разлетающегося воздуха, когда взорвалась граната.

Появилась густая завеса металлического тумана, полная сложных химических соединений, заполнив теснину улицы.

Почетная стража пошла следом, медленно продвигаясь через дым, благодаря разряды, видимость их оптики шлемов резко сократилась.

Их головы качались в безмолвных переговорах, переговариваясь за закодированной частоте, которую не мог прочесть вокс

Рафена.

Перед ним, Рафен бросился плечом на деревянную дверь и под его весом она раскололась.

Он ввалился внутрь, приветственный толпой боеголовки, идущих через здание.

"Агские удары" предназначенные для корневой части крыльев истребителей "Молний" и бомбардировщиков "Мародер" были связаны штабелями.

Жирные сигары ракет "Мантисора" были собраны на деревянных креплениях, готовые к загрузке в оружейные платформы.

Корпуса недоготовых мегатонных бомб типа "Атлант" стояли вертикально на своих аэродинамических ребрах, незаконченные

ракеты почти царапали балки, поддерживающие рифленую железную крышу.

Рафен закинул за плечо болтер и топтал через неподвижные стальные магистрали, углубляясь внутрь.

Сахиель никогда не перестанет охотиться на него, это было определено.

В ядре реактора у Рафена был шанс остановить это безумие раз и навсегда, но

его импровизированный план провалился.

Он долгие секунды стоял на крыше крепости Цкари, ожидая что выброс термоядерного огня поглотит его, но этого так и не случилось.

И снова он обнаружил что бежит, и в этот раз по его пятам шла целая планета фанатиков.

Рафену нужно было хорошенько подумать, чтоб спланировать своей следующий ход, но пока его преследуют воины в золотых шлемах, он был вынужден защищаться.

Сахиель успокоится только когда Рафен будет мертв - так что ему придется найти способ умереть...

на некоторое время.

Над головой послышался грохот металла и Кровавый Ангел затер, на секунду уверенный, что почетная стража идет за ним по

крыше; но затем звук перерос в быстрый, барабанный рев и он осознал что это дождь.

Рыжевато-коричневые небеса Шенлонга
разверзлись, выпуская ливень из
загрязненной воды, которая стучала по
металлической

крыше мануфактория.

Жидкие ручейки красновато-коричневой
жидкости проникали через разлома
гофрированного железа, собираясь на
каменном полу.

Рафен услышал как по неглубоким лужам
плюхают тяжелые ботинки.

При входе достав оружие, воины Сахиеля
последовали за ним в склад.

Жест от командующего или сержанта-
ветерана был единственным приказом в
котором они нуждались и они все как один
доставили

оружие ближнего боя и рассредоточились,
чтоб обыскать здание.

Ни один из Кровавых Ангелов не осмелился
выпустить болт или луч в этом здании.

Единственное случайное попадание
прикончит их всех за долю секунды, если
придется в заряженную боеголовку.

Рафен двизался.

На возвышающемся подиуме он обнаружил группу незавершенных и едва собранных "Мантитор" на подставке.

Грубо дернув, он вынул металлические створки, защищающие внутренний модуль детонации, обнажив его.

Как большинство других ракет на складе, наполовину собранная "Мантитор" еще не была запрограммирована летучим прометеем и все

еще не содержала плотное, взрывчатое вещество, которое даровало им их убийственную мощь - но стержни детонатора были на

месте и это само по себе было эквивалентно десятку крак-снарядов.

Рафен вынул из внутренностей ракеты волокнистые провода и использовал их, чтоб связать вместе четыре фрагмента гранаты.

Его рукотворная бомба была почти готова, когда через стук дождя послышался новый звук - распарывающее

рычание цепного меча.

Рафен мгновенно отреагировал, едва успел увернуться от удара этого оружия.

С ревом зубцов из карбида вольфрама, удар почетного стража прошел мимо него, раскалывая дерево подставки в вихрь летящих осколков.

Он откатился назад когда Костогесантник ударил еще раз, отприкошетив от подпорки.

Ограниченный подиумом, Рафен не имел место для маневра и кончик цепного меча врезался в его броню, пронесаясь по грудной пластине в сторону.

Удар оставил на его доспехах канал шириной в палец.

- Грязный изменник, -

- прорычал голос из под золотого шлема, - ты истечешь кровью до смерти за свое вероломство против Благословенного!

Рафен парировал третий выпад стержнем из железного дерева, который он схватил с подставки, но жужжащий цепной

клинок

разрезал пополам его заменитель оружия.

Кровавый Ангел прижал свободную руку к шлему, связываясь по воксу с другими охотниками на складе.

- Я поймал его.

Построение на меня...

Рафен прыгнул вперед до того как он успел закончить предложение, руками схватив плечевые пластины своего врага.

Внезапным движением вниз, Рафен выступом на носу своего шлему ударил почетного стража, ломая оптические линзы.

Шок от удара заставил десантника зашататься, Рафен были слишком близко к нему, чтоб ударить его мечом и тот отшатнулся назад.

Правая нога почетного стража соскользнула с настила в пространство где кончалась подставка.

Не сохранив баланс Кровавый Ангел с рассерженным воем отступился от Рафена, ценной меч вынул из его пальцев.

В следующую секунду десантник
столкнулся со стойками с инструментом
и с глухим грохотом распластался на
каменном полу.

Запыхавшись, ему все равно хватило
времени достать и выстрелить из болт-
ного пистолета, послать несколько выстрелов в
противоположном направлении.

Подумав, в своей ярости он проигнорировал
риск рикошета.

Рафен отпрыгнул и схватился за
рубильник на подставке, не сознательно
держая его вниз.

Тот открыл зажимы, держащие барабан
ракеты "Агский удар" над ним и с высоты
склада кассета упала вниз, прихлывая
почетного

стража под собой подобно паровому
молоту.

Рафен потряс головой, отгоняя
головокружение, чувствуя приступ
тошноты, наблюдая как десантник
дернулся и умер под
этим весом.

Все так быстро произошло.

- Примарх, прости меня, -
прошептал он, его кровь застыла, -
я убил боевого брата...

Он всегда знал что этот момент придет,
с того самого момента как услышал как
Сахиель поносил Данте и призывал
Кровавых

Ангелов обратиться против своего
наследия, но ничто не могло его
подготовить к физическом шоку, который
пришел после этого.

На его руках была кровь Кровавого Ангела.
И не в последний раз, признался сам себе
Рафен.

Под ним заревели голоса и Рафен увидел
красную броню и вспыхивающие меж
невыразительных фюзеляжей ракет
золотые маски.

- Там! - Донесся крик, - Над нами.

Окружайте предателя и возьмите его.
Предатель.

Рафен почувствовал как реальность

утекает от него, когда его заклеили ненавистной печатью позора, но в своем бьющемся

сердце он знал, что все было наоборот.

Он остановился, набирая время взрыва за гранатах и дернул чеку.

Болты прошипели рядом с его плечами, почетная стража явно отбросила всю предосторожность когда он убил одного из их числа.

Рафен нырнул за одну из неподвижных ракет "Атлант" и налег на нее плечом, раскачивая трубу фюзеляжа на поддоне.

Длинная металлическая труба пошатнулась и опасно сдвинулась.

Он бросился на нее еще раз и внезапно весь "Атланта" исчез, опрокидываясь в сторону от него.

Рафен отшатнулся назад на подставку, когда пустая труба упала на соседнюю, в свою очередь срывая груду с теста.

Когда они сталкивались груда с грудой, корпуса "Атлантов" гудели подобно колоколам и шатались как гигантские

кегли, вырываясь

из подпорок и заставив воинов Сахиеля
броситься врассыпную.

В этом беспорядке, Рафен схватил цепь,
свисающую с поддерживающей балки и
спустился по ней вниз, приземлившись на
каменный пол в полной боеготовности.

Он еще раз взглянул на подиум, где его
наспех собранная ботба отсчитывала
последний секунды и упал на колени.

Там была круглая решетка в полу,
окруженная маленькими речушками
дождевой воды, стекающей из всех частей
здания.

Схватив пальцами за металлическую
сетку, Рафен закричал от усилия и
дернул.

Вековые болты подгались хватке подобно
слопанным костям.

Теперь в любую секунду.

Отбросив ее в сторону, Рафен нырнул в
темноту сливного канала, где неслись
быстрые потоки цвета вспаханной земли,
поднявшиеся от внезапного дождя.

Он упал в объятья сточных вод и позволил подхватить себя, царапая броней по покрытым грязью стенам.

Почетная страже пыталась догнать его, когда запалы во фраз гранатах прогорели.

Оранжевыми, громовыми шарами взорвались снаряды, вызывая ответную детонацию внутри "Мантикоры".

За десятую долю секунды снаряды детонировали, рябью огня проходясь по корпусам взведенных ракет.

Плата вздыбилось, огонь породил взрыв и весь мануфакторий разлетелся на части в кроваво-красном адском огненном шторме.

Километрами дальше, в крепости Укари, звуковая волна растрескала древнее стекло в окне часовни в десятке мест.

...

...

Сахиель продвигался по коридорам Беллуса, его широкий шаг ни разу не замедлялся, поскольку серфы Оргена прыгали друг на

...

друзья, лишь бы обратиться с его пути.

Новости бурлили внутри его разума. Высший Сангвинарный Жрец был настолько глубоко поражен сообщением, что думал, что в

любую секунду сболтнет об этом.

Костогесантники отдавали ему честь, когда он проходил, ударяя бронированными кулаками по грудным пластинам брони, приветствуя его, в то время как сервиторы и серфы низко кланялись.

Было время, когда Сахиель бранил себя за то, что наслаждался почитанием верующих.

В Жизненном Кредо были эдикты и клятвы, которые нужно было признавать Сангвинарным Жрецом, посвятившим себя священной

Крови Оргена, отречься от любой славы для себя, но эти старые, неубедительные слова теперь казались чем-то далеким и отстраненным.

Сердце Сахиеля раздвинулось идеями.

С тех пор как Аркио начал Властвовать,

не проходило ни секунды чтоб жрец не
думал о своем благословении, что он стал
свидетелем такого чуда - и кроме того,
он был призван Ангелом Перерожденным
чтоб служить его адъютантом и
преданным
командиром.

Улыбка змеилась на лице Сахиеля когда
он вошел на пещероподобную кафедральную
галерею, проходя мимо обителей, вперед к
внутренним святилищам.

С детства, он никогда не сомневался что
станет великим.

Множество его современников назвали бы
его высокомерным, если бы он осмелился
озвучить эту точку зрения.

Пусть они мелочно завидуют, думал он,
потому что он доказал что прав.

Великий Сангвиний, которому Сахиель
посвятил свою жизнь, наградит жреца
больше, чем он мог представить себе в
самых смелых
мечтах.

Присутствие при событии такой

важности, покажет ложь всех тех, кто
укорял его.

Теперь Сахиель был не просто
священником; он был рукой
Благословенного и это было великоленно!

Его пальцы упали на бархатную сумку на
его поясе и на реплику Грааля Кровавых
Ангелов которую он носил с собой.

Не в первый раз, Сахиель представлял себе
мгновение, когда он возьмет в свои руки
настоящий Алый Грааль и примет
должность

Высшего Жреца над всем Оргеном.

Эти мысли заставляли его кровь бежать
быстрее.

Власть, явная и прекрасная, была в
пределах досягаемости.

Жрец в одиночку вошел в святилище
санкаториум, куда позволялось ступить
только избранным Аркио.

Обычно там должны были быть
десантники на страже, но опустошение,
принесенное предательством Рафена
потребовало созвать

всех солдат на планету.

Краткая досада пронеслась по его мыслям, но он изгнал ее.

Сахиель надеялся, что сможет лично преподнести свои новости Благословенному, но Капитан Угеон проинформировал его, что их

высший владыка отдыхает в своих покоях.

Сахиель кивком принял это, даже принца отца, наделенный силой притархана, нуждался время от времени в отдыхе.

Вместо этого, Сахиель посетит Инквизитора Штеля и расскажет ему, что произошло на Шенлонге.

Взрыв на складе ракет стер с лица земли шесть окружающих городских кварталов.

В пожарище превратились в пепел некоторые из самых преданных людей Сахиеля, но их жертва стоило того, чтобы прикончить его

головную боль, неверного и вероломного Рафена.

Он мог поклясться; ничто не могло бы выжить в этом катастрофическом

взрыве.

- Ты мертв, Рафен, -

Сказал Сахиель в прохладном,
успокаивающем воздухе обители.

Просто произнося это, он почувствовал
как с его сердца свалился тяжкий груз.

С самого первого мгновения, как только
они увидели друг друга, Сахиель и Рафен
делали заметными друг в друге самые
худшие

черты характера.

Теперь брат Благословенного был мертв,
последние узы, сдерживающие Аркио, и его
лояльность старому кодексу Кровавых
Ангелов

пали, и вместе с ними, ненавидимый
соперник Сахиеля.

Теперь он мог признать это и отпустить
чувства, которые выросли внутри него.

Сахиель ненавидел спокойную силу
Рафена, манеру, в которой тот постоянно
глотился над каждым высказыванием
жреца, как будто

он был рукоположен, а не жрец.

Он ненавидел то, как Рафен легко получал уважение служащих с ним воинов, в то время как Сахиель оставался отчужденным и

безразличным для кастодесантников, которых превосходил по званию.

Удовольствие, с которым он объявит о смерти Рафена будет таким же сладким, как превосходный ликер из атасека.

Сангвинарный Жрец остановился перед раскрашенным стеклянным окном, демонстрирующем Сангвиния на Конклаве Крови и что-то

в изгибах лица прародителя внезапно напотнило ему последние слова Рафена.

Само благочестие ослепит тебя.

- Глупец, -

автоматически выругался Сахиель, но даже когда он это сделал, его разум захватило ноющее раздражение.

Он ненавидел себя за это признание, но дезертир всколыхнул в нем сомнения этим проклятым высказыванием.

Сахиель взглянул в глаза примарха в

поисках понимания и позволил себе замешкаться.

Путь Аркио ломал традиции Оргена, разрушал старые кодексы поведения, которые раньше казались нерушимыми.

Как говорил сам Ангел Перерожденный, теперь они пишут новую главу истории Сынов Сангвиния, когда законы законы низвергнуты

и бесстрастные воины как Данте были слишком ограничены, слишком зашорены.

На каком-то глубинном уровне идеологическая многолетняя обработка догматами Кровавых Ангелов и тренировок восстала от мысли

о Крестовом походе Крови Аркио и его Появлении - хотя Сахиель видел свет божественности Аркио, он чувствовал наложенное на

него святое сияние Коня Телесто.

Это было доказательством, а не покрытые пылью слова давно исчезнувших людей из тысячелетнего прошлого.

Его секундная слабость ушла и Сахиель

продолжил свой путь в комнаты Штеля.

Брат Солус проинформировал его, что инквизитор оставил приказ не беспокоить его, но Сахиель отмахнулся.

Такой приказ не распространялся на Васшего Жреца Перерожденного и между прочим, Сахиель знал, что Штель будет удовлетворен, когда услышит о смерти Рафена.

То, что его тело еще не было найдено, было простой формальностью, после такого взрыва, все что осталось от родного брата Аркио

едва ли поместиться в бокал.

Пройдя мимо пустого алькова стражи и приближаясь к дверям в комнаты Штеля, он почувствовал что-то странное в воздухе.

Слабое, почти неразличимое дуновение серы и омертвелой кожи.

Отбросив это ощущение, жрец открыл двери и вошел внутрь.

Воздух внутри был густым и маслянистым от телных энергий.

Он услышал голоса; один из них, казалось, исходил издалека, другие шелестели и свистя шептали.

Среди них он услышал бормотание инквизитора с интонацией грубой тольбы.

Не дожидаясь, чтоб его услышали, жрец откинул увесистые фалды черных занавесок окутывающих проход и вошел в комнату.

То, что он там увидел, заставило его исторгнуть бессловесный шокированный вопль и Сахиель дотянулся до пистолета для самозащиты.

Святилище Штеля было здоровой арочной комнатой, большой настолько, чтоб вместить "Грозовой ястреб" в полностью развернутыми крыльями.

Стойки с фотонными свечами давали слабый, желтый свет, который уступал в бою тяжелым теням, окутавшим комнату.

Там было так же несколько дрейфующих на антигравитационных импеллерах

светосфер, но и они задохнулись в темной,
текучей

тмле, которая окутывала все.

На одном конце была дергающаяся,
дымящаяся скульптура, вырезанная из
быстро разлагающейся плоти человека.

Сахиель узнал запах гниения, слишком
хорошо знакомых запах тысяч полей
битвы.

Она была деформированной и уродливой
как смертный грех, пародией на жизнь,
исковерканной рукой какого-то безумного
скульптора.

Кости и хрящи тела были перестроены,
чтоб явить очертания сгорбившихся,
тусклых форм.

Они самым ошеломляющим образом
походили на броню Несущих Слово,
которых они казнили на Шенлонге.

Существо из плоти открыло влажное
отверстие на голове и издало злобный
стон; и стоящий спиной к двери, Шмель
повернул шею, увидев застывшего жреца.

Инквизитор был бледен и мокрый от

пота, обычно его твердое и непреклонно-
границное лицо было мягким и
бесцветным.

Жрец увидел их периферийным зрением,
так как его взгляд был пойман тварью,
которая возвышалась над ними всеми,
корчась и

трепыхаясь под ветром и материей.

Она выглядела как пункт урагана,
замершей воронкой ветра и бури, как и то
образом принявшей облик живого существа.

От удивления Сахиль открыл рот,
внезапно осознав что эти очертания были
из бумаги.

Около всех стен комнаты Шмеля
валялись открытые книги, корешки были
сломаны и обложки сорваны, их страницы
были вырваны, чтоб соткать тело
демонического существа, которое
шелестело и потрескивало как опавшие
листья.

- Что это такое? - Пузырьась раздражением
спросил аватар из плоти, из хлопнувших
пузырей на его коже валил пар.

Сзлотноүв, Штель повернулс к Сахиелю, страхнуүв с плеч плащ, державшийс на шее.

- Ты тщеславный илбецил, -

- прошипел он, с үсилием сдерживая свою ярость, -

я говорил, не беспокоить.

Сахиель пытался что-то сказать, но, кажется, ничего не выходило.

Он не мог отвести взгляда от спутанных сгибов пергамента вокруг бездүшного, монструозного лица демона.

В сокрушающем сознание понимании, жрец внезапно осознал с чем он столкнулся.

- Штель, преданный слүга Аркио, был союзом с

Гүбительными Силами.

Эта мысль побүдила его к действию.

Он должен был бежать, үбраться и предупредить Перерожденного Ангела, что у их сердца пригрелась змея, на много более ядовитая, чем его неправедный брат...

- Убейте его, - всколыхнулся демон, слова тонүли в звүке развевающейся бүтаги.

- Нет, -

проворчал Шмель, -

он мне нужен живым...

Он полезен для меня.

Жрец поднял свое оружие и его палец затер на спусковом крючке, но ошибкой было то, что он поймал злобный взгляд Шмеля и

внезапно его мускулы отказали.

- Нnnnnnn... - Сахиель вспомнил случай на Кибеле, когда инквизитор схватил снайпера Несущих Слово в такой же ментальный захват.

Каждой йотой своей воли, жрец боролся с давлением на свой разум.

- А, -

выдавил Шмель, его глаза увлажнились, - усилие было тяжелым для него, слишком рано, после того он потратил свои способности на Кровавого Ангела едва ли думая ранее.

Он трепыхался и чувствовал что

фантомная хватка начала слабеть.

Страницы древних догм, документов, наполненные святым писанием и цветными гранками, прошелестели мимо него и

преобразовались в очертания, которые могли быть как человеком, так и зверем.

- Ты желаешь сохранить этого человечка?

- Спросило существо, ее формы выдыхали отравленный воздух.

- Да, великий Малфаллак, -

еле произнес Штель, -

мы нуждается в нем.

- Очень хорошо, -

сказал демон и страницы завертелись вокруг Штеля тесным тайфуном, их края оставляли на его голой коже сотни крошечных порезов.

Из своего бьющегося сердца, все еще плавающего в глубинах этирей, Малфаллак спроецировал концентрированную часть самого себя в открытые ворота обращенного

разума Штеля.

Черная желчужина перевозданного варпа
вошла в инквизитора - и внезапно вся его
слабость и усталость была смыта,
стенившись на

головокружительный подъем психических
сил.

- Дар, -

прошептало существо.

Лицо Штеля порозовело и он обнажил
зубы.

- Вы самый милостивый, Злобнейший.

Он перевел взгляд на Сахиеля, сдирая кожу
с его разума и обнажая его перед темной
волей псайкера.

- На колени, жрец, -

приказал он.

Сахиель понял что даже внутри он не
может сопротивляться и сделал так, как
ему приказали, редуктор выпал из его руки
на

плиточный пол.

Его разум плавал в отвратительной

мүти воспоминаний, когда недавние события проигрывались в мерцающих вспышках боли -

Штель кружился в мыслях Сангвинарного Жерца так же легко, как будто переворачивал страницы книги.

Он разрешил себе растеяться, читая его намерения.

- Ты пришел чтоб сказать что Рафен мертв? Такая тривиальность вряд ли стоила моего внимания.

Это было как будто Сахиель стоял на коленях перед краем бездонной пропасти.

Разум жрец трепыхал подобно насекомому, пойманному в янтарь, шатался на грани чудовищного понимания.

Штель был испорчен Хаосом, и если это так, то все, к чему он прикасался, было так же занято порчей.

Кровью притарха, что же они натворили?

Я тоже испорчен.

Воины Перерожденного тоже? Конье?

Даже Благословенный Аркио...

Штель покачал головой.

- Остановись, -

- сказал он, жестом обрывая мысли Сахиеля, -

Нет, жрец.

Я не позволю тебе ступить по этой дороге.

Твоя роль еще не завершена.

Его глаза блеснули и инквизитор бросил эфемерный дротик в разум Кровавого Ангела.

Сахиель закричал когда Штель развернул его сущность и умело начал вырезать его воспоминания, накладывая тьму на них с момента, когда тот вошел в святилище. Из уголка рта Сахиеля потянулась слюна.

- Хилый, маленький зверек, - с гримасой отвращения сказал покойный аватар Гаранда, с каждым словом от него отпадали хлопья

мертвой плоти, -

его разум может сломаться под твоим ударом.

- Думаю нет, -

возразил Шмель, доставая излы своих психических сил из опустевших глаз Сахиеля.

- Он не будет полнить ничего, из того что видел, - Грубый стех затрещал из обожженных бумаг, -

Ах, Шмель.

С каждым своим деянием, ты все больше приближаешься к нам и все дальше уходишь от своих человеческих корней.

- Приятно слышать, что вы говорите, - сказал Шмель, выдавлив улыбку.

Перед его ментальным взором, темное семя мощи Малфаллакса поселилось в его душе, сверкая на ее поверхности вместе с восьмиконечной звездой.

- И хотя мне доставляет удовольствие принять ваш знак, Великий Преобразователь, может быть для вас лучше сейчас забрать его...

Страницы завибрировали рассерженным роем ос.

- Оставь себе, мой друг.

Это может быть важно в последующие

гни.

- Тогда мы начинаем, -
проскрежетал Гаранг.

С хрустом сломанных костей, Магистр
войны Несущих Слово ушел из своего
глашатая и позволил ей умереть.

Разорванные куски бумаж мягко начали
грейфовать в разные стороны когда
Малфаллак покинул царство материи,
оставив

инквизитора наедине с разлагающимся
труном и безмолвным священником.

Шмель смотрел как опустились
страницы, одновременно освеженный и
вновь напуганный гаром своего
монструозного хозяина.

ДОК был оживлен шумом и движением,
люди роились подобно насекомым вокруг
железного причала и опор.

Десятки уродливых, похожих на пчел,
орбитальных судов ожидали на
вертикальных рельсах, с шипением,
росчерки испаряющегося

жидкого кислорода, белыми облаками

выходили в атмосферу.

Грузовые площадки, обычно полные упаковками боеприпасов и боеголовок, теперь загружались людьми.

Сотни и сотни людей, разношерстная армия, одетая в плащи и собранной из мусора брони, тожественно грузились в модули.

То тут, то там, виднелись высокие фигуры в красной броне, выкрикивающие приказы и направляющие бывших солдат к их точкам

вылета.

Из выгодной точки в сгоревшем здании за всем этим наблюдал Рафен, изучая отливы и приливы толпы, натренированным глазом

следя за организованной процессией.

Он переключил свой вокс на ту же частоту, что была у Кровавых Ангелов в доках, слушая их краткие переговоры пока отдыхал, залечивая ранения.

В коллекторе, взрыв склада превратил ручейки грязной воды в поток и вынес

вместе с ним Рафена, бросая его как кусок мусора.

Запечатанный внутри своего силового доспеха, костодесантник был вынужден плыть с ударной волной, так как каждый удар по

стенам туннеля приближал его к бессознательному состоянию.

Безрассудный заплыв по трубам был мешаниной из шума стремительных потоков воды и тупой боли, но в конечном счете поток

сошел на нет и вынес его в сливной колодец на нижних уровнях города-завода.

Скривившись, Рафен согнул руку.

Кожа была сплошным, огромным пурпурно-черным синяком, там, куда приходились удар за ударом, рука была ослабевшей, так как

были выбиты суставы.

Осторожно он схватил себя за запястье и дернул; с глухим щелчком хрящей, суставы встали на место.

Он не обращал внимание на боль.

Используя законсервированный дымоход,
Рафен лез наверх, пока не нашел это
убежище.

Он проверил свои запасы, осматривая
оружие и то малое, что осталось из
запасов.

Кровавый Ангел считал, что оказался
теперь в тылу врага и соответственно
подстраивал свою боевую тактику.

Он не представлял сколь долго он
останется незамеченным; возможно
пройдет несколько дней перед тем как
разберут руины склада
и посчитают трупы.

У него была возможность воспользоваться
случаем, но она быстро таяла.

Рев ракетного выхлопа опять привлек его
внимание к докам.

Со стальным лязгом, пусковые опоры
упали и на султане желтого пламени,
один из кораблей бросился в темные
небеса.

При подъеме, крылья судна развернулись и
Рафен наблюдал за его взлетом, исчезая в

мошнотворном сияние, пробиваясь через
низкий облачный покров.

Еще пятьдесят или больше воинов глян
артии илотов Аркио были на пути к
Беллусу.

Умерший вокс ожил потоком приказов.

Был почти заправлен и готов к запуску
следующий корабль.

Легионы фанатиков, все украшенные
грубым символом ауры с копьем Воинов
Перерожденного, перемещались туда сюда,
в

нетерпении погрузиться на корабль,
который отвезет их к мессии.

Аркио был на борту боевой баржи; Рафен
уловил случайное упоминание
"Благословенного" и головоломка
сложилась.

Его брат был на Беллусе и с толпами
жителей Шенлонга, присоединяющихся к
артии Сахиеля, ситуация была понятной.

Крестовый поход Крови начался и вскоре
огромный боевой корабль улетит.

Рафен снял латную рукавицу и снова

запечатал соединения брони.

Он уже дважды не смог положить конец этой пародии на волю Императора.

Когда он был наедине с Аркио в крепости, это была его собственная слабость, которая удержала его от того, чтобы завершить жизнь

его собственного брата; и у термоядерного реактора, слепой случай предотвратил разрушение башни.

Если Беллус улетит без Рафена, Шмель сможет свободно манипулировать Сахиелем и Аркио и вести их к своим целям.

Разум десантника возвратился к видению в его рукотворном убежище, как это было уже много раз за последние несколько дней.

Он опять держал в руке свой боевой нож, затем с трагичной решимостью вложил его в ножны на голенище.

НИЖЕ доковой платформы было переплетение опор простирающихся в сухую грязь русла реки.

Оранжевая бахрома ржавчины свисала с

каждого гигантского болта и сварочного шва, источая дождь из руганных хлопьев при

каждом ударе ракетного выхлопа взлетающих выше судов.

Рафен пробирался меж сломанных балок и скрученных штанг, выбрав площадку на южной окраине дока, где глинные и тонкие шагоходы только что закончили погрузку скоб для упаковок с грузом.

Кровавый Ангел появился прямо под разинутыми ртами сопел корабельного двигателя, которые дергались и шипели пока

пилот-сервитор в головной части готовился к финальному отсчету.

Модули были полны солдат и запечатаны - их откроют только когда судно безопасно приземлится в герметичный док на Беллусе -

так что Рафен не мог пойти туда.

Кокпит, высоко над ним, на другом конце ракеты так же не подходил.

Слишком маленький, слишком

заполненный таинственной машинерией и сложными устройствами Agency Mechanicus.

Был только один путь для изгнанника попасть на борт боевой баржи.

У него не была шанса полететь вместе с другими Кровавыми Ангелами на борту шаттла или "Грозового ястреба".

Даже с размазанной по броне грязью, его могли увидеть и опознать.

На борту Беллуса будет совсем другая история, огромный звездный корабль был полон мест, где мог спрятаться осторожный человек.

Рафен схватил лестницу для обслуживания и втиснул себя в переплетение труб и топливных шлангов, которые подавали протекти в двигатели.

Когда ракета вокруг него, с гудением, вернулась к жизни, он протолкнулся внутрь открытого каркаса и нашел V-образную подпорку, в которой разместилась бы его

броня.

Даже через шутовую защиту шлема, револьвером двигателей перешел в оглушающее крещендо.

Рафен в последний раз взглянул на показатели систем жизнеобеспечения на запястье; все вакуумные затворы его брони были

целыми.

С усилием он воткнул свои усиленные керамитом пальцы в решетку и втиснул себя на место.

Рафен закрыл глаза и начал молиться Сангвинию когда его вдавило гравитацией.

Прицепившись к нижней стороне судна, в тирадной решимости висел Рафен, когда док, город, а затем и облачный ландшафт Шенлонга исчезал под ним.

Глава восьмая.

В темном углу посаженного ангара, где обитали только слепые сервиторы-охотники за крысами, прятался Рафен.

С осторожностью он стер тонкий налет

льда, который сформировался на внешней оболочке его брони, со звоном откалывался иней, когда он сметал его латной рукавицей.

Парное биение двойных сердец Кровавого Ангела громко стучали в ушах, когда органы работали чтоб поставить дополнительные кислород в кровь, противодействуя затянувшемуся побочному эффекту путешествия в вакууме.

Броня Рафена отлично его защитила, но до сих пор невообразимый холод костоса вытягивал из него тепло и мускулы десантника были напряжены.

Типично, перед выходом в костос костодесантника накачивали святыми дарами хитикалий.

Зелье, дарованное жрецами Ордена стимулировало гланду-түрканоид Астартес, превращая их пот в сложный состав для защиты кожи от карающей, экстремальной

температуры.

Однако у Рафена не было такой защиты и касание безвоздушной тьмы он ощутил на себе в полную силу.

Машины и люди в посадочном ангаре сдвигались синхронно, как только прибывал новый транспорт.

Шаттлы останавливались ровно настолько, чтоб извергнуть из себя груз их илотов-воинов, после чего верхние краны поднимали

корабли к заправочным гнездам или направляли их обратно, курсом на Шенлонг.

Каждая новая группа фанатиков Аркиос уводилась к трюмным палубам плавающих сервитором или серфол Ордена.

У серфов были шоковые посохи, чтоб удерживать в узде наиболее любопытных Воинов Перерожденного.

Рафен использовал увеличительную функцию оптики шлема, чтоб наблюдать за передвижением вилланов; тут и там

вмешивались

боевые братья, надзирая за деятельностью.

Внутренне Рафен ощущал себя противоречиво и неловко.

Он во всех смыслах прошел точку невозвращения.

Он чувствовал себя плохо, чужим среди своего братства, как в гуще врагов.

Каждая фибра его души восстала против неприятного, выворачивающего внутренности ощущения.

Как и все из его рода, Рафен пришел к осознанию, что товарищество Кровывых Ангелов было для него огромной семьей, братством

во всех смыслах.

Но праву, Беллус должен был считаться убежищем, местом, где он должен был чувствовать себя в безопасности и частью всего -

Вместо этого, это было опасным местом, таким же смертельным как и любое темное поле с тельта тинати или с био-

паутиной.

Чем больше Сахиель думает что он
мертв, тем большей внезапностью он
обладал, но ему нужно было быть
осторожным, чтоб не

растратить это единственное
преимущество.

Слишком много человек на борту знали
его в лицо, так что ходить в открытую
будет подобно мгновенной смерти.

Даже запечатав броню, если он будет
свободно разгуливать среди других
Кровавых Ангелов, рано или поздно его кто-
то окликнет.

Рафену нужно было найти какое-то
место, где его никто бы ни о чем не
спросил.

Он отбросил испуг, когда еще один
грузовой лихтер прогрохотал мимо него,
пулеобразный корабль ушел в посадочную
люльку с

тяжелым ударом и с дождем из оранжевых
искр.

Медные и чугунные ступени окружили

транспортник подобно сжимающейся руке
и развернули судно к разгрузочной рампе.

Рафен выдвинулся из своего убежища,
балансируя на кончиках пальцев ног.

Как и на большинстве кораблей на службе
Империи, техножерцы Беллуса
поощряли дух машины боевой баржи чтобы
тот понизил

гравитацию в посадочных ангарах, так
управляться с грузами было намного легче.

Рафен чувствовал себя легким и
приготовился к необходимым изменениям
в походке.

Из верхнефюзеляжных вентиляционных
отверстий изрыгнулось облако белых
испарений, завлакивая рампу и люльку.

Используя дымку Рафен выпрыгнул из
места, где он прятался.

Длинными прыжками, которыми он
научился, десантник прошел под медленно
двигающимся кораблем и появился у
подножья рамы, как будто он там и
должен был стоять.

С глухим стуком грузовой транспортник

коснулся края рапны, и повсюду по корпусу открылись люки типа крылья чайки.

Шумной волной из корабля вывалились люди, все грожали и тряслись, некоторые от холода, другие от благоговения.

Рафен увидел как пара из них упала на колени.

Сначала он подумал, что они, должно быть, ранены, но затем понял что они целовали палубу, преклоняя колени перед кораблем, в

котором они видели священное судно Аркио.

Все призывники были разнообразно вооружены.

У некоторых было огнестрельное оружие, у других мечи, копья и прочие острые, выглядящие кустарными, орудия.

У многих была броня, собранная из металлических отбросов, хотя некоторые щеголяли в темных плетеных баллистических туниках.

Обмундирование Сил Планетарной Обороны, отметил Рафен; носившие ее

были бывшими солдатами СНО Шенлонга,
пережившими
вторжение Несущих Слово, или
авантюристами, обчистившие мертвые
тела.

Лицо костогесантника скисло.

Как бы то ни было, они не заслуживали
ступить на боевой корабль, как Беллус —
даже самый неприязнительный серф
Оргена был
достойнее, чем это отребье.

Воины спотыкаясь остановились, когда
увидели перед собой Кровавого Ангела,
стущенные его присутствием так же
сильно, как и

невероятным зрелищем огроных
внутренностей корабля.

Рафен был твердо уверен, что никто из
этих людей никогда не покидал родной
мир до сего дня.

Он рассматривал их лица, найдя
некоторые рассеянными,
демонстрирующими настоящий
фанатизм, в то время как остальные были

жестокими и грубыми, самыми порочными из отбросов Шенлонга.

Почему Сахиель выбрал этих людей, это оставалось за гранью понимания Рафена, никто из них никогда не дотянется до стандартов

Оргена.

Все на что они годились - умереть на кончике вражеского клинка и заткнуть своими трупами дула орудий.

Он подавил страстное желание глотиться.

Это было низко и позорно, больше подходило мерзавцам Хаоса, чем Сыновьям Сангвиния.

- Господин? - С озадаченным выражением лица к нему приблизился серф.

- Чему могу вам помочь?

Рафен взглянул на илота.

- Ты сопровождаешь этих людей на нижний уровень, верно?

- Да, господин.

Там какие-то проблемы?

Он покачал головой.

- Нет.

Жрец Сахиель приказал, чтоб я сопровождал эту партию...

Он пожелал, чтоб я наблюдал за перемещением.

Серф кивнул.

- Как прикажете, господин.

Взмахом шок-посоха, слуга позвал солдат с ратны.

Мимо него проходили потрепанные фигуры, некоторые избегали взгляды, другие изучали его с неприкрытой стесью ненависти и страха.

Среди этих людей Рафен внезапно выделил одного человека - с болезненным, искаженным лицом поверх остатков униформы офицера СНО.

Мужчина склонил голову и пока он шел мимо, Рафен смотрел на него.

Последний раз он видел этого солдата в

крепости Цкари, после того как почетная стража Сахиеля расстреляла группу невинных.

Мужчина действительно благодарил его за "дар смерти" для его сестры, которая умерла в перекрестно огне, как будто это было

каким-то великим благословением.

Сейчас он казался лишенным духа, пустая оболочка, испачканная кровью и ведомая только верой в святость Аркио.

Рафен следовал за группой вдоль рождающих эхо коридоров корабля в открытые пещеры темных нижних уровней.

Называть их "палубы" было бы ошибкой. Это пространство корпуса напоминало стигийский каньон, с пластинами, покрытыми

разросшимися грибами, крутых стен.

Тут и там выступали секции палубного настила, недостаточно широкие чтоб на них пересекались многочисленные скелетные ребра

внутренней обшивки корабля.

Паутины кабелей, сетей и канатных мостов нависали друг над другом.

Воины самостоятельно сооружали себе место для жизни и кровати из аварийных гамаков и выброшенных грузовых упаковок.

Это было похоже на серии сломанных
мостов, дугой висящих над долиной
настолько глубокой, что дно терялось в
полнейшей
темноте.

Вновь прибывших приветствовали
холодными взглядами и завуалированными
угрозами.

Он потерял из виду офицера СНО, когда
воины начали пробираться через эту
комтуну бродяг, здесь царил закон
джунглей и среди

групп разгорались драки за место для
ночлега.

Рафен оставил слугу Оргена позади и
прошелся по лагерю, пробираясь вдоль
скрипящих троп и меж провисающих
подпорок, вырезанных из металлолома.

Везде были понапичканные
громкоговорители, узлами проводов
каждый был присоединен к общей вокс-сети
корабля, поспешная

работа сервиторов под указаниями
Инквизитора Шмеля.

Выплесывая отраженный звук с помехами, они проигрывали инфо-планшетную запись победной речи Сахиеля на Шенлонге с вставками отрезков из Имперских гимнов. Призывники кучковались вокруг громкоговорителей и подпевали передаче. Везде был намалеван символ Перерожденного Ангела.

Рафен остановился около одного такого символа и пробежался пальцами по все еще мокрой краске.

Он поднес перчатку к дыхательной решетке и принюхался: это была человеческая кровь.

Десантник заглянул за край помоста, на котором стоял, заинтересовавшись, сколько из избранных Аркио уже встретили свою смерть в тьме ниже.

Несмотря на все высокопарные слова и красноречие Сахиеля, в тысячную армию, кажется, попали только самые бездушные или наиболее пылкие из жителей Шенлонга.

Выбрать этих людей на службу во славу Сангвиния было оскорблением Великому Ангелу.

Рафен продвигался дальше в темноту палуб, теряясь в едва освещенном пространстве.

Там внизу, не будет людей, которые знают его в лицо и он не привлечет внимания.

Он спрячется у всех на виду; когда Воинов Перерожденного призовут к оружию, он остановит своего брата - или утратит попытаясь это сделать.

- СТЫКУЕТСЯ последняя группа лихтеров, -

объявил своим трачным и ровным голосом Солус, -

технопродвигцы докладывают, что мощность двигателей оптимальна.

Все ритуалы отбытия завершены и Беллус готов к плаванию.

- Выполняйте, -

шипя статикой поступил приказ из вока

имплантанта на шее Брата-Капитана
Цгеона, его лицо оставалось неподвижным.

- Приготовьтесь к варп переходу, когда
достигнет рассчитанных координат.

Солус замешкался; другие люди может
быть ничего и не заметили бы, но он
служил помощником Цгеона уже
десятилетия и его

настроение были так же четко понятно
капитану корабля, как и температур
духа-машины его судна.

- Что-то еще? - Запросил Цгеон.

Когда Беллус начал отлетать от
Шенлонга, планета выскользнула из
передних иллюминаторов и вместе с ней и
останки Апарео, некоторые из которых
все еще догорали, влетая в верхние слои
атмосферы.

Солус взглянул на обломки, затем
отвернулся.

- Господин, я...

С шипением хорошо смазанной
гидравлики, медные лепестки люка на
платформе исчезли в стенах и вместе со своей

бездесущей

почетной стражей в двух шагах позади,
вошел Сахиель.

Цгеон смотрел как тот приближается
своими собственными глазами и глазами
часовых-сервиторов мостика, данные
текли в его мозг

через путаницу механогендритов,
соединяющих его с командным троном.

Солус затолчал, проглотив слова.

Высший Сангвинарный жрец казался
изнуренным, под его глазами пролегли
темные круги и его лицо было бледнее чем
обычно.

Через инфракрасные датчики Цгеон
отметил что температура кожи Сахиеля
чуть выше обычного.

Все же он казался не менее оживленным
чем обычно и его глаза искрились также
сильно, как и всегда.

Жрец кивнул капитану.

- Брат Цгеон, каково состояние боевой
баржи Благословенного?

- Полностью готова, Сахиель, -

ответил тот.

- Навигатор уверил меня, что молитвы
расчету курса к Сабииену уже завершены.

Беллус войдет в эмпиреи по расписанию.

- Превосходно.

Великий Аркио требует полной отдачи.

- К концу предложения голос Сахиеля
поднялся и он моргнул, как будто ему было
сложно это выговорить.

Его взгляд пробежался по мостику, по
огорбившимся хорам сервиторов,
совершающих богослужения у консолей
когитаторов и

наткнулся на Солуса у широкого овала
иллюминатора.

Он позвал к себе Кровавого Ангела.

- Брат? - Невинно начал Сахиель, -
ты кажешься расстроенным.

Что тебя огорчает?

Солус поднял взгляд, но не на Сахиеля, а на
Цгеона.

Капитан оставался - как всегда -
недвижимой статуей, возвышающейся на

командном троне.

После долгих секунд Солус обернулся к жрецу.

- Сахиель, я хотел бы, чтоб ты ответил на мой вопрос.

- Спрашивай, - несколько поспешно ответил жрец.

- С каким врагом ты столкнется, брат?

Сахиель опять кивнул.

- А, понимаю.

Причина уничтожения Атарео, да? Тебя беспокоит то, что был отдан приказ открыть огонь по кораблю Оргена, не так ли?

Когда Солус не ответил, он продолжал давить.

- Брат, послушай меня.

Воины на борту этого корабля были убийцами, посланными казнить Перерожденного Ангела и уничтожить всех, кто присягнул ему в верности.

Правда очевидна.

Он подошел ближе и дотронулся до руки Солуса.

- Ты сделал единственное что мог - ты помог спасти жизнь Благословенного.

Солус не смотрел ему в глаза.

- Я...

я присягнул Аркио и Святому Коню и я не уклонюсь от долга, но это...

Он выглянул в иллюминатор на звезды.

- Эти люди были нашими боевыми братьями, мы дрались вместе с ними.

То, что мы были вынуждены уничтожить их, как каких-то обычных еретиков, это выворачивает меня.

Голос жреца был тихим, но разносился по комнате.

- Солус, друг мой Солус.

Я понимаю твои чувства.

В молитве, я тоже признал свою ош...

Он запылся, его лицо побагровело.

Сахиель провел пальцем по дергающемуся глазу, как будто изгонял какую-то внутреннюю боль.

Через секунду он продолжил, как будто ничего не произошло.

- Опасения, да.

Лорду...

Лорду Шмелю.

Он улыбнулся.

- Но я осознал, что эти люди игнорировали путь притарха.

То, что они пришли сюда затаив злобу, делает их нашими врагами.

- Мы могли поговорить с ними, -

сболтнул Солус, - облагоразумить их.

Возможно они бы стали думать иначе, если осознали великое чудо Аркио...

- Нет, Солус, нет, -

Выражение лица Сахиеля стало глубокую печаль.

- Они были потеряны для нас, даже еще не достигнув Шенлонга.

Подобно тем, кто пал от милости Императора в темные годы, эти люди избрали путь, который настроил их против нас.

Это был их выбор, брат, а не твой.

Мы с тобой, все мы знаем истину о Чистейшем.

Он кивнул в сторону далеких обломков ударного крейсера.

- Они вынудили нас.

Они умерли по своей вине.

- Да, -

наконец вытолвил Солус, -

Простите мою вспышку эмоций, жрец.

Эти прошедшие дни испытывали мою веру.

- Как и должно быть, -

- из вокс-импланта зазвенел и прогрохотал голос Угеона, -

Аркио дал нам возрождение надежд и Беллус будет колесницей, которая промчит ее к концам галактики.

Сахиель закивал.

- Так тому и бывать.

НОВ воздействует сил, превышающих человеческое понимание, ткань костоса начала корчиться и сдвигаться вокруг носа

Беллуса.

Из мест, где мысль и энергия становится неразделенной стесью, в царство материи хлынула первозданная ментальная материя

варна, вырезая рваные, кровоточащие ворота в пустоте.

Это было подобно яркому взрыву миниатюрной суперновой во тьме, водоворот, в который кинулась боевая баржа.

Время, эластичное и текущее как плавящийся воск, охватило корабль и стремительно перенесло его на огромное расстояние.

Беллус исчез из царства смертных, бросился в дикие течения и энергетические штормы илматериума.

В другом месте и времени, происходило такое же непостижимое попрание законов природы.

Корабль-левиафан появился из фантазмов варна, неистовым выбросом странной радиации, переливаясь цветами и в

толниях, тошнотворных оттенков, пробегающих по огромному железному корпусу.

Казалось сам космос, не желал появления судна, как будто огромный корабль был какой-то растущей металлической раковой

опухолью, загрязняя пустоту своим присутствием.

Излучая энергию в катушки тистического двигателя, боевой корабль выпал из царства эмпирей и вернулся в стабильную, грубую реальность.

Утробы двигателей, его сопла были размером с вулкан, кроваво запылали, когда древние, термоядерные приводы толкнули его

вперед и с трачной целеустремленностью боевой корабль "Мизерикордия" набрал скорость к своей цели.

Это было ужасающее зрелище, устройство для пыток глинной почти в тилу и орудия Мизерикордии разрывали столь много

хныкающих людских миров, сколько погибло людей на пыточных столах на палубах-темницах.

С виду, боевой корабль был похож на широкий кинжал, зазубренные нос-стрела, рукоять из лезвий, растущих назад несла на себе

крепость мостика и ниже располагались воткнутые клинки скелетных, стабилизирующих лопастей.

Орудия торчали из каждого темного уголка судна, протыкая красную шкуру обшивки подобно сломанным ребрам.

Корабль был украшен тысячами черепов.

Самый большой знак был из костей, вынутых из тел мертвых врагов и соединенных в очертания знака победы.

На самом носу корабля была выложена эмблема из сломанных кусков обшивки и керамики; в центре восьмиконечной звезды было

визжащее лицо рогатого демона. Он бросал вызов и нес свою черную ненависть всем врагам Мизерикордии.

Подобно черепам, символ был собран из боевых трофеев, но вместо костей, монструозное лицо было вырезано из обломков

кораблей и брони Агентус Астартес, достаточно неудачливым, чтоб пасть в бою с этим судном.

В командном святилище, наверху цитадели мостика, из-за присутствия Магистра войны Гаранга, все двигались точными и осторожными движениями.

Туда сюды сновали фигуры сервиторов с содранной кожей, пока они двигались по декам, по палубам царапались их когтистые

металлические ноги.

Никто не разговаривал, за исключением тихих, булькающих очередей машинного кода теждү рабати.

Звук напоминал Гаранду клаянье хищных насекомых на разрушенном мире-кузнице Оргена, Галтеке.

Перед ним стоял гололитический дисплей

Мизерикорди, показывающий их пункт назначения - планету-святилище Сабиев.

Она напоминала шар из древнего железа, подобно ядрам, вылетающим из пушек на примитивных, до ядерных планетах, это заставило Гаранга моментально подумать о Фортеа Квинтус.

Воспоминание о планете заставило раздумать военачальника Хаоса пробиться через пелену памяти, мгновенно отбросить тысячи лет.

Тонкий язык Магистра войны выскользнул меж губ и рассеянно облизнул зубцы на подбородке.

Да, сходство весьма разительно и эта связь разожгла огонь предвкушения в черном сердце командующего.

Несмотря на то, что прошли века с того дня как Гаранг ступил на Квинтус, воспоминания об этой славной компании были как всегда

яркими и чувственными.

Он почувствовал запах пролитой крови и закрыл глаза, позволив себе на мгновение

насладиться этим моментом.

Гаранг в те дни был заместителем Брата-Капитана Ярүлека, когда внешне Несущие Слово все еще лицетерили перед богом-труном людей.

Он улыбнулся.

Даже тогда, Орген уже был охвачен совершенством пути восьмиконечной звезды и слепые глупцы из других Легионов Астартес

были слишком убоги, чтоб увидеть в своих рядах касание Хаоса.

Великий Лоргар, примарх Несущих Слово, лично отослал две тысячи воинов на покорение планеты и с жаждой битвы в глазах они

принялись исполнять.

Гаранг вспомнил пламенную речь Ярүлека перед жителями Квинтуса, сила слов привлекала к их знаменам толпы обычных людей.

Когда они в последние дни конфликта таршировали к цитадели врага, орда их

последователей утирала тысячами, в то время как

Несущие Слово потеряли лишь немногих, из тел фанатиков они делали ратны, чтоб солдаты Гаранга могли перешагнуть зубчатые стены.

Формеа Квинтус пала, но не для Императора.

С благословения Ярүлека, Гаранг был назначен главным по идеологической обработке местного населения.

Он обеспечил, чтоб хотя внешне планета была преданна Терре, ее настоящий лик всегда оставался обернутым к Хаосу.

Когда Хорус объявил свой великий гжихаг против слабых человеческих существ, Гаранг расцвел от гордости, когда узнал, что

жители Квинтуса вырезали всех преданных Императору в их собственных домах в течении нескольких часов.

В свою очередь, с благословением Великого Лоргара, Гаранг обеспечил себе

нуть в высшие эшелоны власти легиона
Несущих

Слово, но Формеа Квинтус всегда
останется близка его темному сердцу, как
место его первой великой победы.

Сейчас же улыбка на рогатом и
деформированном лице Гаранга исчезла,
искривленная его тяжелым нравом.

Обращение Квинтуса было одновременно
источником гордости и злобы Магистра
войны - это случилось вскоре после смерти
Хоруса, когда Легионы Хаосы были
рассеяны и в смятении, его ценная победа
была обращена в прах наглыми
Кровавыми Ангелами.

Гаранг и его войска были далеко,
пробиваясь к своим уютным мирам в
Мальстреме.

Несущие Слово были отрезаны от планет,
которые они соградили; их не было там,
чтоб противостоять так называемому
"очищению"

легионами бога-трупа.

В бессильном гневе Гаранг слушал

визжащие передачи астронавтов, когда
Кровавые Ангелы пронеслись по Фортеа
Квинтс, не

оставляя после себя ничего живого.

Ценное достижение его молодости было
сожжено дотла, воспламенив в нем
твердую, крепкую как алмаз, ненависть к
Сынам

Сангвиния.

С тех пор прошли века, но его злоба не
угасла.

В мире воинов, которые оттачивали свою
ненависть подобно острому клинку, Гаранг
выковал свое омерзение к Кровавым
Ангелам

во что-то совершенно убийственное и
несгибаемое в своей чистоте.

Сабием заполнил собой мерцающий
голоэкран и по ту стороны виднелась
настоящая планета, как накрытый диск,
затененный

раздутым, красно-оранжевым солнцем.

В предвкушении битвы Магистр Войны
почти захлебывался слюной.

Он любил бессильные крики идиотского
благочестия своих врагов, когда воинство
Несущих Слово обрушивалось на один из их
убогих "святых миров", как они стонут и
плачут узнавая что легионы Хаоса
заняты их нелепое поклонение этому
мертвому

уродцу, которого они так уважают.

Как внушала Книга Лоргара, Несущие
Слово были уникальными среди
отступнических Легионов Десантников
Хаоса.

Они единственные сохранили жрецов и
догмы, которые были у их Оргена во
времена верности Земле, но как только
они склонили

колени перед Губительными Силами, их
предсказатели и псайкеры получили
отметину Хаоса Негелимого,
Богохульный Гекс.

Теперь, когда миры слоняются пред из
могуществом, Несущие Слово воздвигают
огромные монументы темным богам
Мальстрема, они оскверняют

человеческие церкви и ритуально
секуляризуют все, что славит имя
Императора.

Это и намного больше, было как раз тем,
что Гаранд собирался сделать с Сабиеном.

Планета было святым местом для
Кровавых Ангелов; Магистр войны мало
знал о причинах, почему ценки Астартес
называли ее так

и еще меньше это его волновало.

Она была местом какого-то великого
конфликта и в своей тупой, плаксивой
манере, Кровавые Ангелы изолировали
планету и

соорудили из нее место для
паломничества.

Сабиен не имел абсолютно никакой
тактической ценности.

На нем не было баз, не было минералов, не
было даже населения, чтоб затучить и
убить - но для Несущих Слово ступить на
него, было таким же ударом по чести
Легионов Астартес, как и плюнуть в глаза
их драгоценному Сангвинию.

- Великий Принц-Колдун.

из контрольной ямы у его ног, к нему
обратился сервитор, -

через секунду мы достигнем орбиты.

Штурмовые силы ожидают вашего
благословения для развертывания.

Гаранг даже не посмотрел на раба.

- Отсылай их.

Пусть приготовят мой персональный
шаттл.

Я посетю один раз войска до того как они
замаскируются.

Несмотря на то, сколь отвратителен ему
был изменник Штель, он был вынужден
признать, что человек предоставил ему
именно то, чего он жаждал.

Вместе с галактическими координатами
Сабиена - мир был вычеркнут из всех, за
исключением самых секретных звездных
карт

Кровавых Ангелов - было достаточно
просто для стремительной Мизерикордии
достигнуть планеты до прибытия
остальных

участников маленькой драмы Штеля.

Он находил инквизитора приторным, высокомерным типом, слишком влюбленным в свой собственный интеллект.

Если бы обстоятельства изменились, Гаранг был бы только рад выдернуть глотку псайкера из его шеи - и возможно, у меня все еще

будет такая возможность, сказал он сам себе. Но это было желанием Высшего Зверя Малфаллакса, чтоб Штель стал инструментом, который они используют против врагов.

Он нахмурился; око могущественного Аббагона следило за их стараниями и будет совсем плохо, если ничего не получится.

Гаранг вложил столь многое из своего Легиона в эту схему, позволил этому дураку Ускавану стать жертвой во благо сложных

гамбитов Штеля, но кроме холодного отращения к инквизитору, он не получил

ничего.

В конце концов, предатель своего собственного вида все равно оставался предателем, и кто знает, вдруг он опять переметнется?

Конечно, в Империи были люди, которые тоже называли Гаранга и его братьев предателями, но подобно большинству овец

Императора, они не понимали.

Не десантники Хаоса были предателями.

Если уж на то пошло, они были самыми преданными из всех, они отбросили все, что делало их слабыми, чтоб стать верными самым

безжалостным силам во всем мироздании.

Мечтательность Гаранга ушла когда он изучил густое астероидное кольцо, охватывающее Сабием широким эллиптическим поясом.

Он предполагал, что они все составляли луну, несомненно уничтоженную во время конфликта, который и по сей день оставил Сабием разоренной сферой.

Ретрансляторы духа-машины боевого корабля подтвердили, что густое облако туманней было богато непроницаемыми для сенсоров

рудати, что послужит отличной маскировкой для Мизерикордии.

Он оторвал взгляд и увидел мерцающие огни, отдалающиеся от обшивки корабля.

Увлеченный зрелищем, Магистр войны, своей когтистой рукой крепко сжал зачерненный железный поручень перед собой.

Величественный план его демонического господина Малфаллакса еще на шаг приблизился к своей смертельной развязке.

Этот день завершится тем, что Кровавые Ангелы отбросят свою преданность Императору и падут в объятия Хаоса, или найдут свой

конец, лягут костями рядом со своими братьями, которые уже лежат в склепах Сабиена.

СОН.

Поначалу было легкое раздражение, какая-

то часть его прошлой жизни посягала на
те изменения, которые преподнесла ему
судьба.

Это происходило в те моменты, когда он
отдыхал, эти краткие периоды были все
менее и менее необходимы, так как перед
ним

раскрывались чудеса его нового тела.

Вначале это происходило только тогда,
когда Аркио засыпал, к нему приходил сон -
но теперь, когда Крестовый поход Крови
сделал

первый шаг, видение начало происходить и
на яву.

Как только его разум начинал уплывать
от забот, оно было тут как тут.

Аркио склонил колени перед огромным
фризом Сангвиния в великом зале,
величественный лик сверху взирал на него,
копируя его

собственную линию челюсти и подбородка,
благородство очертаний рта и глаз.

Его серебрянно-белые крылья двигались по
своей собственной воле, мягко

разворачиваясь, их концы ниспадали на его
золотые

плечи искусной брони подобно покрывалу из
снега.

На алтарь из красного песчаного камня с
Баала опирался освященный
металлический цилиндр, в котором
покоилось Святое Конье.

Аркио открыл футляр, чтоб медовое
сияние от древнего орудия свободно
освещало его.

Как только он взглянул на Конье Телесто,
он сразу же вновь почувствовал в своих
венах напев освобожденной мощи.

Сверхъестественная сила родословной
Кровавых Ангелов была крепка в нем.

Аркио склонил голову; никто из
Капелланов в их черной броне и масках
черепам никогда не остеливался подойти к
нему, когда он

входил и без его произнесенных вслух
приказов, они запечатывали двери
святилища.

Он не видел их, но знал что они

собираются на гальнем конце
кафедрального нефа и в благоговейном
молчании наблюдают за ним.

Аркио сотворил аквилу, этот
рефлекторный жест успокаивал его.

- Чистейший, услышь меня.

Направь меня.

Я твой сосуд и твой посланник.

Я узрею путь Сангвиния и пойду по нему.

Даруй мне понимание видения, которое
одолевает меня...

Аркио закрыл глаза и позволил сну войти
в разум.

Днями до этого, пока Беллус летел через
варн, он сдерживал его, сопротивлялся ему.

Прикосновение эмпирей, казалось,
подпитало и усилило его влияние.

Он начинался с Ваала, как всегда это
происходило.

Во главе миллионной толпы людей и
костодесантников, Аркио маршировал к
воротам крепости-монастыря.

Рядом с ним шли Астартес в броне всех

расцветок темно-красного - не только
Кровавые Ангелы, но и воины Ордена
Расчленителей, Кровопийцы,
Вермиллионовые Ангелы и другие.

Были так же воины в черной броне Роты
Смерти, их наголенники пересекали
красные кресты, которые отмечали их как
вбивших в

ярость, но они шли рядом с ним так же
спокойное, как и остальные боевые-братья.

Самого его присутствия было достаточно
чтоб успокоить их.

Изъеденные ветром ворота открылись
перед Аркио и перед ним и его
крестоносцами предстал сам монастырь.

Все фигуры внутри, десантники и
апотекарии, техножрецы и серфы Ордена,
все они падали на одно колено и склоняли
свои головы, когда он проходил мимо.

Не было грубого шума и рева, который
изливали в его честь жители Шенлонга -
здесь, на Ваале, был слышим только ветер
и

толчание преданных ему в своем

поклонении.

Никто не рисковал заговорить в присутствии Ангела Перерожденного, в этом выражалось их почитание.

Через молчаливые кулуары к великому залу.

Он видел лица величайших Кровавых Ангелов, они приветствовали его, прижав кулак к груди, когда он проходил мимо.

Аргастес.

Корбуло.

Лемартес.

Мориар.

Верменто.

Даже почитаемые мертвые были здесь, чтоб приветствовать его, Тихо стоял плечом к плечу с Лестарллио, и на мгновение, он

высмотрел среди них Кориса, его лик мелькнул, затем исчез в тени.

У алтаря, под возвышающимися статуями Сангвиния и Императора, стояли Данте и Мефистон.

Был момент, когда оба воина встретились с ним взглядом и Аркио испугался, что он будет вынужден обратиться против них Конье; но затем оба, высших командующий и Лорд Смерть склонились перед ним.

Затем и только затем, голоса его воинов взорвались, и они сотрясли столпы рая, выкрикивая его имя.

Но из темных углов, приближалось что-то темное и зловонное.

- ЛОРД инквизитор, что нам с этим делать? - Спросил Делос, его голос едва скрывал полную страха обеспокоенность.

- Визите, свет которые падает на Благословенного.

Лицо Штеля скисло, пока он смотрел за игрой желто-белых цветов над золотыми очертаниями Аркио в другом конце великого зала.

Яркое свечение Конья Телесто потряскивало вокруг него подобно молниям летних дождей.

- Да, Капеллан, вы были правы, что

позвали меня.

Это...

это олицетворение воли Перерожденного
Ангела.

Он молится направить его в нашей
грядущей битве...

Пожь легко слетала с его уст.

Делос обменялся взглядами со своими
приятелями жрецами.

- Но его лицо...

оно меняется и движается, Лорг Штель.

Я раньше не видел ничего подобного...

И его крики.

Я готов поклясться что Аркио больно...

- Нет, - отрезал Штель, - вы не можете
понять путей Святого Копья, жрец.

Аркио общается с кровью внутри себя, не
более.

Он должен...

Он должен найти утешение, сделав это в
одиночестве.

- Но ты не можешь...

- Вы должны уйти, -

прогрохотал инквизитор, -

я буду охранять Благословенного.

Когда Делос затешкался, он указал пальцем на двери часовни.

- Вон! - Голос Штеля превратился в рев.

- Уменем Сангвиния, я приказываю вам!

В ту же секунду, когда двери с грохотом закрылись, Штель кинулся бежать к алтарю.

В воздухе висела вонь, и она была знакома инквизитору как звук своего собственного дыхания; мертвая плоть, горячая кровь, хладное железо.

Хаос.

Глава девятая.

Цвета сна потемнели.

Он начал превращаться в кошмар.

И теперь все оборачивалось неплот.

В момент его величайшего триумфа, когда каждый живой и мертвый Кровавый Ангел приносил ему клятву верности, тени, собравшиеся по углам его зрения, вытолзали.

Прибой старой крови омывал все, обращая людей вокруг в гниющие трупы, волной с их тел сдирало кожу, кератит превращался в бугагу, кожа свертывалась вокруг сереющих костей.

Каменные стены крошились и рушились, старея на эпохи за секунды.

Сам Баал кричал в агонии, когда по нему распространялась порча.

Мертвых прибывало к нему, океаны заостренных пальцев скелетов царапали его золотую броню.

Данте и Мефистон схватились за него, крича от боли, сторищающееся глаза умоляли объяснить, почему он отрекся от них.

Аркио не мог произнести ни слова и у него не было ответа.

Все что он знал, что эта великое гниение его вина.

Волна праха достигла его ног и начала взбираться на него подобно быстро растущим грибам.

Золотая броня превратилась в окисленную

медь, затем в тусклую ржавчину, а затем
рассыпалась в пыль.

К Аркио вернулся голос, как раз во время,
для душераздирающего крика.

ЗВУК, который исторг Аркио заставил
Штеля остановиться у подножья алтаря.

Крик ударил набатом в стены великого
зала, заставляя вибрировать стойки с
фотонными свечами и кадила, которые
свисали на
цепях высоко вверху.

Он нервно бросил взгляд на двери - они
оставались закрытыми.

По крайней мере Капеллан исполнил его
приказ.

Будет плохо, если Делос и его боевые-
братья обнаружат то, что было готово
появиться.

Лицо Штеля исказилось, когда он шагнул
в ауру Конья.

Касание оружия сбивало его психику,
вызывало внутри инквизитора
противоречивые эмоции и он был вынужден
отправить их на

заговорки разума.

Здесь и сейчас он нуждался во всей своей способности концентрироваться.

Аркио дрожал, его кожа была белой и мокрой от пота.

Под поверхностью его элегантного лица, казалось, двигались очертания, тонкие, похожие на червей жгутыки подталкивали изгибы

скул и челюсти.

Шмель выругался, проклиная; молодой глупец сам навлек это на себя.

Не желая просто оставить Святое Копье, Аркио проводил слишком много времени в сиянии устройства, и теперь творцы его изменений были под угрозой порчи.

Темные очаги, твердые и черные как редкая желчужина, появились на его шее и лбу.

Некоторое, подобно глазам, открылись.

- Слишком быстро, - рявкнул Шмель, -

Слишком рано.

Мутация была стабильной, я убедился в

этом.

Он скинул свою накидку и положил руки по сторонам головы Аркио.

Дава внезапно желание оторвать ее, инквизитор собрал свои силы и позволил псайкерским чувствам протянуться через контакт с кожей.

Мягко, его пальцы начали сплавляться с лицом Аркио.

ХУДШИЙ из ужасов остался напоследок.

Всюду, где падали его боевые-братья, формировались новые и чудовищные очертания, перестраивая себя из останков костей и брони.

Появлялись твари.

Нечестивые твари, тошнотворная пародия на благородство Кровавых Ангелов, из темно-красная броня была запачкана кровью

невинных, белые крылья символа Ордена стали костями и клинками, красная капля была мокра от запекшейся крови.

Из них вырастали рога и зубы; их
отвратительность перезоняла даже
предателей Несущих Слово.

Повсюду, его деформированное братство
рисовало восьмиконечные кресты,
вскидывая головы и призывая в свои ряды
Хаос.

Подобно зыбучему песку, воздух вокруг
Аркио загустел.

Он тянулся к Святому Коню, последнему
маяку чистоты, хотя его кожа сползала с
костей.

Его пальцы коснулись теплого,
податливого металла...

РУКА Аркио дернулась, марионетка,
руководимая небрежным кукольником и
кончики его пальцев прошлись по Святому
Коню.

Горячий воздух зашипел вокруг двух
мужчин и Аркио отбросило назад.

На его коже пузырились и лопались
темные очаги заразы.

Закрытое от взора грудной пластиной,
безупречное тело Аркио еще сильнее

поросло выступившими раковыми
образованиями, исторгающими желтый
гной.

Костяные выступы искаженного тела
давили на его кожу.

Плоть молодого костогесантника, такая
совершенная и великоленная, гнила
изнутри.

- Нет! - Рывнул Штель.

Еще рано.

Я не позволю.

Двигаясь по телу, пальцы инквизитора
погрузились в спинной мозг Аркио, зондируя
и нащупывая черные зародыши порчи,
которые

были привиты туда несколько месяцев
тому назад...

И КОНВЕ Телесто отвергло его.

Боль, огромные клинки агонии, намного
сильнее чем мог представить себе
смертный, вонзились в Аркио.

Он отпрянул и его тело изменилось,
обожженные как от солнца руки
связывались узлом и корчились.

Они превращались в гроздья щупалец и козтей.

Он дотронулся до своего лица и обнаружил там рассадник колючек и зубцов, черные, хлопающие языки и текучую плоть.

Черная волна теперь была в нем, переделявая его душу.

Он видел ее внутри, он вырезала там знак Хаоса Негелимого.

И еще внутри был ревущий зверь, ненавистная суть красной жажды, которая приветствовала происходящее

Аркио закачался и упал.

Он превратился в Проклятого.

ВОТ.

ВОТ оно, сжимает кости позвоночного столба Аркио точно угнездившийся паук.

Тонкие линии жидкой тьмы, исторгнутые яйцеобразными зародышами, тысячами усиков проникли в каждый орган и ткани тела

Кровавого Ангела.

Они были такими тонкими, такими нежными, что только сняв с него кожу или

разорвав его разум на держателе гля
псайкров, позволило бы другим обнаружить
скрытую порчу внутри Аркио.

Они были естеством чистого,
незамутненного Хаоса.

На ощупь они были гладкими и твердыми,
кусочками какого-то сгнившей
мыслеформы, созданной Малфаллаксом.

Монарх Злости создал их из себя, даруя
себя Штеля для дня, когда его сложный
план воплотиться в реальность.

Не оставалось ни одной части Аркио,
которую бы не затронула мутация,
созданная семенем.

Усики проникли везде, деформируя плоть
юноши; именно они даровали ему крылья,
его изменения, его Появление.

Штель ворковал с семенем, поглаживал
его и успокаивал злобного паразита.

Сейчас ему нужно было быть осторожным,
пока мутация прогрессировала медленно и
невидимо, порча в теле Аркио оставалась
незамеченной - но глупая щенячья
одержимость Копьем Телесто пробудила

отвергнутый Аркио смертельно закричал.

АРКИО осел и упал на каменный пол
великого зала, его дыхание было рваным.

Штель утло убрал руки с шеи
десантника, подобно поверхности водоема,
кожа сожнулась.

Несколько маленьких ручейков крови
застыли на пальцах инквизитора и он
вытер их шелковым платком.

Фигура в золотом простонала.

- Рафен...

Нет...

При упоминании брата Аркио, Штель
скривился, он наблюдал, как очаги заразы
на лице Благословенного, обогранные
отверстия

истекающих ран, исчезают в складках
кожи.

Снова Аркио был совершенным,
алебастровой идеальной копией
Чистейшего.

Проморгавшись, он открыл глаза.

- Штель? - Спросил он. -

Это ты мой друг? Что случилось со мной?

Инквизитор изобразил на лице обеспокоенность, которая скрыла его истинное раздражение.

- Благословенный, я воздаю хвалу Сангвинию, что с тобой все хорошо.

Я боялся худшего..

Аркио встал на ноги, его крылья свернулись за спиной.

- У меня было...

ужасное видение, инквизитор.

Триумф был украден пучиной Хаоса.

Лицо Штеля осталось совершенно безразличным.

- Ты должно быть ошибаешься, Благословенный.

Он взглянул на свои руки, затем на гудящие очертания Конья.

- Конье...

начал Аркио, его голос пропадал, - оно обернулось против меня.

- Невозможно, -

успокаивающим тоном ответил Штель, -

такое никогда не произойдет.

Он приблизился к Конью на алтаре.

- Смотри, Величайший.

Святое Конье только твое.

Прикоснись к нему.

Аркио нерешительно протянул руку к оружию, пальцы пробежались по очертаниям фигуры в капюшоне на рукояти коня.

Под его лаской Конье Телесто запылало.

На лице десантника отразилось облегчение.

- Видишь? - Штель улыбнулся, -

Это было не видение, Аркио.

Просто тяжесть прошедших дней терзает тебя.

Святое Конье твое, -

повторил он.

Инквизитор внутренне перевел дыхание.

Его помощи хватило и мутация была подавлена, так что оружие Телесто не отреагировало на них - в данный момент.

- Оно было таким реальным, -

продолжил Аркио, -

я чувствовал внутри себя касание варна.

- Твой разум меняется, как и твое тело и дух, Благословенный, -

ответил Шмель.

- Только ты можешь знать что заготовил для меня Сангвиний.

Может это...

видение было каким-то предостережением...

- Объяснись, -

потребовал Аркио, его замешательство прошло и его высокотерные манеры вернулись.

- Возможно...

возможно Великий Ангел показывает тебе что произойдет, если ты подведешь его...

- Да...

Аркио отвернулся.

- Это никогда не произойдет, Шмель.

С твоими советами, Крестовый поход Крови зажжет звезды праведным огнем.

Хвала сам себя, инквизитор кивнул.

Кризис минул.

- В самом деле так и будет,
Благословенный.

И мы начнем с Сабиена.

Аркио кивнул и в одиночестве пошел в
поперечный неф.

Шмель смотрел как при движении
вспыхивают его перья.

Вопрос времени, когда зараза мутации
снова видимо проявит себя - но если все
пойдет по плану, к тому времени когда
это случится, Аркио и его Кровавые
Ангелы будут славить Хаос и с радостью
примут этот дар.

С НУЗУ "Грозового ястреба" изверглись
струи пламени от отработавших
ускорителей, когда тот обосновался в
гравитации Сабиена.

На носу корабля, на ратне развертывания
были видны быстрые, точные движения.

Четыре Кровавых Ангела, каждый держал
болтер наизготовку, разошлись веером и
перестроились в клин.

Их глаза и дула оружий безостановочно сканировали местность в поисках любого движения.

Позади них появилась фигура, возвышающаяся подобно гредноуту, с холодной целеустремленностью шагавшая по палубе.

Еще два десантника, седой ветеран и техножрец, следовали по пятам.

- Развернуть скаутов, - сказал он, его голос разносился над грохотом двигателей, когда второй и третий "Грозовые ястребы"

приземлились неподалеку.

- Я хочу чтоб был установлен безопасный периметр, брат-сержант.

Мы, кажется, прибыли первыми, но это может быть обманчивым впечатлением.

- По вашему приказу, лорд, -

Ветеран отсалютовал и сорвался в бег, взрывкая команды личному составу эскорта легко бронированных костодесантников.

Другие воины остановились,

прислушиваясь к голосу в воксе.

- Сообщение с Европы, лорд.

Корабль достиг геостационарной орбиты над этим местом.

Ожидает ваших приказов.

Мефистон ступил на поверхность Сабиена и вздохнул полной грудью.

Сотни ароматов обрушились на его усиленные рецепторы, его мозг быстро распределил запахи по знакомым категориям.

Смерть.

Эта планета пахла смертью.

- Лорд Мефистон? - Спросил технодесантник, нерешительно ставший рядом со Старшим Библиарием.

Даже среди членов его собственного Ордена, высшего псайкера Кровавых Ангелов побаивались точно так же, как и уважали.

- Европе оставаться в максимальной боеготовности, -

изучая посадочную зону, ответил Мефистон.

- Что по поводу прерывистых сенсорных контактов в поясе астероидов? - Он поднял взгляд.

Над головой, призрачно-белое мерцание рассекало пополам голубое с оранжевыми небо - плотное кольцо скал и захваченных гравитацией астероидов, окружало Сабиев, останки самой большой луны планеты.

- Их больше не было, -
ответил десантник, -

когитаторы пришли к заключению, что контакт мог быть солнечным отражением от кристаллов льда или возможно термическим выбросом газов.

От это оценки губы Мефистона скривились.

- Увидим, -

он оставил позади техножреца и пошел дальше, отделение тактических десантников пришло в движение вместе с ним.

Он сторонился использовать более

привычную почетную стражу на планетарных миссиях; он предпочитал компанию обычных

солдат Кровавых Ангелов, лучше всего из первых рук увидеть характер людей, которыми командовал Лорд Данте, лучшее место, чтоб наблюдать за инанакотыслящими или совращенными.

Не в первый раз Мефистон ступал на Сабием.

Прежде, несколько жизней тому назад, он стоял на том же месте, дышал тем же воздухом.

Тогда он был другим человеком: Братом Калистаром, простым кодицием, впереди были еще столетия до событий в улье Тагес, которые превратили его в Мефистона, Лорда Смерть.

Несмотря насколько сильно он изменился за последующие годы, Сабием остался прежним.

Мир-святилище был тем же самым, прошли столетия с тех пор как был и не переставая жестокой Компании фаедра

рассеялся.

В то время Савиен стал свидетелем самых впечатляющих потерь Оргена Кровавых Ангелов со времен битв Ересу Хоруса и когда, ценой неисчислимых потерь, этот мир окончательно был уничтожен, Церковь Империи отдала планету под охрану Сынов

Сангвиния.

Мир их отчаянного последнего противостояния против врагов человечества стало местом паломничества, и это было как раз такое путешествие, когда псайкер впервые ступил на Савиен.

Проницательный взгляд Мефистона пробежался по ломанным горным хребтам на горизонте.

"Грозовые ястребы" приземлились на городской площади, там, где происходила последняя великая битва.

Насколько далеко мог видеть глаз, открытое пространство было затеснено разбитой каменной кладкой, разрушенные

балки из

ржавого железа лежали поверх крошащихся останков колонн.

Повсюду были остатки архитектуры, выполненной в стиле Старой Терры.

Длинные залы и монастыри спешивались с кафедральными башнями, которые когда-то в своем великолении пронзали небеса.

Теперь улицы Сабиена были наполнены кучами камня и разрушенными башнями.

В центре отдающей эхом площади оставалось только одно единственное здание.

Скошенная под углом от взрыва гавнозатихшего огня, за мертвым городом, продолжала наблюдать статуя на на каменном

постаменте.

Каким-то образом, в фигуру ангела ни разу не попали несмотря на все безумие битвы за Сабием.

Она стояла и сейчас, ее лицо имело общие черты, как символ человеческой воли.

Библиарий положил свою руку на рукоять

силового теча в ножнах и закрыл глаза.

Мягко он призвал силу Ускорения, которая клубилась внутри его разума, сформировал ее и поглотил своими чувствами.

Подбагривающая мощь с грозью пробежала по его телу и Мефистон позволил своему разуму выскользнуть из оков плоти и кости.

Мягкое голубое свечение парило над розатыми черепами, которые украшали его психический капюшон и Лорд Смерть потянулся

далее в поисках жизни.

Призрак его пси-личности проскользнул по опустошенным улицам, поток ментальной силы скользил и тек под порывами ветра.

Мертвые оставили свой след на психическом облике Сабиена.

В разрушенном городе не было места, где бы не было шрамов от жестоких убийств.

Мучительная и грубая боль опалила каменную кладку, для чувств Мефистона это было столь же явно, как выжженная тень человека, оставшаяся после ядерного

взрыва.

На грани звукового восприятия слышались затихающие крики Кровавых Ангелов, фантомы толпой окружили его.

Челюсть Лорда Смерти нервно дернулась.

Даже для Библиария с их удивительной дисциплиной, было сложно отсеять белый шум населенного призраками города и продолжить поиски дальше.

Он нахмурился.

Казалось, там что-то было, на самой крошке его ментального взора, но оно было эфемерным, спрятанным в нагромождении призраков войны.

Возможно...

Голова Мефистона резко дернулась в стремительном движении и

Технодесантник замер, пораженный этим действием.

Псайкер Кровавых Ангелов смотрел в небеса.

Вечерние звезды медленно появлялись на темнеющей синеве неба и одна неподвижная яркая точка указывала на

позицию Европы.

- Они идут, -

прошептал он сам себе, его голос был слишком тих, чтоб его услышал кто-то еще.

Подобно рожденному новоту созвездию, внутренний взор Мефистоны увидел группу мерцающих разумов, приближающихся к планете на высокой скорости и среди них он считал странные психические вспышки, с которыми еще ни разу прежде не встречался.

В воксе шлема техногесантника раздалось потрескивающее бормотание передачи и тот взглянул на Мефистоны.

- Мой Лорд, сообщение с Европы.

Боевая баржа Беллус прибыла.

Он кивнул.

- Я знаю.

Я чувствую их.

ЗАМЕДЛЯЯСЬ, Беллус развернулся своим толстообразным носом к братскому кораблю.

Корабли были почти зеркальным отражением друг друга, огромные туши корпусов оцетинились пушками и ракетными установками.

На каждом из них был огромный диск с эмблемой Оргена под золотой верхушкой Имперской аквилы, но на поверхности схожесть заканчивалась.

Стоя на орбите Сабиена, экипажи обоих кораблей с сомнением и недоверием смотрели друг на друга.

Редким зрелищем было увидеть два корабля такого типа в одном и том же месте.

Такое развертывание было обычно прелюдией к войне огромных масштабов и многие на борту Беллуса и Европы задавались

вопросом, а не начнется ли вскоре такая война.

На командной палубе, Капитан Угеон тщательно изучал другой корабль, со всей тактической проницательностью, с

которой он

рассматривал вражеские корабли.

- Солус, -

проотрещал он, -

детекторные узлы по левому борту в передней четверти считывают что-то похожее на колебания в катушках привода.

На своем посту помощник Угеона кивнул, глядя на предварительные вычисления.

- Согласен, капитан.

- Передайте информацию оружейным сервиторам.

Это может быть полезным, если придется драться.

У иллюминатора, Шмель прервал свою беседу с Сахиелем, чтоб посмотреть на капитана.

- Меня печалит, что мы должны предпринять такие меры предосторожности, но после инцидента с Атарео...

- Я вас уверяю, что экипаж Европы делает тоже самое относительно нас, -

отрезал Аркио.

Он был напряжен и широкими шагами он прошел мимо Сангвинарного Жреца и стал перед командным возвышением.

- Цгеон.

Вы нашли другие корабли в этой зоне?

Капитан моргнул, когда обратил свой взор и слух в "Беллус".

- Нет, Благословенный, -

ответив через мгновение, -

сейчас нет контактов.

- Похоже что Данте держит слово, -

сказал Сахиель.

Жрец казался притихшим, его обычное неистовство исчезло.

- Возможно, мы все еще можем мирным путем разрешить эту катас...

Он запнулся на слове.

этот...

это недоразумение.

Изогнув брови, Штель посмотрел на него.

- Действительно.

Но я с уважением предлагаю чтоб нашим девизом была бдительность.

Если командор Данте решит....

- Данте здесь нет, -

со сталью в голосе перебил Аркио, -

я своим естеством знаю это.

Он послал своего заместителя, псайкера Мефистона.

Облаченный в золотую броню костодесантник взглянул Шмелью в глаза.

- Ты чувствуешь его, инквизитор?

Шмель осторожно протянул мельчайший ментальный зонд к поверхности Сабиена и так же быстро отдернул его назад, словно рукой

прикоснувшись к огню.

- Благословенный прав.

Лорд Смерть ожидает нас.

На кратчайший миг, обеспокоенность пробежала по лицу агента Еретикус.

Аркио приблизился к Угеону и кивнув, отдал приказ.

- Установите по корабля состояние боевой

тревоги, капитан.

Вот мой приказ - Воины Перерожденного
сопровождают меня на Сабием.

Запускайте транспортники и "Грозовые
ястребы".

Я встречу Мефистофа во главе толпы.

- Я отберу роту десантников,
Благословенный, -

добавил Сахиель, -

твоя армия будет иметь по настоящему
великолепный вид.

Аркио кивнул.

- Сопроводи меня, жрец, и ты, инквизитор.

Мы отправляемся творить историю.

Штель неглубоко поклонился и последовал
за Перерожденным Ангелом из комнаты.

Войдя в отдающие эхом коридоры, он
отстал на пару шагов и начал
нетерпеливо говорить в спрятанный на
воротнике вокс.

- Улан, слушай меня.

Приходи в посадочный ангар и приготовься
спуститься на планету.

Ты мне понадобишься на поверхности.

- Мефистон? - Пришел ответ.

- Поторанивайся, -

резко ответил он, убыстряя шаги.

ПОВСЮДУ на борту "Беллуса", грузовые
лихтеры принимали свою ношу, каждый
пугеобразный корабль были битком набит
вооруженными, фанатичными людьми.

Приказы Угеона потрескивали по все
палубам корабля, требуя вооружить суда и
воинам приготовиться к посадке.

За дни, которые прошли после их вылета с
Шанлонга и прибытием сюда, Воины
Перерожденного стали еще более
беспокойными и

жаждали ступить на землю.

Заполняя транспортники, каждая группа
была возбуждена предвкушением, их
страстное желание доказать свою
ценность Аркио

натного превосходило их страхи.

Рафен осторожно присоединился к хвосту
группы илов, держась как можно дальше
от остальных костодесантников.

загоняющих

армию сброса в транспортники.

Спрятавшись на нижних палубах, перелет для Кровавого Ангела пролетел быстро, так как тот погрузился в транс-сон, его каталептический узел мозга хранил одну половину в состоянии бодрствования, в то время как другая отдыхала.

Рафен был благодарен за способности этого импланта.

Он подозревал что видения, настоящего сна, не понравились бы ему.

Солдаты рабы поднимались по посадочной рампе гурьбой, недисциплинированными стагом, сама противоположность отлично

тренированным формированиям Агентус Астармес.

Когда они вошли внутрь лихтера, среди них двигалась фигура, отдавая краткие приказы.

Другой десантник.

Рафен облизнул высохшие губы; это будет томентом истины.

Если его уловка раскроется сейчас, в живых он никогда не спустится на планету.

Он небрежно кивнул другому Кровавому Ангелу, как будто все шло как надо и прощазал тило него, вверх по посадочной рампе корабля.

- Брат, -

сказал десантник, -

Ты надзираешь за этой группой? Я думал что меня назначили...

Со ступенцем его голос затихал.

Когда тот вышел на свет, Рафен узнал его, сияние биолюминов осветило его лицо.

Алактус.

Рафен продолжил подниматься, отмахнувшись рукой и надеясь, что этого будет достаточно.

- Подожди, -

продолжил Алактус, -

я тебя знаю?

Он нахмурился.

- Как тебя зовут?

Как он мог не знать меня, спросил сам себя Рафен.

Мы десятилетиями вместе служили в Оргене.

- Брат! - Крик остановил Рафена наверху рампы и он полубернулся чтоб взглянуть через плечо.

Алактус положил руку на рукоять болт-пистолета.

- Я задал тебе вопрос.

С подозрением на лице, десантник шагнул ближе.

- Сними свой шлем.

Он взглянул на транспортник, илоты были уже внутри и никто из них не видел то, что происходило снаружи.

Рафен развернулся к обеспокоенному Алактусу.

На посадочной площадке больше никого не было, только двое Кровавых Ангелов.

- Сними свой шлем, -

повторил Алактус, беря в руку болтер, -

я не буду спрашивать еще раз.

Предостережение в его голосе было острым как игла, десантник убьет Рафена, если тот не ответит.

Рафен кивнул и спустился по рампе, открывая по ходу кольцевой зажим брони.

Он остановился перед Алактусом и снял шлем.

Когда он встретился взглядом с глазами своего боевого брата он увидел в них шок.

- Рафен! - Прошелестел Алактус, - но ты мертв...

Нет, -

ответил он и единым стремительным движением, Рафен ударил шлемом другого десантника.

Он подавил тошнотворное ощущение во внутренних органах, которое вспыхнуло там, когда он напал на своего бывшего товарища; сделав такое, Рафен почувствовал себя опороченным, но он знал, что у него не было выбора.

Если бы он не убил Алактуса, то тот бы прикончил его.

Он поймал Алактуса врасплох и шлем из керамики сильно ударил того, выбивая пистолет из рук.

Оружие с бряцаньем отлетело когда Рафен ударил снова, нув десантника в бедро.

- Предатель! - Выплюнул Алактус, вырывая из ножен свой боевой нож, -

Сахиель говорил нам, что ты сделал, что ты пытался сделать.

Ты убил Люцио.

- Я не хотел...

- Лжец! Ты трусливый ублюдок, ты поднял руку на свое собственное братство.

Ты пытался уничтожить крепость - ты бы убил всех нас, ты бы убил Перерожденного Ангела.

Внутри Рафена вскипела злость.

- Ты глупец.

Это не я изменник, это ты.

Ты и все кто последовали за губительным безумием Аркио!

- Нет, -

Алактүс покачал головой, - я не буду
слушать эту ложь! Он возвращение
Чистейшего...

- Ничего подобного, -

возразил Рафен, -

открой глаза, воин.

Открой глаза и посмотри на правду,

Аркио всего лишь пешка.

Штель стоит за ним, этот ментальный
колдун Оргоса затуманил все для своих
собственных целей.

- Ложь! - Алактүс кинулся на него,
блеснуло лезвие.

Рафен блокировал, но нож все равно ударил
и вонзился в его броню.

- Только подумать, я доверял тебе, -
шипел десантник, -

Только подумать, мы дрались вместе во
имя Императора, когда ты все это время
был агентом Хаоса.

Он надавил на нож сильнее и Рафен
закричал от боли.

- В дар Благословенному я убью тебя.

Рүка Рафена взметнулася вверх и схватила шею Алактүса.

Облаченные в кератит пальцы вонзились в его кожу и сжались.

- Прости меня... -

- прошипел он, оба соткнулись в стертельном объятии.

Рафен чувствовал как нож кромсает и врежется в него, но не разжимал хватки.

Кровь запузырилась на губах его боевого брата и шейные позвонки треснули.

- Будь ты...

проклят...

Алактүс задохнулся и умер от его руки, его тело обмякло.

Рафен отбросил его на палубу и рыча от боли выдернул из раны нож.

Он взглянул на свои руки; они были в крови, какая осуждающими струйками.

Он вспомнил Несущего Слово на Кибеле, которого убил тем же способом, его дыхание замерло в груди.

- Сангвиний, -

вслух вопрошал он, -

когда закончится это безумие?

Но никто не ответил.

Рафен осторожно одел шлем, сделав паузу, чтоб подобрать болт-пистолет перед тем как взойти на борт транспортника.

Позади него с грохотом захлопнулся люк, оставляя на палубе труп его товарища, который вынесет в костос когда шаттла будет

выпущен на Сабиен.

- СКАУТЫ докладывают, по внешнему периметру нет контактов, -

сказал сержант, - посадочная зона безжизненна.

Намек на утешку появился в уголках тонких губ Мефистона.

- То, что они ничего не нашли, еще не означает что этого там нет.

Будьте настороже, сержант.

Кровавый Ангел трачно кивнул и указал в небеса.

- Смотрите, Лорд.

Корабли.

Дождем спускались транспортники и грузовые лихтеры, опускаясь на чистые участки площади в северо-западном углу.

- Приготовьтесь, -

сказал Мефистон воинам, -

Приготовьтесь ко всему.

Фигуры в потрепанных, самотельных униформах появились из шаттлов вместе с красными точками Кровавых Ангелов.

Сержант нахмурился, тщательно изучая воинов через оптику дальнего радиуса.

- Что это такое? - Тихим голосом спросил он, -

- Обманщик притащил с собой армию простых людей?

Через изящные магнокуляры Библиарию наблюдал как фигуры выстраивались в подобие парадной линии.

- А, -

сказал он через мгновение, -

Их глаза сержант.

Посмотри им в глаза.

Скажи, что ты видишь?

Кровавый Ангел сделал то, о чем его просили.

- Они кажутся...

безумными, вроде...

- Да.

Эти люди охвачены пламенем веры, разожженным в них.

И многие из их числа не имеют твердого характера, чтоб компенсировать.

Палец Мефистона барабанил по рукоятке его плазменного пистолета.

- Пристатривай за ними.

Они не предсказуемы, учитывая обстоятельства.

Сержант снова указал.

- Там, Лорд, вы видите его? Я не уверен...

Лорду Смерть не нужно было говорить куда смотреть; паря подобно источающему тед серафиму среди толпы бродяг, к ним

приближался Аркио.

Его броня ловила красно-оранжевое сияние

сдающегося солнца Сабиена и отражалось
от золотого керамика подобно жидкому
огню.

Широкие белые крылья над его плечами
изгибались дугами.

- Кровь Императора...

- выдохнул сержант.

- Он почти...

- Это не так, -

резко прорычал Мефистон, -

позволь себе так думать и ты бесполезен
для меня.

- Простите меня, лорд, просто...

я никогда не видел ничего подобного.

Библиарий чувствовал те же самые
мысли на поверхности разумов всех
Кровавых Ангелов в его страже.

Он сжал челюсть и слегка прикоснулся к
психическому резервуару Ускорения.

Мефистон нежно направил силу, чтобы
укрепить волю своих воинов, стирая
каждую крупинку сомнений до того, как
они вырастут.

РАФЕН грубо указывал дулом болтера направление, куда идти его солдатам-рабам.

Затерявшись в процессии, он был достаточно далеко от лояльных Аркио десантников, чтоб те не узнали его.

Под визором своего шлема он нахмурился.

Там, впереди него, маршировал его брат и рядом жрец Сахиель, Шмель и свита инквизитора.

Он видел шаркающего механика, парящие силуэты серво-черепов Шмеля и накрытую капюшоном женщину, чье телосложение терялось под пространной накидкой.

Рафен решил в этот раз выждать.

Его план, как и в прошлый раз, обретет очертания по ходу дела.

Возможно, если представится возможность, он сможет приблизиться к Аркио незамеченным и тогда - остелится ли он снова

пролить кровь своего брата? И в этот раз, кровь своего собственного, родного брата? Он не смог сделать этого на

Шенлонге, и

сколько он не смотрел на свои ощущения, Рафен не был уверен, что сможет сделать это и теперь.

У изножья "Громого ястреба" Рафен увидел еще одну фигуру, не сравнимые ни с чем очертания, казались, были вырезаны из

исторической книги.

Он мгновенно узнал Старшего Библиария Данте, самого могущественного псайкера во всем Оргене - и как поговаривали некоторые, из всех Легионов Астартес - тот наблюдал за их приближением.

Рафен вспомнил лик каменной статуи в нефе Месте Падения Ангела: Мефистон, Лорд Смерть.

Его имя было более чем заслуженным, он один заглянул в неизведанные глубины генного проклятья Кровавых Ангелов и выжил.

Только невероятная сила воли позволила Мефистону пройти через карающий вызов сводящей с ума красной жажды и пережить

это, чтоб рассказать.

Воины говорили, что заглянуть в глаза Лорду Смерть, все равно что смотреть через окно на черную ярость и мрачное царство, которое ожидает по ту сторону жизни.

Прожигающий взгляд Мефистона был известен тем, что останавливал врага и оставлял их сломленными и плачущими.

Как и полагало воину его высокого положения, псайкер носил темно-красную накидку с мозаикой из черепов, с огромными

символами смерти на наплечниках.

Двойные рейки мощного психического капюшона простирались над его головой, броня вокруг его груди напоминала лишенную

кожи плоть, сверкая красными связками мышц, пересеченные символикой смерти и драгоценными камнями в форме капли крови.

Он был темнейшим концом спектра, по сравнению с зеркально яркими, золотыми

очертаниями Аркио.

- ЛОРД Мефистон, - сказал Аркио, приветственно склонив голову, - это честь для меня встретить вас здесь.

Спасибо что прилетели.

Нсайкер изучал юнца.

Сержант был прав, сходство Аркио с Великим Ангелом было сверхъестественным.

Это было почти тоже самое, если бы статуя Сангвиния стряхнула с себя каменную облицовку и спустилась с постамента часовни.

И все же, несмотря на то, что изображение было похоже на легенды, которыми он так долго поклонялся, Мефистон уже чувствовал в воздухе порчу чего-то грязного и извращенного, висящего подобно табачному дыму.

Он был очень осторожен, чтоб не выказать даже малейшего намека на почтение воину в золотой броне.

Он был тем, кто приказал убить протеже

Мefистона Bode и экипаж корабля
Капитана Галлио, хладнокровно казнить,
это Библиарий
не скоро еще забудет.

Но все же...

Но все же, какой-то слабый голосок внутри
разума Мefистона, какой-то последний
фрагмент его старой личности, Брата
Калистрата, испытывал благоговение
перед тем, в кого превратился Аркио,
перед этим совершенным, живым
воплощением великого
Сангвиния.

Он утихомирив беспорядок внутри себя и
собрав свою пси-сущность в одном месте.

- Ты тот, кого они называют
Благословенным Аркио.

Это не было вопросом.

- Ты заявляешь, что ты сосуд для нашего
Ангельского Господина.

- Я ничего не заявляю, - сказал Аркио, -
я он и есть!

В первый раз их глаза встретились и из

самых темных закоулков души Мефистона, он обратил на юнца своим пронзающий взор; огромный ментальный заряд пробежался между ними, заставив остальных отшатнуться.

- Это ты посмотри, -

нараспев произнес Лорд Смерть, заглядывая своим мрачным взором в самую душу Аркио.

Глава десятая.

Тьма поглощала вечернее небо и наполнила горизонт глубокими, чернильными тенями.

Некоторые из Воинов Перерожденного нервно перемещались и бормотали, оружие бряцало когда они сильнее сжимали его, опасаясь того, что произойдет дальше.

Сквозь ряды людей Рафен двигался дальше, чтоб лучше разглядеть титаническое противостояние воли Аркио и Мефистона.

Он чувствовал густую, жирную структуру прохладного воздуха, такой же маслянистый аромат он встречал и

раньше, когда Шмель

пользовался своими психическими силами, но в этот раз он был в сотни раз сильнее, и сгущенная атмосфера заставила Рафена

почувствовать, что он как будто пробирается через трясину болота.

Он видел адское свечение в глазах Лорда Смерть, тлеющие угли контролируемой бури были подобны отдаленным маякам.

Вокруг него стояла вонь ментальной магии и Рафен чувствовал как к горлу подкатилась желчь.

Быть так близко к такой неприкрытой демонстрации псайкерских сил заставляло его чувствовать себя грязным и нечистым.

Теперь он был ближе; он мог разглядеть улыбку голову Шмеля, вспышку серебряного звоздика чистоты в его ухе.

Инквизитор, казалось, страдал, как будто усилие стоять в ауре Мефистофа было слишком огромным для него.

С боку от него, под капюшоном дрожала женщина Шмеля.

Рафен мог поклясться, что видел как из
ее ноздрей исходили завитки дыма.

Костогесантник поглаживал рукоятку
болт пистолета и все еще проталкивал
себя ближе.

ВЗГЛЯД был линзой, которая открывала
потопленные миры перед восприятием
Мефистоны.

Сжигающая мощь внутри него
проливалась через врата его взора подобно
лучу божественного прожектора,
прижатая слабых и
нечестивых, когда касался их.

Его взор-внутри-взора скидывал иллюзию
реальности и обнажал души, так что Лорд
Смерть мог найти спрятанную за оградой,
обнаженные правды.

Он смотрел на Аркио, как будто тот был
анатомическим рисунком, вытащенным из
книг магус биологис, ему были видны слоя
кожи, кости, мускулы и нервы.

Мальчишка был прозрачен и взгляд
Мефистоны осветил его, заглянул в
каждый закоулок его духа, подобно

иссущающему

солнечному свету, падающему через призму.

Вот.

Оно хорошо спрятано, закопано под слоями защитных заклинаний и ментальных экранов, это вещество было вдавлено в кости и

плоть тела костического десантника, но порча не могла спрятаться от немигающего взора силы Мефистона.

Среди совершенства психологии Астартес Аркио, плавал черный эллипс, разрушая священное органическое строение Кровавого

Ангела.

Семя Хаоса блестело и пульсировало.

Он был немного разочарован.

Возможно часть его, однако крошечная часть, надеялась поверить что история Аркио окажется правдой; но вместо этого Мефистон

оказался перед обманщиком, мутантом, который не знал о свой собственной

испорченной природе.

Другие возможно почувствовали бы жалость; но не он.

Лорд Смерть восхищался совершенством и изобретательностью порчи - это было поистине произведение психического искусства, создание рук гения и безумца одновременно.

В каждом аспекте своей формы оно несло характерный отпечаток Изменяющего Пути.

Он отследил тонкие нити порчи, пробегаясь по линиям лунации, которая перестраивала вещество плоти, чтобы изменить мальчишку

десантника до подобия, которым он был сейчас.

Слабые вспышки контакта плясали по ауре Аркио, разворачиваясь подобно цветку, ищущему солнца, все они вели к одному человеку.

Шмелю.

Мефистон чувствовал его эмоции подобно пролитой крови, коктейль из

неприкрытого высокомерия и
контролируемого страха, возжелание и
алчность бұшевали под тонким налетом
его холодной утиливости.

Но инквизитор здесь не был кукловодом,
подобно зеркалу внутри зеркала, Шмель в
свою очередь был руководим каким-то
другим
интеллектом.

Его взор соскользнул на женщину.

Она была похожа на нефть на воде,
мгновенно отразив.

Взор Мефистона не смог проникнуть в
нее.

- Скажи мне, лорд, -

спросил Аркио, -

Теперь, когда ты заглянул в мою душу,
что ты увидел?

От этих слов напряжение на площади
стало как крошка ножа.

- Ты отрицаешь воздействие на меня
Великого Ангела? Или ты согласишься,
что я воплощение Божественного
Сангвиния?

С трачной устешкой на губах Мефистон отошел.

- Если только твоя божественность станет похожа на твое высокомерие, парень, то тогда ты сможешь стать тем, кем кажешься.

- Как ты смеешь! - Выходя вперед вывалил Сахиель, -

Он Ангел Перерожденный, свет...

- Молчание, жрец.

Одним взглядом псайкер заставил того утолкнуть и Сахиель сжав горло закашлял.

Доброе выражение лица Аркис превратилось в непроницаемую нейтральную маску.

- Мефистон, ступай далее осторожно.

Я предлагаю тебе шанс присоединиться к моему Крестовому походу Крови.

Не суди меня столь быстро.

Стань на мою сторону и я поприветствую тебя как своего боевого-брата.

Он изогнул брови, просчитывая момент.

- Если нет?

- Это кончится плохо для тебя, Лорд Смерть.

Песок твоей жизни уже течет тонкой струйкой, взятой взаймы.

Если ты снова попытаешься испытать судьбу, ты не будешь столь благословлен, как это было на Армагеддоне.

Псайкер мягко застелся; он решил позволить парню выговориться.

- Твое предложение забавляет меня, Аркио.

Скажи мне, этот "крестовый поход", кто давали тебе право объявить его? Ты говоришь так, как будто ты возглавляешь наш Орген.

- Так оно и будет, - ответил Аркио, -

Твой хозяин Данте слишком задержался, командую Кровавыми Ангелами.

Ради меня он отойдет в сторону.

С лица Мефистона мгновенно испарилось выражение веселья.

- Он не сделает это для щенка-обманщика как ты, -

Голос Библиария был тверд как сталь и полон угрозы.

Аркио тщательно изучил его.

- Возможно нет.

Если он не сможет отделаться от своего телочного страха передо мной, тогда мы снимем его с должности.

Со всею необходимыми усилиями, которые понадобятся для этого.

Фигура в золотой броне позвала троицу из почетной стражи Сахиеля и воины прибыли, неся цилиндр из титана.

Аркио открыл футляр и позволил сиянию Святого Конья осветить темнеющий ландшафт.

Огни стремительным движением, Аркио вытащил древнее оружие и махнул им ослепительной дугой света.

- Это...

Конье Телесто... -

задыхаясь от шока выговорил технодесантник.

Аркио указал коньем на Мефистона, вытянув конье на длину рукоятки в его

сторону.

- Клянусь кровью притарха, текущей в твоих венах.

Ты еще узнаешь обо мне, Библиарий.

Я воплощение Кровавого Ангела.

Я Сангвиний Перерожденный.

Золотая молния дугой пробежалась по клинку в виде капли крови к кончику копья.

- Склонись передо мной или будешь уничтожен.

Твой выбор.

На одну головокружительную, чудовищную секунду Мефистон почувствовал что не может говорить, пока копье покачивается перед

его взором.

Как это может быть? Он держит святое оружие! Буря сотрясающих сомнений схватила Лорда Смерть; невозможно было и думать, чтоб какой-то позорный самозванец вообще мог положить руки на копье и все же Аркио держал Святое Копье, как будто был

рожден для этого.

Может я ошибся? Может быть он действительно Перерожденный Ангел? Кто еще может знать о мощи артефакта Телесто? Встряхнув головой Мефистон отогнал путаницу мыслей, крошечные излы синего огня протрещали вдоль его кристаллинового пси-капюшона.

- Нет, -

прорычал он.

Возможно здесь замешана какая-то магия, чары столь тонкие и коварные, что даже оружие, выкованное на Святой Терре было обмануто ими.

- Меня не обмануть, притворщик.

Твои дешевые фокусы не устоят перед моей верой.

Рука Кровавого Ангела опустилась на рукоять его мистического силового меча, древнего мысле-кинжала Витарус.

- Ни один настоящий Сын Сангвиния никогда не преклонит перед тобой колена, шарлатан.

Ты подделка.

Гневный крик прогрохотал среди Воинов
Перерожденного и среди лоялистов Аркио
взорвались призывы к насилию.

Рафен позволил себе протолкнуться
вперед.

Аркио раздраженно покачал головой.

- Бедный, старый глупец.

Ты поражен страхом Данте, как и Воде и
Галлио до тебя, как и каждый обманутый
воин, сидящий под солнцем Ваала и
верящий, что

он настоящий Кровавый Ангел.

Я есть путь! - Заорал он, размахивая
копьем, - Я настоящий перерожденный.

От твоей слепоты меня тошнит, колдун.

Мне жаль тебя.

Солдаты Мефистона собрались в группу,
стремительным порывом заклацали
казенники их болтеров.

Библиарий встал в полный рост,
возвышаясь над золотыми очертаниями
Аркио и ослепительными белыми
крыльями.

- Прибереги ее для себя, идиот.

Ты и твой сообщник оргоса, все вы
запятнаны порчей Хаоса! От вас воняет
ил...

Он ткнул облаченным в медь пальцем в
сторону инквизитора, который с устешкой
принял обвинение.

- Этот слабак, приспешник Губительных
Сил и те, кто внемлют его словам такие
же опозоренные клеймом ереси!

Слова псайкера потонули в хоре
отрицания и пылких возражений.

- Ратиус Шмель, я объявляю тебя
предателем.

Ты в сговоре с темными силами и погряз в
извращении.

Ты творец этой измены!

- Нет! - Заорал инквизитор, крик врезался
в отдаленные руины подобно раскату
гроза, -

Благословенный прав.

Ты обвиняешь нас потому что боишься! Ты
лжешь, Мефистон, лжешь!

Аркио - Сангвиний.

- Тогда пусть он докажет это, -

выплюнул Лорд Смерть, -

в Книге Лоргов, Чистейший говорил о состязании с любым живым воином.

И пусть будет так, может быть так называемый "Благословенный" пожелает в бою один на один сойтись с настоящим Кровавым

Ангелом...

Мефистон обнажил клыки.

- Если он сосуд воли Ангельского Господина, он победит.

Если он простой самозванец, он умрет.

Он смотрел как его стелые слова разносятся среди лоялистов Аркио, ощущая порожденные ими сплав гнева и страха.

Он кивнул сам себе; именно та реакция, которой он ожидал.

Цзрая молодым глупцом, Мефистон вел его к этому моменту и теперь он забьет этого самозванца как жертвенного зверя.

Такое жестокое и вудитое убийство золоченой фигуры во главе было необходимым - когда Аркио умрет от силового теча

Мефистона, его ученики и илоты будут сломлены.

Их затешательство с легкостью позволит Лорду Смерти казнить их всех.

Восстание должно быть подавлено как можно публичнее и кровавее.

Воины с обеих сторон начали отходить, освобождая место для предстоящей дуэли. Сахиель снова понял, что может говорить.

- Это уловка, -

бормотал он, вены на его шее превратились в канаты, сжатые злостью, граничащей с безумием.

- Ты не можешь понасться на нее, Благословенный.

Нсайкер подстрекает тебя.

Аркио одарил жреца небольшой, доброджелательной улыбкой.

- Сахиель, друг мой.

Твоя забота о моем благополучии угрожает меня, но она не к месту.

Я не отмахнусь от этого вызова.

Если Мефистон желает увидеть
могущество Красного Ангела в ярости,
тогда во имя грааля, я покажу ему!

Он с самодовольным и чванливым
выражением лица шагнул вперед, держа
Святое Копье ниже изгиба крыла.

- Я встречусь с любым воином здесь, -
ответил Аркио Библиарию, - и отошлю
его на милость Императора, зная истину о
моей божественности!

Он широко распротер руки перед
собравшимися воинами, как перед
преданными Кровавыми Ангелами, так и
перед

солдатами-рабами.

- Кто осмелится поднять свое оружие
против меня? Кто из вас готов пролить
кровь, чтоб доказать Истину моей воли?

Меч Витарус зашелестел, извлекаемый
из ножен.

- Аркио, -

зарычал Мефистон, -

я с удовольствием...

- Я встречусь с ним! - Крик прорезал воздух

и все повернули головы, руки замерли на оружии.

- Кто? - Спросил сержант Мефистона, -
Крик шел оттуда.

Дулом своего болтера, ветеран указал на толпу воинов Аркио.

Недоумение псайкера возросло, когда мертвевшая толпа оборванных солдат-рабов расступилась, выпуская вперед единственного Кровавого Ангела.

Его броня была типичной для Тактических десантников, обесцвеченная пятнами крови и трещиной в грудной пластине.

Пока Мефистон наблюдал, десантник прошел мимо свиты Аркио и снял свой шлем.

И впервые увидел на лице обманщика не гнев или высокомерие, но чистый, незамутненный шок.

- РАФЕН! - Аркио задохнулся произнося его имя.

- Ты выжил...

- Невозможно, -

завопил Сахиель, хватаясь за оружие.

- Завод был стерт с лица земли, он был внутри, он не мог...

- Заткнись, глупец.

зарычал Штель, заставив жреца опустить оружие.

- Кажется твои новости о его смерти были преждевременны.

Рафен и Аркио долго смотрели друг друга в глаза.

- Брат, -

сказала фигура в золотом, - я не думал что увижу тебя снова.

- Я выжил, -

ответил Рафен, в голосе слышалась усталость от всего, что произошло, - и теперь все привело к этому.

- Ты пытался убить меня, Рафен.

Ты отвернулся от меня. -

слова Аркио были полны эмоциями, яростью и болью.

Он покачал головой.

- Я не предавал тебя, родичь.

Ты предал сам себя.

Я предупреждал тебя.

Я утешал тебя отступить от пропасти.

Рафен отвернулся.

- Но ты не слушал меня.

- И теперь все привело к этому, -

повторил Аркио, -

Очень хорошо, брат.

Если сегодня должен умереть сын Аксана,

значит такова его воля.

Лорд Смерть закинул свое силовое оружие

в ножны и позвал к себе Рафена.

- Подойди ко мне, брат.

Если ты желаешь этого, тогда дай мне

узнать тебя.

Рафен склонил колено перед Мефистоном

и поднял голову.

- Да, желаю.

В глазах псайкера засиял свет и прожег

путь к разуму Рафена.

Он почувствовал как его тело напряглось,

Мефистон выбросил вперед руку, схватив

за поборонок, чтоб он не мог отвернуться.

Могущественный внутренний взор Мефистона разорвал на части всю ментальную оборону Рафена, которой по его мнению он

обладал, проскользнул потоком силы по коридорам его души.

Он чувствовал как его мозг раскалился подобно магне, как беснующийся и кружащийся шторм давно забытых воспоминаний был вынут и изучен.

Ничего из Рафена не укрылось перед взором Мефистона.

На краткий момент их сознания объединились, когда Лорд Смерть просеивал сознание десантника.

Мефистон почувствовал сердце Рафена, цвета и оттенки его души - он видел в нем такие части, которые даже сам Рафен не мог постичь.

Долг и честь трактором выстилали его дух, они были врезаны в Рафена подобно

вековыми кольцами дерева нья.

Однажды было время, когда этот воин был
своенравным и высокомерным, и только его
собственная слава занимала его разум,
этот

Рафен ушел, ребенок вырос в подростка со
всеми знаниями тяжелейших уроков
жизни.

Десантник заключал в себе все идеалы
Кровавых Ангелов.

Он был благородным, но скромным, воином,
но не забиякой.

Среди всех этих братьев, которые сбились
с пути, он один все еще шел по пути Крови.

Не найдется лучшего чемпиона, чем он.

Мефистон почувствовал кое-что еще,
остающиеся повсюду в духе Рафена
фрагменты и осколки.

Прикосновение чего-то высшего, силы,
мощность которой была далеко за
пределами краткого влияния Лорда
Смерти на Рафена.

Видение...

Библиарий отпустил его и покинул, огонь

в его глазах угас.

Невыразимый момент связи прошел и как предвидел Рафен, осталась только печаль и знание о том, что ему нужно сделать.

- Он твой родной брат, -
сказал Мефистон.

- Да, лорд, -
он кивнул.

- Рафен, ты по-настоящему верен нашему кодексу.

Я отступлю и уступлю тебе свое место в поединке.

Мефистон жестом приказал стоящему рядом ветерану.

- Сержант, отдайте этому воину свой силовой меч.

Десантник достал клинок и протянул его Рафену, который принял его и неглубоко поклонился.

Он развернул клинок в своих руках, его пальцы легко легли за зубчатую гарду и сжали рифленую рукоять.

Меч резонировал от гремлющей угрозы,

отполированный серебряный клинок
отражал на своей поверхности цвета
оранжевого неба.

Рафен пробежался пальцами по
очертаниям половинки орла, вырезанного
на рукояти.

- Превосходное оружие, -

заметил он.

Мефистон отступил и дал ему пройти.

- Этот вопрос будет решен, -

нараспев произнес он.

- Брат против брата, пусть победит
преданный.

ПРЕВОСХОДНО.

Шмель почти застыл в голос, когда
Рафен взял меч.

Это было идеальным, даже он сам не смог
бы осуществить постановку такого
изящного финала.

Брат столкнется с братом, не говоря уже
о награде в качестве смерти за
безрассудное предложение Рафена.

Этот конфликт будет подходящим

концом для этого непокорного десантника
и в конечном итоге Штель избавится от
этого

раздражителя, который мешался у него
под ногами с тех пор как они впервые
прибыли на мир-гробницу Кибелы.

Печально что брат Аркио так сильно
сопротивлялся культу, который Штель
создал среди Кровавых Ангелов - такой
воин, с таким

непокорным и упорным духом был бы
прекрасным дополнением к свите
Перерожденного Ангела.

Если бы он только последовал путем его
боевых братьев и по-настоящему принял
вновь приобретенную божественность
Аркио, Рафен смог бы стать сейчас
полковником командиром в армии Крестового
похода Крови; вместо этого, он станет
первой жертвой и его

жизненная жидкость станет вином для
посвящения.

Но нет, сказал сам себе Штель, уж лучше
пусть он умрет.

Пока он жил, Рафен был фактором случайности, картой джокером в играх инквизитора срежиссированных заговоров и контрзаговоров.

Это была чистая счастливая случайность, что костодесантник оказался на Кибеле когда Гаранг отослал Несущих Слово атаковать ее, но его присутствие быстро переросло из мелкой неприятности в более серьезную помеху.

Рафен никогда по-настоящему не преклонялся перед своим измененным братом - Штель знал это, даже когда тот приносил свою

клятву верности Аркио в часовне крепости Икари - и поэтому он должен быть уничтожен.

Рафен умрет от руки своего собственного брата и вместе с этим, Аркио навсегда неизбежно свернет с пути света Императора.

Как только кровь его близкого родственника окрасит золотую броню, как только он с шипением превратится в пар

от обжигающего

клинка Святого Коня, Аркио оборвет последнюю связь с тем, что до сих пор делает его человеком.

Как только Рафен исчезнет, Аркио еще дальше продвинется на пути восьмиконечной звезды и ничто больше не будет его сдерживать.

Вместе со своим братом, он убьет свою совесть.

Штель почувствовал на себе внимание Мефистона и уголком глаза посмотрел на Библиария, не желая встречаться с ним взглядом.

Возможно псайкер почувствовал какие-то его мысли, возможно нет.

Это мало что значило, он будет ждать момента, когда свет в глазах Рафена потухнет и тогда позволит себе резню.

С удрушающим ментальным колпаком защиты Улан, лоялисты опрокинут Лорда Смерть и его людей числом, столь большим, что ни

один из десантников Данте не выживет.

И если нет, у Шмеля был еще один туз в рукаве, еще один изрок, которого он введет в игру.

РАФЕН взял меч в руку и прижал его к груди, клинок смотрел в небеса.

Он трачно отсалютовал своему брату.

В ответ, глаза Аркио сощурились так, что остались тонкие полоски и он позволил Конью Телесто в своих руках развернуться на всю глину.

Тусклые вспышки янтарно-желтых молний пробежали по клинку и золотой иконе Сангвиния, вырезанной на рукояти.

Оба воина на мгновение застыли; до начала схватки оставался один вздох, но они пока что наблюдали за поспешным напряжением

мускулов, малейшая оплошность могла выдать следующее действие оппонента.

В войнах Империи, схватки один на один были достаточно частым явлением, где конфликтующие стороны часто начинали

сражение

с битвы чемпионов.

Как и все Agentus Астартес, Рафен и Аркио были натренированы сражаться в одиночку, быть армией одного человека; за прошедшие годы, как новобранцы, братья многократно раз встречались в спарринге.

Он знали друг друга столь хорошо, что могли просчитать любую атаку, нейтрализовать любую защиту - но затем время изменило их обоих.

Рафен отдал себя этому моменту, позволив разуму и духу слиться, превращаясь в слаженный механизм движений и ударов.

Недвижимо и безразлично, Аркио следил за ним, золотая статуя среди бесцветных руин городской площади.

Рафен сконцентрировался пока перед его взглядом не остался только его брат, только очертания человека.

Враг.

И внезапно он разразился движением, с его

губ слетело рычание, обнажая в боевой ярости клыки.

Силовой меч шипел, вращаясь вокруг него карающей дугой жидкого серебра.

Аркио отреагировал, махнув копьем вниз, отчетливым жестом защиты, отбивая финт Рафена.

Другой рукой Рафен поднял тупую, грубую болванку болт-пистолета и выпустил очередь из трех болтов.

С пугающей скоростью Аркио крутанулся и раскрутил сияющее копье как пропеллер. гудящее древко создало в воздухе мерцающий диск.

Визжащие и подбывающие болты нашинковало вспыхивающим щитом.

Рафен продолжил первоначальную атаку и развернулся на пятке, резко атаковав мечом снизу.

По рыхлой земле Аркио ускользнул и клинок прорезал воздух.

Размазанным пятном он развернул копье к Рафену.

Его брат погметил мельчайшую потерю баланса задней, опорной ноги Аркио и атаковал, нарезая перед ним паутину из восьмерок.

Наконечник копья столкнулся с силовым мечом и исторг неистовую вспышку огромных, сердитых искр, шипящих подобно

фейерверку. Клинки встречались и расходились, встречались и расходились и вновь встречались.

Неморопливо и без эмоций Аркио шаг за шагом отступал.

Веер света от вращающегося копья показывался везде, встречая меч Рафена, останавливая его дикие атаки, вспыхивающей защитой

отбивая каждый выпад и взмах.

Нетренированному глаза казалось что фигура в золотой броне защищалась, парировала бесконечную серию ударов.

Некоторые из Воинов Перерожденного начали грубо освистывать, пока не были жестоко остановлены приказами лояльных

десантников.

Аркио позволял Рафену потратить силы его атаки в буре ударов, в то же время используя минимум усилий для парирования.

Он ожидал большего от своего брата.

Рафен не был глупцом.

Если он проглотит атаку хоть на секунду, Аркио контратакует и ударит в ответ.

Он сделал вынаг вперед, легко просчитываемое движение, похожее на действие обозленного и отчаявшегося бойца.

Аркио принял это за чистую монету и заблокировал удар, на мгновение открывшись для поражения с левой стороны.

Крылатый десантник был без сомнения могущественным, но у него не было опыта его старшего брата.

Рафен никогда бы не попался на этот финт, но не Аркио.

Болт-пистолет появился из ниоткуда, внезапно уставившись в лицо Аркио, дуло было все еще горячим и воняло озоном.

Палец Рафена сжал спусковой крючок.

Аркио отреагировал со
сверхъестественной скоростью.

Его сложенный крылья открываясь,
взорвались вспышкой ослепительно белого
и выстрел ушел в пустоту, Аркио
мгновенно

испарился с линии огня.

Золотая фигура описала стремительную,
изящную дугу над головой своего брата,
крутанулась и кинулся к земле в десяти
метрах

дальше.

Рафен развернулся на месте, отслеживая
Аркио пистолетом.

Он выпустил четыре патрона в летящую
фигуру, следуя за целью, но каждый болт
опаздывал на какую-то долю секунды.

Земля вздрогнула и колыхнулась когда
приземлился Аркио, столкновение вызвало
ударную волну в вековых обломках вокруг
них.

Его совершенные черты лица испортила
гримаса, когда он взмахнул копьем и навел

мерцающую каплю клинка на Рафена.

Золотое сияние и искрящиеся частицы собрались в гудящую сферу энергии на кончике оружия.

Не способный увернуться, Рафен понял, что будет дальше и поднял руки, закрыв лицо скрещенными пистолетом и мечом, как

какой-то отчаянный призыв о помощи к Имперской аквиле.

Выброс неземной силы оторвался от Святого Коня и прорезал расстояние между воинами, раскрываясь по пути пляшущий барьер

желтого пламени.

Оно охватило Рафена и он почувствовал, что его кожа опалается; он вспомнил Несущих Слово, в глубинах мануфактории Шнелонга, их тела сгорели до непра.

На мгновение его сердце замерло, Рафен подумал, что его жизнь подошла к концу, но затем пламя погасло, ранив его, но он все же

остался жив.

Он потрогал свое лицо, страхи́вая тонкий
слой перла, в местах, где его кожа сгорела.

- Славься Сангвиний, -

услышал он голос Мефистона, -

Копье Телесто узнало душу своего Сына!

Оно отвело свой святой огонь от Рафена!

Десантник кивнул сам себе - конечно,
копье же было настроено на генный код.

Его могли использовать только те, кто
несли в себе генетический шаблон
прародителя, и оно не причинит вреда
тем, кто нес такой

же отпечаток в своей крови.

Рафен увидел в глаза Аркио краткую
вспышку раздражения - он не способен
сделать с ним ту же самую
впечатляющую

демонстрацию мощи, как он сделал это с
десантниками-предателями.

Это было приетлемо - бой будет выигран
боевым мастерством, а не силой оружия.

Зарывав, Рафен еще раз кинулся на Аркио,
целясь в него шипящей кроткой лезвием
силового теча.

Аркио сдержал злобное проклятье, попрекая себя за то, что забыл о генном предохранителе оружия.

Между тем он схватил рукоять копья двумя руками, держа его как кво́трестаф.

Он блокировал атаку Рафена, силовое лезвие отскочило от неразрушимого древка.

Это вывело Рафена из равновесия и откинуло его, он поймался на ту же самую ловушку, которую использовал секундами ранее.

Разломанные куски ферокрита и камня под ногой Рафена соскользнули и он нырнул вперед, не желая позволить Аркио ударить в ответ.

Клинок и копье сошлись, каждый воин давил своим оружием в сторону кирасы противника, над ними мерцали яркие вспышки молний.

Братья стояли лицом к лицу, изо всех сил давя друг на друга.

- Сдавайся Рафен, - рычал Аркио, -

сдавайся и я прямо сейчас закончу все.

- Я не сдамся совращенному, - выдохнул тот.

- Брат, в тебе еще остался тот человек, которого я знал, какая-то частичка души, которая все еще осталось чистой?

- Я и есть чистота.

Кожа на лице Аркио натянулась от гнева, его клыки обнажились.

- Заблудший глупец, ты противостояшь своему господину.

Я есть Божественный Сангвиний...

- Тебя обманули! - Взревел Рафен. - Ты всего лишь винтик для этого сукиного сына оргоса.

Он это сделал, деформировал тебя в похабного мутанта.

Аркио откинул голову и взревел.

- Лжец.

Предатель.

Трус.

Мощным, злобным движением, крылатый

десантник повернул копьё кругом и с силой
грозового удара впечатал тупой конец
копья в

грудь Рафену.

Удар был подобен попаданию пушечного
снаряда и Рафена оторвало от земли.

Взлетев, он сделал несколько не
прицельных выстрелов, болты дико
разлетелись, отскакивая от изломанных
катней и траурным

визгом рикошета от брони Аркио.

Рафен упал со скрежетом катня, подняв в
воздух муть кирпичной пыли.

Из всех сил Рафен пытался подняться,
его ноги не слушались.

Аркио понял, что ветер разносит его иля,
похожие на удары сердца выкрики Воинов
Перерожденного, когда они почувствовали
что

близок конец его врага.

Кровь, раскаленная как расплавленное
железо, наполнило его тело убийственной
силой, не сдерживаемая мощь черной
ярости

разворачивалась, чтоб поглотить его.

Аркио издал бессловесный крик абсолютной и предельной ярости, подбрасывая себя в воздух сильными дугами своих крыльев.

Конье жужжало и гудело в его руках, дергаясь как разбуженный вулкан, но он с силой повернул его в сторону Рафена.

Конье само пыталась уйти в сторону от своей цели, не в своей ярости Аркио не позволил ему это сделать.

В верхней точке дуги полета, Аркио развернулся и стремительно кинулся в объятья гравитации, ветер наполнял крылья, он летел

подобно ястребу, кинувшемуся на добычу.

В полутраке вспыхнуло лезвие в форме капли крови.

Его кости все еще гудели от удара, Рафен пытался встать с земли чтоб противостоять атаке; сверкающий золотой силуэт пятном

несся на него, с копьем, нацеленным в сердце.

Рафен встретился взглядом с Аркио и десантник подбросил себя в воздух, чтобы столкнуться с ним раньше.

Мгновение растянулось подобно плавающему маслу.

Вырывающееся, вращающееся копьё слабо ударило и с шипящими искрами отскочило от плеча Рафена.

Десантник ударил, проскальзывая через защиту Аркио, двое воинов столкнулись в воздухе, затем отлетели друг от друга.

Меч Рафена нашёл лазейку и потрескивающий силовой клинок на короткий миг достиг цели.

Оружие порезало крыло Аркио, тёмно-красным цветком вырвалась кровь, совершенные белые перья разлетелись дождем падающих лепестков.

Оба воина тяжело упали, но только один истекал кровью.

Рафен развернул меч, что посмотреть на жидкость, что коснулась клинка.

Он была тёмно-красной и густой как

стола, она была оскверненной.

- Первая кровь! - Выкрикнул один из воинов Мефистона, но его крик потонул в рычании и реве лоялистов Аркио.

- Нет..

- Слово было простым и жалобным, словно ребенок увидел что-то, во что отказывался верить.

Сахиель поднес руки к лицу и только тогда осознал, что это был его голос.

Огромный всплеск красного изуродовал безупречную золотую броню Аркио и это зрелище впечаталось в разум жреца подобно

клейму.

Острая, разрывающая туча от раны, казалось, мгновенно передалась каждому члену свиты Аркио - огромным шоком было увидеть, как их господину нанес рану простой десантник, это поразило их почти с материальной силой.

На долгие мгновения, они все онемели от чудовищности происходящего.

Сахиель чувствовал запах крови.

Как Высший Сангвинарный жрец, он ощущал аромат жизненной жидкости так же отчетливо, как букет превосходного вина или

запах изящного цветка.

Сахиель познал кровь во всех смыслах, служа Апотекарием Оргена и он попробовал тысячи оттенков, а по своим обязанностям

прикасался к ней в тысячу раз больше.

На полях брани он видел огромные озера пролитой крови, как вражеской, так и союзников, он был свидетелем как она красными

фонтанами извергается из артерий воинов, утоляющих о милости Императора.

Сахиель знал вкус своей собственной крови и той, что сам Сангвиний оставил сохраненной в Алот Граале на Ваале.

Вонь от того, чем истекал Аркиос поразила его подобно бронированному кулаку.

Он ощущал порчу, темную и губительную,

какое-то отбратительное сел
загрязнения роилось и корчилось внутри
вен

Благословенного.

Желудки Сахиеля взбунтовались и
угрожали исторгнуть свое содержимое на
землю.

Это было невозможным.

Внутренне жрец пытался зацепиться
хоть за какое-нибудь объяснение и не
находил такового - его чувства никогда
раньше не

предавали его и не подвели его сейчас.

Сахиель отвернулся, не способный на это
смотреть, хотя запах клубился вокруг него
невидимыми нитями.

Его взгляд упал на Штеля; инквизитор
рыча отдавал какие-то приказы своей
облаченной в капюшон пси-ведьме.

Штель поймал его взгляд на какое-то
мгновение и Сахиель увидел как тот
вздрогнул.

- Ты.

- откуда-то из глубоко потаенных мест

его души, Сахиель утүдрился вытащить
одно слово, -

Ты...

Подобно разбившемуся стеклу, внушения,
которые Штель заложил в душу Сахиеля
на борту Беллуса внезапно разлетелись на
куски.

Возможно это было из-за ранения Аркио,
возможно какой-то последний фрагмент
благородства Сахиеля поднялся на
поверхность, но в это мгновение, жрец по
своей воле освободился от власти псайкера.

Мир Сахиеля, такой совершенный и такой
рациональный, так тщательно собранный,
чтоб служить его эго, рухнул перед ним.

Шлюзы отринутых, забытых
воспоминаний разрушились и стена жреца,
под их мощью, упал на колени.

Каждая черта, которую он пересек,
каждый выбор, который он сделал чтоб
возвеличить себя. И Штель постоянно
помогал ему это
сделать.

Отвержение Сахиеля возросло, когда вонь

мүтацциі заповнила каждую пору его кожи,
оскверная его и не давая вздохнуть.

- О, лорд, -

плакал он, горькие слезы лились по лицу, -

Что я натворил?

Он поднял глаза и увидел что Шмель
смотрит на него сверху вниз с выражением
полнейшего презрения на лице.

- Что ты сделал со мной?

Шмель наклонился и прошептал ему на
ухо.

- Я дал тебе инструменты для
саморазрушения.

Глава одиннадцатая.

С темнеющего неба полил дождь, шепот
падающих капель орошал серый ландшафт
мертвого города-святыни.

Он шлепал по фигурам воинов оборванцев,
когда они хлынули вперед, окружая Аркио.

В их рядах, жрец и инквизитор
столкнулись лицом к лицу.

Слезы Сахиеля стыло ливнем, его пальцы
сжимали ком грязи, взятый с того места,

где он упал на колени.

Его омывала холодная, грязная дождевая вода и вместе с ней смывалась накопившаяся добровольной слепоты жреца.

С внезапной, разрывающей в клочья ясностью Сахиель осознал свое предательство.

Никакое отрицание не могло успокоить это, никакие сильные слова не могли остановить этот прилив предельной ненависти к себе, которая поглотила его.

- Я...

сображен...

выдохнул он, сам себя проклиная за свои же слова.

Штель смотрел на него с полным равнодушием.

Все знакомое грубое отношение к Сахиелю теперь испарилось из инквизитора, и он понял, что Штель никогда не видел в жреце ничего больше, чем инструмент.

Он был чем-то, что можно было использовать и отбросить.

- Я намеревался удерживать тебя чутьточку
дольше, -

голос Штеля был тихим и только
Сахиель мог услышать его, - но ты,
кажется, изжил свою пользу для меня.

Жрец силился встать на ноги, но его
тело, казалось, было погребено под
сотнями тонн.

Время грехов, которым он отдался,
вжимало его в щебенку.

- Аркио знал? Я бы никогда не последовал
за тобой...

Штель расстелся.

- Как типично для тебя, жрец.

Ты думаешь о своей собственной
репутации, вместо судьбы твоего Оргена!

- Ты это сделал со мной!

- Ты сам позволил.

Ты втайне приветствовал это, Сахиель,
страстно желая Алый Грааль, лелея свою
обиду...

Ты был идеальным, твоя одержимость
самим собой ослепила тебя, чтоб ты
создал все эти пакты!

Он резко застелся.

- Падающий Ангел, посмотри как глубоко ты упал со своих высот.

Агский свет вспыхнул в глазах Штеля и жрец почувствовал тошнотворную ласку ментального прикосновения.

Ты не был первым, сказал голос в его голове, подобный шуршанию змея на камне, и ты не будешь последним.

Ужасающий размах великого плана Хаоса стал очевиден для разума Сахиеля и от этого его сердце превратилось в лед.

- Нет...

- О, да, - ответил Штель и через открытые, кровоточащие раны, которые жрец сам себе нанес своей душой, он послал блестящий

молот ментальных сил.

Крик Сахиеля слился с ударом грома и из его носа извергся поток крови, из его глаз текли ручьи.

- Умри! - Штель изнутри разрывал его на части, разрывая его разум как солому.

- Сдохни Сахиель.

Я заставляю тебя умереть ради меня.

Тело в красном и белом кератите рухнуло в лужу густой, розовой жидкости, ветер подхватил его последний смертный вздох.

Штель спрятал улыбку и изобразил справедливый гнев.

- Убийца! -

проревел он, осуждающе указывая на Мефистона.

- Смотрите, Библиарий убил нашего брата Сахиеля.

Он своим колдовским взором выжег в нем жизнь.

Свирепое настроение армии-толпы и преданных десантников обрело голос и оружие развернулось в сторону Мефистона и его

Кровавых Ангелов.

Они были на грани наполненного до краев адреналином безумия и только одно слово Штеля переполнит чашу.

И он сделал это.

- Атакуйте.

Во имя Аркио, уничтожьте их всех!

ТОЛПА была единой, живой и дышащей машиной войны, сотворенная из плоти и кости, керамики и стали.

Они двигались так быстро, что застали Рафена врасплох, фигуры в красных накидках, украшенных копьем и ореолом безумным

поток окружили нагнетенную фигуру Аркио.

В основном это были десантники лоялисты, их болоты раскались докрасна, выплевывая снаряд.

Воины Мефистона открыли огонь по Воинам Перерожденного, выкашивая их в сгустках темно-красного.

Оружейный огонь и крики слились в симфонию разрушения, взмывая вверх и перебивая барабанный стук дождя.

Когда толпа добежала до него, Рафен размахивал и парировал, вырезая их, с силой добравшись до своей цели.

Он потерял Аркио из вида, когда золотая фигура прыгнула в небеса и вернулась к

краю площади, затем он начал яростно сражаться

и его внимание было приковано к неслетному числу наседающих на него врагов.

Когда магазин его болт пистолета опустел, он стал использовать его как глубину, слишком занятый схваткой, чтобы потратить время на его перезарядку.

Силовой меч взлетал и падал, прорезая путь через тараторивших воинов, которые утирали с именем его родного брата на устах.

Впервые, казалось, за сто лет, Рафен чувствовал знакомый трепет жажды битвы внутри себя, тень черной ярости.

Он уничтожал фанатиков, потеряв счет убитых, но тысяча Аркио все еще давила их числом.

Поблизости он услышал трескучее гудение силового оружия.

Голубая молния облизнула низки висящие облака когда Лорд Смерть вступил в бой.

...

...

Везде вокруг него кипела и бурлила битва, все же не касаясь Штеля, его лексотека хныкающей грудой опустился к ногам Улан, когда псайкер-мүтант закрыла их своим "пустым" полем.

...

Инквизитор изучил чашу в его руке; он сорвал ее с пояса Сахиеля когда жизнь угасла в его глазах, он отбросил бархатную сумку

чтоб увидеть реплику священного артефакта Кровавых Ангелов.

Он улыбнулся.

Эта простая безделушка послужила уничтожению Сахиеля.

Апотекарий всегда мечтал стать Хранителем Алого Грааля, получить высший чин в его сангвинарном духовенстве.

Он лелеял злобу по отношению к Корбуло, боевому брату, который держал это место на Ваале и это были врата, через которые

Штель манипулировал им.

Пожав плечами, он отбросил медную чашу.

Сейчас это был ничего не стоящий мусор и он мало чем мог помочь остывающему трупу Сахиеля.

Носком ботинка он пнул мертвого жреца.

Штель был рад избавиться от этого самодовольного тупицы, на одного меньше, от кого нужно было избавляться.

Улан зарычала от боли.

- Ух...

тяжело... -

выдавила он сквозь сжатые зубы, -

Взор Мефистона...

сильнее...

С ее носа потекла струйка багрянистой крови.

Штель отмахнулся от нее.

- Еще чуть чуть.

А где Аркио?

- Борется сам с собой... -

угрожалась выдавить Улан, ее лицо

дергалось, -

он ищет...

утешения...

- Мы не можем упустить инициативу
атаки, -

прорычал он.

События и так уже отклонились от
тщательно сконструированного плана
Шмеля, внезапно открывшегося ранения
Аркио из-за того

что он на мгновение отвлёкся.

- Сопровождай меня, -

потребовал он.

Тонкая, бледная девушка запинаясь пошла
к нему, лекстеханик напугано бормотал
что-то на десятке различных языков.

- Госнодин...

тонко произнесла она, -

я...

на пределе...

- Да, да, -

отмахнулся он, игнорируя излучаемую ее
аурой тьму.

- Здесь, -

Он схватил ее лицо и нащупал пальцами контакты из прозрачного металла под коростами полиплоти ее кожи.

Улан напряглась когда Штель собрал и использовал ее беспорядочную мощь, чтобы усилить свой собственный варп-взор.

Он сразу же обнаружил группы спрятанных неистовых разумов на грани ощущений, видимые только ему, потому что он знал где

искать их.

- Гаранг, -

нараспев произнес он, его голос прорезал варп, -

время пришло.

Штель толчком отбросил женщину и ее голова запрокинулась назад.

Слепые глаза Улан смотрели только налитым кровью белком.

Инквизитор развернулся на месте, когда услышал первые визги ракетных моторов.

Из потаенных мест, разбросанных по руинам, вылетал щебень и защитные

маскировочные накидки, с краев
задыхающейся пог
обломками площади полетели залпы
ракет и выкидывались цилиндры с
оранжевым дымом.

КАЖДЫЙ Кровавый Ангел знал этот звук
и все кинулись в укрытие - но плотные
группы фанатиков Аркио сделали быстрое
передвижение невозможным.

Боеголовки пронеслись к площади и
одновременно взорвались в десятке мест,
распускаясь красно-черными огненными
шарами.

Три "Громоых ястреба" Мефистона были
мгновенно подбиты или уничтожены.
Кучку людей разорвало на части когда
ракеты
разорвались в гуще боя.

Лорд Смерть поднял руку и заслонил
глаза от вспышки.

Обжигающее пламя трещало когда дождь
с шипением превращался в пар, внезапный
жар опалил серые небеса.

- И так, они наконец-то выпрыгнули из

засады.

Меня уже интересовало, как долго еще их ждать.

- Не прицельный огонь с южного, западного и восточного квадранта! - Доложил Технодесантник, отмахиваясь от фанатиков

ударали серво-руки.

- Сигнатуры оружия не совпадают с боеприпасами Кровавых Ангелов.

- Естественно, -

резко ответил Мефистон, вынимая Витарус, -

И какой же новый изрок присоединился к этому печальному представлению?

Сержант-ветеран кивнул на запад, вставляя свежую обойму в болтер.

- Я чувствую их отсюда, Лорг.

Розатые хвастунишки возати.

Мефистон видел фигуры, падающие с верхних этажей разрушенных зданий или появляющихся из спрятанных люков над засыпанными щебенкой подвалов.

Их броня были точного оттенка
рубинового, украшенная цепями и
дытящимися светильниками.

Из их шлемов и голов в беспорядке
проросли роза и когда слышались голоса,
они воспевали богохульные гимны.

- Несущие Слово.

План этой гнусности стал понятен...

- Но скауты, -

сказал техногесантник, -

скауты докладывали что нет контактов.

Библиарий бросил на сержанта
могильный взгляд и между ними
пробежало мрачное понимание.

- Все наши скауты мертвы, -

сказал ветеран.

С того самого мгновения, как он говорил
Командору Данте о ловушке и
предательстве в гендрарии монастыря,
Мефистон знал что

этот момент грядет; и все же когда это
произошло, его ярость не уменьшилась.

Гортанный рык обнажил его клыки.

- Кровавые Ангелы! - Заорал он. -

К оружию!

Витарус высоко гудел и опустился глубоко в ряды врага рядом с псайкером.

- ПОДТВЕРЖДАЮ, - прогудел сервитор, - множественные выбросы на поверхности планеты, следы ручного оружия и взрывы тактических боеприпасов средней мощности.

Вокс сообщения глушатся.

Капитан Угеон исторг низкий, металлический рык из своей механической глотки.

- Еще предательство, - прорычал он, -

Великий Аркио был прав, подозревая Лорда Смерть.

Он отбросил протянутую руку мира и предпочел атаковать.

Угеон заворчал, что для его неподвижного тела было эквивалентно кивку.

- Тогда так и будет.

Солус нахмурился.

- Мы точно не знаем кто выстрелил первый.

Тут возможно ошибка...

Срываясь с его уст, слова, кажется, затихали.

- Ошибка? - Проскрежетал Цгеон, его синтетический голос жужжал как шершень в консервной банке.

- Мефистон не делает ошибок, Солус.

Это объявление войны!

Стоическое лицо капитана дернулось и торчащие из его черепа механогендриты зашелестели друг о друга.

- Приготовьтесь атаковать "Европу"!

- "Европа" разворачивается, -

произнес сенсорный сервитор, - занимает боевое расположение.

Регистрирую импульсы указывающие на активацию множества оружейных люков.

- Вот видишь? - Прошелестел Цгеон.

Солус осознал что слова умерли в его горле и отвернулся.

В тот же самый момент его взгляд упал

на гололитическую карту в
тактикариуме.

Но призрачному зеленому свету струились
предупреждающие руны.

- Здесь есть кто-то еще, -
сказал он вслух.

АСТЕРОИДНЫЙ пояс Сабиена был стесью
из разрушенных скал высотой с горы и
огромными дрейфующими озерами
замерзшего
льда.

Набитый тяжелыми рудами, на взгляд
духа-машины боевого корабля, пояс был
стучающим саваном искаженных,
отраженных
сенсорных сигналов.

Его поверхность казалась идеальным
местом, чтоб затаится судну, но ни один
капитан не был столь безрассуден чтоб
попытаться
сделать такое.

Беспорядочное покрывало из которого
состоял пояс так же делало фактически
невозможной навигацию в его

ограниченном

пространстве.

Беллус и Еврона, оба корабля видели в поясе естественную опасность, просто еще один элемент орбиты.

И ни один из кораблей не ожидал увидеть страшное зрелище корабля, появляющегося из трясины болота кувыркающихся катней.

Приходя в движение под действием твердотопливных ускорителей, корабль типа "Опустошитель" выдвинулся из Пояса Сабиена

подобно окровавленному клинку из груги.

Зазубренный нос был опущен как морда охотящегося хищника, непреклонно двигаясь к "Европе".

Астероиды ударялись в судно пока оно выдвигалось из пояса обломков, пробивая трещины в корпусе; капитан судна охотно позволил людям на внешних палубах утереть, чтоб корабль смог завершить маневр и выдержать повреждения.

Экипаж на борту флагмана Мефистона

услышал сигнал тревоги и побежал к торпедным аппаратам, толпы слуг Ордена загрузжали

боеголовки размером с наблюдательные башни в раскрытые жерла пусковых установок.

Чудовищное судно Хаоса продолжило разворот, сканеры целеуказателей носовых орудий вскоре навелись на очертания "Беллуса".

Но ни одно из орудий не открыло огонь по боевой барже Аркио; у экипажа корабля были свои приказы, под угрозой длительных и

ужасающих пыток, сконцентрировать всю первоначальную ударную мощь на "Европе".

СОЛУС видел как ланс-батареи подмигнули ему слепыми дулами, когда корабль разворачивался вперед, чтобы открыть огонь по судну

Мефистона.

- Они...

они не стреляли по нам...

- прошептал он, едва способный поверить в

то, что видел.

- Сигнатура нападающего подтверждена, -
механически тарабанил сервитор из ямы
обнаружения, -

судно - боевой крейсер "Мизерикордия",
линейный корабль на службе Легиона
Несущих Слово и Губительных Сил.

- Проклятье Вандира! - Выплюнул Солус. -
Что это за сумасшествие?

Разум Кровавого Ангела анализировал
вероятности - мог ли корабль Хаоса быть
своего рода союзником Лорда Смерти? Мог
ли он

поверить в то, что Мефистон или даже
сам Данте вели переговоры с отребьем
Мальстрема?

- Статус "Мизерикордии", - потребовал
Цгеон, -

- Они целятся в нас?

- Никак нет, -

пришел ответ, -

все орудия корабля наводятся на "Европу"!

- Третья сила?

Он торгнул Солусу, в искусственном голосе

Цгеона слышалось веселье, -

- Неожиданная удача! Рука Сангвиния защищает нас...

- Но ты не можешь просто игнорировать линейный корабль Хаоса! - Вскрикнул Солус. -

- Это наш долг...

- Ты смеешь говорить со мной о долге? - Рывкнул Цгеон, его голос прогремел над кельями мостика подобно грому.

- Со мной, кто служил Оргену двести лет не вставая с этого самого трона? - Солус снизил рокотом надали слова капитана, - знай, мой заблудший боевой-брат, когда судьба сдает тебе карту-таро руку с клинками, используй ее.

Ты знаешь клятву, которую мы принесли.

Солус механически и на автомате повторил литанию.

- За корабль, Орген, примарха и Императора.

- Да, и когда Мизерикордия враг Императора, Еврона враг нашему

примарху и нашему Оргену.

И истребление Мефистона
первоочередная задача.

В ответ на ментальную команду, пикто-
экраны станции Солуса моргнули выводом
изображения битвы на Сабиене со сканеров
дальнего
действия.

- Тебе нужно только взглянуть на
разворачивающуюся под нами битву, чтобы
узнать правду.

- "Мизерикордия" открыли огонь, -

- сказал сервитор контроля, -

пустотный щиты "Европы" держаться.

- Давайте покажет этим собравшимся
группам как это делается, а? - Сказал
Цгеон, -

по моему приказу, навести орудия на
"Европу" и открыть огонь.

Солус стылся.

- Ты понял мой приказ, Солус?

В голосе капитана отчетливо слышалось
острое как лезвие предостережение.

- Открыть огонь, -

потухшим и лишенным тонов голосом
сказал Солус.

ПЛОЩАДЬ была асфальтовым котлом, когда
посреди щебенки и камней столкнулись
силуэты в оттенках красного.

Тысячная армия илотов Аркио в своих
терракотовых робах и преданные
костюмодесантники, которые дрались вместе
с ними налетели

на Кровавых Ангелов Мефистона, и все
вместе они стреляли и рубили Несущих
Слово, ронявших на разбитой арене.

Там не было плана битвы, не было точной
тактики, чтоб окружить и сразить врага
- вместо этого, каждая сторона была
втянута в

ужасно изнуряющую рукопашную схватку.

Площадь наполнилась выстрелами и
криками, когда люди и предатели сошлись
вместе чтоб убивать или быть убитыми.

В гуще боя Рафен был водоворотом
разрушения, силовой меч раскалывался в его
руке, когда он рубил на части

фанатиков и

вскрывал десантников Хаоса.

В равной мере, темное очарование битвы
было возбуждающим и отталкивающим,
обжигающий поток адреналина с
призрачной

нежностью захлестнул его.

Неистовая битва уже захватила
треснутые и разрушенные стены площади
и окружающие улицы.

Некоторые воины Мефистона - ветераны
штурмовики в своих характерных шлемах
желтого цвета солнечных лучей -
взлетели на

своих прыжковых ранцах.

У них было плазменное вооружение и
огнеметы, они выскивали ракетчиков, все
еще прятавшихся в руинах и окунали их в
жидкое

пламя.

Ветер разносил запах жаренного мяса и
подобный хрусту костей, треск
сверхперегретого керамика.

Кинжалы и рабочий инструмент

превращенный в глубины шутно застучал по
силовой броне Рафена когда группа воинов
Аркио

попыталась окружить его и повалить на
землю.

От их идиотизма Рафен грубо
расстелся; он испытывал к этим глупцам
жалость, они охотно верили
фонтанирующему догматам

Сахиелю.

Быстрыми и экономичными движениями,
он использовал каждую часть силового
меча, чтоб разделаться с ними, ломая
черепа

тупым концом меча и эфесом, раскалывая
туповища острой кромкой, разбивая
грудные клетки шипастой гардой.

Если эти илбецилы хотели утереть во
имя их фальшивой мессии, тогда Рафен
более чем охотно поможет им в этом.

Схватка то нарастала, то убывала,
двигаясь подобно приливам океана.

Тонким болотом налетали на него
фигуры, заставляя Рафена прессом плоти

и стали пошатываться.

Где-то в гуще боя он потерял свой шлем.

Несколько раз он был вынужден останавливаться и искать направление, и несколько раз он едва уводил смертельный удар от

десантников из отряда Мефистона.

Рафен уже понял, что не допустит такую же ошибку, выжигая эмблему коня и ореола со своего наплечника отброшенным ручным

огнеметом.

Грязный, черный шрам от ожога на его боевой броне парадоксально заставил его почувствовать себя чище, как будто

прикосновение горящего прометия выжгли порчу и развращенность Штеля.

С глухим звуком ботинок Рафена звякнул, ибо что-то и это привлекло его внимание.

Там, у его ног, где пролитая кровь и серый дождь превратили сухую кирпичную пыль в безтеобразную субстанцию, лежало тело в белом и красном кератите.

Трун был втиснут в грязь, искореженный и

разломанный паническим безствол
илогов, но Рафен мгновенно его узнал.

- Сахиель...

Пока сражение кочевало туда-сюда, мертвый жрец оставался там, где упал, безукоризненная и безупречная броня, которую он

когда-то носил, теперь была испачкана кровавыми отпечатками ног и измазана запекшейся кровью.

Открытые глаза Апотекария слепно уставились на шипящий ливень.

Рафен никогда не чувствовал к этому высокотерпному противнику ничего кроме неприязни, но сейчас, когда он смотрел на застывшее на мертвом лице воина выражение ужаса и отчаянья, он чувствовал к жрецу только жалость.

Однако Сахиель невольно поставил свою собственную славу превыше преданности Ордену и здесь, в этом грязном лесу, он полностью отплатил за свою лживость.

Рафен отмахнулся от еще одного атакующего ударом затыльника болтера

и остановился, чтоб перезарядить.

Одновременно он остотрелся, найдя свое местоположение по актиническому сиянию голубого ментального пламени вокруг Лорда

Смерть.

Дождевая вода испаряясь превращалась в белый пар, окутывая Библиария.

Пока Рафен смотрел, эфирное свечение, которое окружало Мефистона собралось вокруг нависающих дуг его психического капюшона, свертываясь в хлысты энергии, которые обжигали взгляд.

Двойные рогатые черепа на кончиках его пси-проводящих проводников из призрачного металла едва контролировали эту мощь и

Библиарий раздвинулся внутри кроваво-красных госпехов, втягивая в себя смертельную мощь.

Появились цвета и оттенки, которых не место в мире живых, сам воздух мерцал и искажался подобно призрачным линзам.

Рафен видел цель Мефистона

отделение опустошителей Несущих Слово,
ощетинивающееся тяжелым оружием.

Лорд Смерть развернул к ним голову и его
глаза вспыхнули.

На поле боя Рафен видел других псайкеров
Кровавых Ангелов, применяющих свою
способность, называемую "Ускорение",
накидку

из энергии, которая могла превратить
человека в разрушительное торнадо, но
Мефистон был мастером другой
псионической силы, которая затмевала
таланты Библиариев и кодициев, которые
служили под ним.

Мощь "Сокрушения" была освобождена,
пламя безутной формы вырезанное из
жидкого света, развернулось каплей
чистого и

незатумненного уничтожения.

Колдовской огонь охватил
Опустошителей и зажег их; ранцы с
боеприпасами детонировали и раскололи
броню.

Рафен инстинктивно присоединился к

радостным криком одобрения от Кровавых
Ангелов Мефистона.

Он пробрался вперед, что встретиться с
псайкером командующим, салютуя
силовым мечом, когда Старший
Библиарий увидел его.

- Мой Лорг!

- Рафен, -

прорычал Мефистон, - ты все еще жив,
как и твой заблудший брат.

- Фанатики отрезали меня от него до
того как я смог... - начал Рафен, но
остальные его слова утонули в реве
потрепанных воинов

Аркио.

Армия рабов, руководимая какими-то
выкриками из-за спин, рванула вперед.

Рафен услышал разносимый ветром голос
Штеля, но затем его внимание привлекли
воины, прорывающиеся к нему.

Почти в упор он открыл огонь из болт
пистолета, взрывая головы, как
перезревшие фрукты, проделывая дыры в
накрытых

накидками телax размером с его
бронированный кулак.

- Они дерутся как одержимые! - Прорычал
он, давление атаки вынудило его отойти
во фланг Мефистона.

- В самом деле, -

ответил Библиарий, его силовой оружие
широкими дугами разбрызгивало кровь и
внутренности, -

они сплотились вокруг своего
"Благословенного".

Рафен пробился к Несущему Слово, когда
тот появился из толпы, распотрошил от
челюсти до кишок, выплескивая комки
черных, воняющих органов на землю.

- Лорд, моя задача осталась недоделанной.

Разрешите мне уйти и найти своего
брата.

Мефистон посмотрел на него.

- Ты ранил его и он убежал.

Что это за мессия?

- Он вернется, мой Лорд.

Я знаю о противоречии внутри него, но

если я не атакую сейчас, Аркио вернется и не оставит от этого места камня на камне.

Я должен найти его, пока его охрана убита!

- Ты понимаешь что случится, если ты не преуспеешь, Рафен? - Голос Библиария был низким и твердым, -

- пока мы говорим, моя боевая баржа вовлечена в бой на выживание на орбите.

Я оставил приказ брату-капитану, командующему ей, что если лоялисты Аркио возьмут верх, обрушить тогда на Сабиен циклонные торпеды.

Лучше этот мир-святилище станет пеплом, чем я позволю этой ереси распространиться дальше.

- Я могу остановить его, - настаивал Рафен, -

это то, зачем я пришел сюда.

Мефистон кивнул ему.

- Тогда пусть так и будет, -

он отвернулся и позвал, -

Технодесантник.

Быстро принеси Рафену прыжковый ранец.

- Прыжковый ранец, Лорг?

- У Аркио есть крылья.

Мы должны дать тебе твои собственные, парень.

- ШТЕЛЬ! Что за недоноска ты создал в этот раз?

Инквизитор развернулся, Улан цеплялась за его руку когда группа Несущих Слово возглавляемая Гарангом пробилась к ним через

ряды илотов.

Десантник-лоялист глупо нацелил оружие на Магистра Войны, выходя вперед, чтоб защитить Штеля и его свиту от этой угрозы.

Гаранг злобно сплюнул кислотную отраву и одним взмахом своего гибельного топора обезглавил Кровавого Ангела.

- Повелитель Гаранг, -

сказал Штель, решив не кланяться, -

Добро пожаловать.

- Мое терпение к твоим нелепым планам закончилось, человек, -

Гаранг погрозил ему гудящим топором.

- Ты знаешь наш уговор! Приведи этого скүлящего Кровавого Щенка к Стягу Изменяющего или расстанься с жизнью.

- Не торопи меня, Несүщий Слово, -

заорал Штель, распаленный беснүющейся вокруг него битвой, -

Мне приказывает Малфаллакс, а не ты! Это будет сделано, но по-моему плану, а не по твоему.

- Твоему плану! - Снова сплюнул Гаранг. -

Жалкий слабак, со своими интригами и маленьким театром, ничто из этого сейчас не важно.

Во имя Лоргара, ты присоединяется к битве.

Эти люди-добыча предстанут перед восьмеркой или будут уничтожены.

- Нет! - Заорал Штель и Гаранг моргнул в удивлении от неистовства отрицания этого человека.

- Я зашел слишком далеко, слишком много заплатил ради этого момента.

И он мой и ты не забереешь его себе, существо.

- Как ты стеешь, -

Глаза Гаранга сузились и он собрал свою псайкерскую мощь, чтоб покарать разглазольствующего инквизитора - но того окружала

"пустота", густой покров отравленного "не-пространства" исходил из разума девушки, тащившейся по пятам инквизитора.

- Аа, -

прорычал Магистр войны, отскакивая, - тогда играй в свою телочную игру.

Несущий Слово потряс своим топором и обратился к воинам.

- Выбирайте цели и уничтожайте
Кровавых Ангелов.

- Соучастствующие убийства... -

он улыбнулся, -

... на ваше усмотрение.

Вне предела слышимости Штеля, из
отряда Гаранга прокрался вперед
техножрец и склонился к ногам Магистра
войны.

- Великий Принц-Колдун, вокс с
"Мизерикордии".

Они атаковали корабль Мефистона, но
присутствие "Беллуса" разграждает
корабельный дух-машины.

Экипаж недоволен тем, что мы оставили
безнаказанным второй корабль Астартес.

Что мне сказать им?

- Скажи им... -

Сдержанная и полная ненависти улыбка
искажила бледные губы Гаранга и он
взглянул на Штеля.

Он накажет этого тщеславного хвастуна
за то, что он осмелился повисить на него
голоса.

- Скажи им, рассматривать "Беллус" как расходный материал.

СХВАТКА в небесах Сабиена изменилась с утонченного рыцарского поединка до жестокой, карающей битвы, когда три корабля

сократили меж собой дистанцию.

Тоннаж воюющих сторон практически совпадал: "Беллус" и "Европа" были кораблями-братьями, их кили заложили в ту же эру

Ереси, они оба были вылиты из стали,кованной в печах Энigmaty VJ, оба были созданы согласно священным принципам программы

Стандартных Шаблонных Конструкций из библиотек Механикус на Марсе.

"Мизерикордия" была больше по ширине, но тоньше там, где у боевых барж располагался тупой, похожий на наверху топора, нос.

Когда-то этот боевой корабль принадлежал людям, но его сознание давно уже изменилось за века медленных

мутаций, старое

самосознание было потерянно и оставлено
в вавиле.

Корабль Гаранга свирепел от полной
ненависти мощи.

По сравнению с медленными, тяжелыми
баржами-охотниками, он был быстрым
хищником, но скорость и огневая мощь
сводили груз

груза на нет.

Если бы столкнулись любой из этих двух
кораблей, смертельный исход для любого
из них было бы не так просто предсказать
- но в

трехстороннем бое, все пари были
бесстысленны.

"Мизерикордия" рванула вперед, визжащие
части растрескивались двигателя извергнули
пламя.

Лансовые залпы связали его с "Европой",
зеленые и красные нити когерентных
частиц натянулись между ними, затем
пропали.

Сферические взрывы раскрылись в вакууме

подобно огуванчикам, разливая во тьму
замерзающие газы и погибших.

Когда корабли Хаоса и Кровавых Ангелов
сблизились, Угеон завел флагман Аркис
вверх, в тень "Мизерикордии", позволив
мощным

носовым орудиям рвать на части
рубиновый крейсер и стрелять в
мерцающие пустотные щиты "Европы".

Эфемерные энергетические экраны баржи
вспыхивал и деформировались от
попадания, разливаясь перед мощью
атакующих

подобно дождю, но уже, таинственные
генераторы поля в сердце корабля
отреагировали на давление, посылая волны
симпатической паники на техножрецов,
которые проводили службы над ними.

Разумеется "Европа" была мощным
кораблем, но и она не сможет долго
сопротивляться такому варварскому
обстрелу.

В глубинах космоса, такая схватка
растянулась бы на расстояния, которые

превзошли бы звездную систему, корабли
стреляли бы

друг в друга далеко за гранью визуального
контакта.

Но сражение на близком расстоянии, возле
орбиты было совершенно другим делом.

Если первое было фехтованием, полное
элегантных маневров и точечных ударов,
то второе было грязной уличной дракой,
яростный

обмен ударами с намерением убить.

Внезапно "Европа" прыгнула вперед, с
хвостовой части вырвался ослепляющий и
цвета взрыва новы султан термоядерного
огня.

Корабль в диком повороте, который
нагрузил корпус корабля за гранью
допустимого, развернулся левым боком,
вырывая тысячи

древних, гигантских заклепок.

Цуверский маневр свел на нет скорость и
гравитацию, выталкивая "Европу" на новый
курс и убивая десятки несчастных членов
экипажа, пойманных в неподходящих

секциях обшивки корабля.

Поворот был настолько неожиданным, что был почти самоубийственным.

Цгеон был настолько удивлен, что зашептался на секунду дольше, пока корабль Мефистона проходил мимо.

К тому времени, когда он отдал команду огонь и носовые орудия ответили, растерянный и сбитый с толку "Беллус" разрезал пустое пространство.

Однако экипаж "Европы" был готов к этому.

Вторичные батареи, лазерные пушки с огромными кварцевыми линзами, размером с глаз кракена, обрушили смертельные лучи на правый борт "Беллуса".

Боевая баржа застонала от попаданий и Цгеон почувствовал визг, когда аналоговая боль духа-машины взорвалась в нем.

Простой, животный разум "Беллуса" шинел и плевался; ему не хватало интеллекта чтоб понять почему другой

корабль Кровавых

Ангелов атаковал его.

"Европа" продолжила поворот, выходя на курс, который позволял кораблю зайти в хвостовую дугу к "Беллусу".

Даже с метровой броней и двойными пустотными щитами, которые защищали ее, капитан искал бы самоубийства, позволив

атакующему кораблю свободно выпускать снаряды и лазогонь в форсунки двигателя.

Цгеон выругался и проревел приказы, в редкие моменты физической реакции его руки гневно дергались хватаясь.

Две баржи развернулись друг к другу, выравнивая скорость и сцепились в смертельном вальсе.

Они продолжали обмениваться выстрелами, когда "Мизерикордия" подошла, нацелив свои смертоносные стволы хеллганов на

"Беллус".

Капитан человек возможно бы ждал; капитан человек возможно бы просчитал

последствия и сдержал огонь пока "Европа" не стала

бы отчетливой целью.

Но как и корабль, капитан "Мизерикордии" давно уже забыл человеческое происхождение и любую веру в такие абстракции

слабаков как преданность и сострадание.

Красный кинжал выстрелил чтобы победить, и правый оружейный борт "Мизерикордии" сверкнул каскадом раскаленной смерти.

Множество выстрелов нашли свою цель, попадая в наиболее важные части корпуса "Европы", но и такое же множество проткнуло

"Беллус", прошивая корабль лоялистов как какую-то случайную защиту, которую необходимо уничтожить.

Первичное сердце Угеона загнулось от шока, когда лазерный огонь разнес на части башенки и минареты на палубе "Беллуса".

Его голова дернулась на старых,

неиспользованных мышцах шеи, крошечное движение, которое он сделал впервые за десятилетия.

Капитан заглянул в глаза Солусу и увидел там нетой укор, затем позади него разорвало плазменный трубопровод и Угеон увидел как

Солус превратился в визжащий человеческий факел.

- Открыть огонь, - заревел он перекрикивая шум, его голос исказился треском его имплантированного вокскодера.

- По какой из целей? - Спросил оружийный сервитор, монотонный голос был необычным для диких эмоций битвы.

- По всем, - потребовал Угеон, и "Беллус" выстрелил сразу из всех орудий, отрастив изглы лазерного огня и ракет.

...

...

Навык управления прыжковым ранцем Рафена едва мог тягаться с искусством тренированных боевых братьев из

штормовых

...

отделений, но его хватило что направить его в гущу боя, отрывая его от земли на крутыни, прыгающими дугами оранжевого пламени.

Он проворно уворачивался в воздухе, избегая ярких росчерков ракет и красных лучей лазерного огня.

В высшей точке прыжка со сломанной зубчатой стены, он увидел отблески сияющего золота и ослепляющего белого.

Он пролетел над землей, потратив мгновение чтоб застрелить солдата-фанатика, затем со всей мощью снова взлетел.

Он крутился и поворачивал, став управляемой ракетой.

Рафен позволил ускоряющему ранцу извергнуть пламя и нацелил себя в центр разрушенного собора.

От него остались только стены, места где ранее были огромные своды витражей теперь зияли стенающими устами.

Крыши не было, ее снесло какой-то давней
затихшей взрывной волной и бесконечный
стремительный дождь каскадами
изливался со
слопанных каменных зубцов.

Линии безголовый, расколотых пополам и
разбитый статуи заполняли проходы и
поперечные нефы.

В некоторых местах мозаичный пол
обвалился в находящиеся ниже склепы.

С шипящими искрами от ботинок
приземлился Рафен и там, наполовину
закрытые тенями огромного гранитного
алтаря, он увидел

распростертые белые крылья.

- Аркио, -

его голос пронесся по всей глине
разрушенного зала, -

это должно закончиться сейчас же.

Его брат медлительно повернул в его
сторону голову, золотая броня появилась из
темноты.

Там, где он был ранен, текла медленная,
пурпурно-черные струйка крови, словно

пролитое на грудь масло.

Крошечные наросты темного вещества уродовали лицо и шею Аркио.

- Да, - нараспев произнес он, -
должно.

И внезапно темному пронзила неистовая волна желтого света, когда Копье Телесное вернулось к жизни.

Глава двенадцатая.

Рафен почувствовал как к горлу подступила желчь, когда увидел своего брата.

Алебастровая кожа его лица, благородные аристократичные линии были как-то утонченно и жестоко искажены.

- Во что ты превратился? - Спросил он своего родного брата.

Во взгляде Аркио было спокойствие.

- Тебе лучше знать, Рафен.

В повелителя всех живых существ.

Дождь разбрызгивался вокруг него пока он выходил из теней и пересекал разрушенный неф церкви.

- Я избавился от всех сомнений.

Он небрежно махнул в сторону алтаря позади него.

Вспыхнула широкая молния и осветила неф.

Рафен задохнулся, когда увидел развалины статуи Императора, которую обезглавили одним ударом Святого Копья.

- Твое богохульство не имеет границ? -
Спросил он, трясась от гнева. - Для тебя было недостаточно пойти против своего брата и

своего Оргена, и теперь ты пошел против самого Бога-Императора?

Аркио лениво отмахнулся гудящим копьём.

- Зачем мне нужны боги, когда я сам бог?
- Ты обманут, -

Рафен пальцем ткнул в бок Аркио, где все еще зноился порез от меча.

- Если ты бог, почему ты истекаешь кровью как человек? Или может быть не человек...

может быть затронутая варпом тварь.

мешка Хаоса.

Аркио откинул голову и разразился
стехом.

Горькое веселье эхом отразилось от
разломанных стен.

- Хаос? - Бросил он в сторону. -

Детский ярлык для кое-чего, что вы
никогда не поймете.

- Я достаточно понимаю, -

заорал на него в ответ Рафен, -

мой брат, моя родная кровь была
отравлена варпом.

Шмель вел тебя к этому.

Он тахнул мечом.

- Отрекись, Аркио.

Пока еще есть время.

Золотая фигура расставили широко руки
и с порывом ветра распахнулись крылья за
спиной.

- Это не ересь и я не отрекусь, - прорычал
он, -

я открыл глаза, брат.

И теперь знаю все...

Воинов и монстров, порядок и Хаос...

Он указал копьем на небеса.

- Это просто слова.

Нет правых и заблудших, нет черного и белого.

Только сильные...

и слабые.

- И кто по-твоему я?

Аркио проигнорировал его.

- Я не склоню колена перед Золотым Троном или Темными Божествами.

Я не присягну никому!

Он наклонил голову в сторону, отливающий металлом солнечный ореол позади его головы сверкал в сиянии копья.

- Галактика склонится передо мной...

Я буду повелителем!

- Этого не будет, -

проскрежетал Рафен.

Его пальцы сжали рукоять меча.

Глаза Аркио сверкнули.

- Тогда я сожгу ее дотла, потушу каждую

звездѣ, прервѣ любую жизнь, которая
отвергнет меня.

На лице брата не отразилось ни единого
колебания, ни йоты сомнений.

Железная уверенность в словах Аркио
заставила Рафена задохнуться.

- Ты безумец.

- Да? - Вздохнул он,-

Это мы увидим.

Красное пламя вырвалось из прыжкового
ранца Рафена, кидая его вперед, огонь
облизнул стены разрушенного алтаря.

Аркио двигался так быстро, что исчез
размытым желто-белым пятном, они оба
сокращали дистанцию вниз к нефу за удар
сердца.

Они столкнулись с такой силой, что
порыв ветра от удара свалил изящную
колоннаду, вращаясь, оба отлетели от
места

столкновения по головокружительным
траекториям.

Крылья Аркио развернулись и он пролетел
мимо сломанной колонны, и ударом грома

кинулся на Рафена.

Его брат был ограничен стеной и использовал свистящую реактивную стрелу, чтоб повторить маневр врага.

Они снова встретились в воздухе над нефом и протелькнули мимо друг друга, сверкнув клинками.

Рафен издал рев боли, когда раскаленное наконечник копья разрезало его бедро, веером разбрызгивая кровь.

Аркио вильнул и пробился через обелиск, когда силовой меч Рафена разорвал соединительные кабели на его правом плечике, но

не достал до плоти.

Золотая полусфера из брони металла и керамики пролетела вихрем и загрохотала в тенях.

Жидкая рабочая жидкость потекла по руке и разрезанная пластиформенная мускулатура дернулась.

Рафен тяжело приземлился и открыл огонь из болт пистолета, переключив селектор на непрерывную стрельбу.

Снаряды с треском вылетали из дула, фонтаном мерцающей меди отлетали стрелянные гильзы.

Раскаленные гильзы застучали по каменному полу, шипя при попадании в лужи дождевой воды.

Аркио метался и кружил между останков колон и дуговыми балками крыши, выстрелы Рафена отрывали куски древней каменной

кладки стен церкви.

Он захватил своего брата в вилку из града снарядов, несколько удачных попаданий шлепнули по броне и отприкошетили, разбрасывая оранжевые брызги искр.

Аркио сократил дистанцию, вращая копье восьмеркой, которая оставляла яркие остаточные изображения на сетчатке Рафена.

Кровавый Ангел ловко изменил направление, отбрасывая пистолет и доставая силовой меч.

Он крепко встал на ноги, когда Аркио

метнулся на него, ожидая момента обмена ударами, когда крылатая фигура невольно выдвинулась

свои намерения.

Аркио зарычал и направил копье, напоминая рыцарского, целясь точно в центр груди своего брата.

Рафен подавил трагичную утешку и исчез в стремительном движении, разворачиваясь, вертясь и лязгая светлым клинком меча по

адамантиевому наконечнику копья.

Удар отбросил его назад, выбивая из каменного пола под его ногами песок и искры, яркие молнии сверкали там, где клинок

ударялся о клинок.

Аркио сделал удар с разворота, размахнувшись тупым концом копья, чтобы зацепить его ноги и опрокинуть.

Рафен сжал кнопки управления прыжкового ранца в ладони на долю секунды и позволил струе пламени отбросить его в сторону.

Он полетел в кувырке и приземлился на выступ, снова достав болт-пистолет.

Рафен опустошил магазин и Аркио отлетел в сторону, уворачиваясь между низких скоплений погребальных склепов и монументов.

Золотая фигура редела в грубом стехе, когда снаряды не причиняя вреда крошили каменную кладку и мощный пол.

Аркио развернулся на пятка и ткнул в сторону Рафена Святым Копьем, желая, что оружие исторгло гудящие внутри него мощные энергии.

На долю секунды показалось что копье повиновалось ему, ярко засветившись когда шар медового света собрался на кончике лезвия

в форме капли крови.

Рафен прыгнул с уступа, пролетев мимо гранитного орла, на другую обнаженную балку поддержки.

Аркио последовал за ним, подначивая оружие выпустить свою убийственную

мощь, но Копье Телесто снова дернулось в его руке, колеблясь по всей глине.

Оно вырывалось из его пальцев, как будто пыталось сбежать.

- Нет! - Выплюнул Аркио и в гневе тахнул заблудшим оружием дугой света, разрезая две поддерживающие колонны и сломанную статую.

Копье застонало и загрожало.

- Ты не можешь отринуть меня, - грохотал Аркио, - я твой хозяин!

В ярости, густая, отравленная слюна слетела с его губ, и его царственное лицо исказилось.

На щеках и лбу появились шрамы, истекая густой, масляной жидкостью, вынося с собой твердые желчужины черной мутации.

Аркио, казалось, не замечал их, когда извивались и двигались под поверхностью его кожи, перемещаясь подобно зарывающимся жукам.

Его мгновение ярости отвлекло его и Рафен воспользовался ошибкой в полной мере.

Воткнув новый, серповидный рожок с болтами, брат Аркио кинулся к каменной погорке и присел, разряжая оружие ревущими

вспышками выстрелов.

Выстрелы болт-снарядов были настолько быстры, что их шум слился в один трескучий рык.

Аркио поднял копье, чтоб отразить их на один удар сердца позже и очередь ударила его в грудь.

Раскаленные до бела взрывы заставили его дергаясь зашататься, толстые болты отрывали глинные клочки от его золотой брони.

Разлетались фрагменты керамики и пласстали, оставляя трещины на облицовке из драгоценного желтого металла.

Аркио отреагировал разграженным рыком и встряхнулся, сбрасывая куски разбитой

брони, цепляющиеся за руки и грудь.

Через дыры в пластинах пузырились и текли темные жидкости.

Порча Шмеля больше не пряталась в оковах его плоти.

Выпущенная зверской ненавистью, которая бурлила в разуме Аркио, открылся измененный облик костогесантника.

Увидев своего брата, Рафен почувствовал физическую тошноту.

Его зловоние сжало чувства Кровавого Ангела, и вид тела, безысходно испорченного Хаосом было оскорблением всего того, за что

он сражался.

Рафен заставил себя забыть, что какая-то последняя частичка души его кровного брата все еще могла выжить за этим искривленным

лицом и снова атаковал.

Аркио ждал его.

Крылатая фигура махнула копьем и громоподобным ударом встретила меч Рафена, разрушая лезвие силового оружия.

Рафен зарычал, когда почувствовал что
его запястье от удара выбито.

Шок отбросил его назад, к фрагментам
изукрашенного стекла и Аркио встал
перед ним во весь рост.

Вспышка молнии отразила искривленное
лицо в вековом стекле.

- Посмотри на себя, - заорал Рафен, -
Посмотри во что ты превратился!

Аркио махнул копьем и разбил стекло
вдребезги.

- Глупец, -
проревел он, -

Я знаю кто я! Я САНГВИНИЙ!

Рафен пытался увернуться от удара,
которые последуют за этими словами, но
он попал в него подобно падающему
метеору.

Один прошелся через его грудь, ударяясь в
броню, второй, тупым концом, с лязгом
отправил его на землю.

Кровавый Ангел с хрустом врезался в
мозаичный пол и каменная кладка
проломилась.

Он кувыркнулся в черной пустоте и тяжело упал, выбив из легких остатки воздуха.

С распарывающей болью он с хрипом втянул воздух, его зрение затуманилось.

Это смерть, задумался он, наконец? Его пальцы нащупали очертания чего-то знакомого и в полутраке он тельком увидел очертания скелетов.

Сотни - но не человеческие.

Эти были большими, кражистыми.

Вздрогнув он понял: удар Аркио отправил его в склеп для погибших на Сабиене, где Кровавые Ангелы предавали земле тех, кто

защищал планету.

На стенах могилы были высеченные из камня костодесантники.

В полутраке они возвышались над ним подобно гранитной почетной страже, безмолвные и сильные.

Игнорируя боль Рафен вскарабкался на ноги.

Везде вокруг него были его мертвые братья, покоящиеся веками в этом пустынном, одиноком месте.

Единственная мысль прожгла его разум: Я не присоединюсь к ним! От этой мысли по нему пробежала ярость, зажигая в его венах

инферно.

Сломанный меч вынул из его пальцев и он сжал кулак, чувствуя как в него вливается раскаленный гнев.

По краю взгляда появилось что-то светлое и могущественное, сияние бесконечного совершенства.

На одно мгновение он подумал что Аркис последовал за ним в склеп, но этот свет затмевал свечение его брата даже в его самый

могущественный миг.

Рафен поднял взгляд и увидел настоящее лицо своего лорда, висящее перед ним в воздухе, генетического родство в его крови говорило само за себя.

Видение подавило его, забирая всю боль,

все колебания.

Сангвиний!

Такая чистейшая, раскаленная до бела ярость наполнила сердце Рафена и его настигла красная жажда.

СВЕЖАЯ волная завывающих, рогатых чудовищ присоединилась к безумной толпе. В наземной схватке, столкнувшись, запели клинки

и ружья.

Площадь была кипящим океаном красных оттенков, темно-красные дрались против рубиновых, кроваво-красные против алых, сдвигаясь и перемещаясь кровавыми волнами.

Мефистон и его солдаты расположились тесным полумесяцем вокруг останков их "Грозового ястреба" атаками давя вперед с трачной решимостью и холодной, ледяной яростью.

Они столкнулись с дикими фанатиками армии рабов Аркио и хотя илоты Шенлонга имели оружие, оно было просто игрушками по

сравнения с вооружением Агентус
Астартес, их огромное число и безумное
рвение их усердия заставлял колебаться.

Воины не сдадутся и не отступят.

Только схватка на изнурение победит
тысячную орду.

Сторонники церкви Аркио стояли рядом с
костогесантниками, лояльными
Перерожденному Ангелу, но в этом малом
количестве

воинов в красной броне все сильнее росли
сомнения и опасения.

Многие из них мешкали открывать огонь
по своим собственным братьям и утирали
в бушующем море конфликта.

Что еще хуже, воины, которые склонили
колени и присягнули Аркио были
шокированы прибытием на поле боя свежих
сил

союзников, рубиновых фигур, которые,
кажется, дрались не против них, а за них.

Несущие Слово.

Делос увидел темные очертания
костогесантника Хаоса и почувствовал

как его внутренности скрутило от
отвращения.

Но оптике его маски-смерти струилась
дождевая вода и была забрызгана грязью,
пока он пытался прочистить ее.

На мгновение, он подумал что увидел
Инквизитора Шмеля, стоящим лицом к
лицу с чудовищным Несущим Слово, затем
неустоявая

толпа заслонила вид и Капеллан
почувствовал что его прижали в упавшую
стену.

Мертвым грузом в его руке был зажат
церемониальный кроуус арканум,
отрывочное мерцание энергий шипело
вокруг изящных
вырезанных скелетов.

Оружие отражало его настроение, угрюмое
и в сомнениях.

Капеллан сжал его в своем бронированном
кулаке и вознес тихую молитву Богу-
Императору.

Если то, что видел Делос было верным,
тогда человек, который был

архитектором Вознесения Ангела
Перерожденного связался со
злейшим врагом человечества.
Должно быть он ошибся.
Должно быть.
Потому что альтернативное объяснение
вызывало у него головокружение от ужаса и
страха.

...

...

Куски золота и лохмотья почерневших
свитков чистоты слетали с брони Аркио,
оставляя под собой обожженный металл.

...

Искусная броня, некогда незапятнанная и
безупречная, теперь была покрыта
паутиной царапин и шрамов.

Желтые хлопья струились по ветру
подобно песчаной буре, потрескавшиеся
пятна, казалось, перемещаются и
двигаются в

полутраке, обман зрения делал их похожих
на злобные пасти и визжащие морды.

Новый, нечеловеческие мускулы выпирали из груди Аркио и его крылья тяжело били воздух, пытаясь сохранить парение.

Чернильное пятно его раны было серыми и бледными, крыльях и перьях пятнали линии токсичных нитей.

Мельчайшее сожаление мелькнуло в разуме Аркио когда он смотрел на разъявленный кратер склепа и он безжалостно растоптал его.

Нет, Рафен больше не заслуживал милости ни на мгновение привлечь его внимание.

Его надоедливый братец утер и Аркио наконец-то исполнил мечту, лелеемую с ранних лет в темных уголках его души.

Тихий стон, первобытный и дикий звук раздался из пустоты в каменном полу.

Он заставил Конье Телесто снова дергаться в его руках, оружие корчилось и грожало.

Небеса побелели когда сверкнула молния и все окрасилось в предрассветные цвета и

вспышка высветила блестящие, темно-красные

очертания человека ниже.

На крыльях реактивной струи, Рафен взлетел в воздух и со всей силы врезался в Аркио.

Он поймал брата врасплох и Кровавый Ангел почувствовал как от удара звенят его кости.

Аркио исторг задохнувшийся вопль возмущения когда они взлетели в густые серые облака.

Из окружающих маслянистых испарений дождь и ветер хлестал их по лицам.

Они обменивались ударами, Аркио боролся чтоб вернуть себе преимущество, неспособный из-за близкого расстояния ударить агрессора копьем.

Рядом с ними ударила молния, раскаленный озон измученной атмосферы иссушил легкие Рафена.

В этой вспышке освещения он увидел новые очертания черных зерен-нарывов

Вздохнул Аркио, выступившим подобно
ритуальным
насечкам.

Его глаза потонули в чистой и
темнейшей ненависти.

Рафен боролся чтоб навести свой болт
пистолет на цель, выпуская очереди.

Шипящие снаряды безумно рикошетили
от Аркио, некоторые срывали покровы
помертвевшей плоти, другие отлетали от
кусков

брони, которая все еще цеплялась за
измененную грудь брата.

Аркио издал бессловесный крик чистой
ярости и схватился за пистолет, его
пальцы сжались в кулак вокруг увесистых
металлических
очертаний.

Он сжал оружие и когтистая хватка
растерла его в порошок.

Рафен взревел когда его пальцы
слопались.

Вялым ударом слева, Аркио отбросил его
в сторону, посылая Рафена по дикой

траектории, так как ракеты его прыжкового ранца

трудились, чтоб оставить его в воздухе.

Крылатая фигура развернулась вслед за своей целью, в облачных теньях его лик был подобен ангелу смерти.

Он пытался нацелить Святое Конье на Рафена, но оружие сопротивлялось.

Оно скручивалось и уклонялось, когда он тянул его, как будто конье затерзло в воздухе.

- Подчиняйся! - Орал он, свирепо дергая древко. -

Я твой хозяин!

В гневе, тьма спрятанная внутри Аркиса выплыла на поверхность, мрачная красота его облика изменилась до грозовой, подобно облакам над ним.

По нему пробежались изменения, вплоть до молекулярного уровня, клетки крови гудели в его венах чернея.

Укрытая в древке мощная технология Коня Телесто протестировала его, беря образцы генными сканерами, вплетенными

в резное

древко оружия.

В копье пробудилось древнее мастерство, настолько далекое от изобретений Империи, что граничило с магией.

Тогда оно знало Аркио, когда впервые он положил на него свои руки - и в этот раз копье сочло его неполноценным.

Оно восстало.

Запах Хаоса был черным и густым в Перерожденном Ангеле и оружие Телесто раскалило добела свое древко, расплавляя мастерски

изготовленную латную рукавицу до испачканного золотого шлака.

Боль была мгновенной и заставляющей сердце остановиться и управляемый животной реакцией, Аркио отпустил обжигающее

копье, сверхперегретый пар шипел от его обожженных покровов руки.

Бесконечно кувыркаясь, Копье Телесто падало на землю, молнии отражались на клинке в форме капли крови, ветер трепал

печати

чистоты.

Орудие приземлилось подобно брошенному
грознику, тупой конец древка раскрошил
катни церковного пола ударившись в них.

Потрескивая от мощи, копьё осталось
стоять вертикально, обнажённым
штандартом вызова силат, которые
пытались оскорбить его.

Наверху Аркио неся к своему брату со
своей погубленной рукой, раскрывающейся в
когти, безумие жажды убийства светилось
в его

взгляде.

Теперь его гнев был колоссальным и с ним
он разорвет своего родного брата в клочья,
с копьём или без копьё.

Рафен страхнул головокружение,
угрожающее окутать его в своих объятьях
и поднял свои кулаки в боевую стойку.

Его качнуло, когда прыжковый ранец
кашлянул и подавился.

Кровавый Ангел не остелился взглянуть
на шкалу ретранслятора на танжете

запаястья, боясь что она подтвердит то,
что он и так

уже подозревал - у ранца кончилось
топливо и он был поврежден. У него было
только несколько секунд для драки до того,
как он

упадет обратно, в объятья гравитации
Сабиена.

Он сторгнул дождевую воду с ресниц когда
Аркио налетел на него и затем, два
родных брата снова сошлись в
кувыркающемся

захвате, борясь среди шторма, в
окружающих их бездонных залах воздуха.

Аркио злобно пнул Рафена туда, где копьё
порезало плоть на его бедре, трещина
снова открыла рану там, где кровь
Астартес уже

начала сворачиваться.

Он забыл и ударил брата в лицо, получив в
награду потоки брызг маслянистой
жизненной жидкости из пылающего носа
Аркио.

Вихрь ударов пробежался по грудной

клетке Рафена когда они вминали кератит его грудной пластины.

Он почувствовал горячий медный привкус своей собственной крови, один из ударов расшатал его зубы.

Рафен сжал своего брата, схватившись пальцами за толстую кожу над безволосой грудью.

Бронированные красные пальцы его боевых перчаток оставляли шрамы на бледной и изможденной плоти; ручейки испорченной крови собирались в ранах, где выпирали твердые шарики оттенков костоса.

Он крутился, так как Аркио прижал его к груди калечащей медвежьей хваткой.

Рафен слышал как от давления ломаются его кости.

Его физиология костогесатника давала ему уникальную осведомленность о своем собственном теле, так что Рафен точно ощущал

как внутри него разорвалась бископья, когда ребра сдавили ее.

Во множестве мест у него открылось

внутреннее кровотечение.

Мерцание огромной белой молнии превратило его мир в размытый скетч, только линии и оттиски ослепляли его улучшенное зрение.

Оправившись от ослепления, он увидел искореженное злобой лицо Аркио, обрамленное ореолом вокруг шеи и в него ударили волны

ветра от запятнанных серым крыльев.

Шум и ярость грозы уносила слова его млагшего брата, но Рафен все еще мог его полное ненависти заявление по губам: Ты умрешь.

Было одно слово, которое ни один Кровавый Ангел никогда не произносил.

Это было прозвище, которое враги и хулители использовали с тех пор, как Сангвиний присягнул общему делу Императора.

Оно было старо как сама Терра, рожденное во времена когда человечество еще не шагало по звездам, придуманное страхами

судеверных сердец.

Оно вызывало в воображении глубочайший ужас перед зверьми, которые питались жизнями и обнажали клыки ради кровоускания.

Вампир.

Рот Аркио раскололся в улылке, шириной во все лицо, лес острых как излы собачьих зубов вырос на его челюсти.

Он превратился в аватара Кровавого Ангела в его темнейшем и самом ужасающем обличье, чудовищная пародия из легенд о хищниках.

Брат Рафена выжимал из него жизнь, его последний вдох задохнулся в удушье и хрине.

Пока ветер и дождь хлестал по кувыркающей паре, Рафен почувствовал что буря усиливается, когда его кожу коснулось горячее

дыхание Аркио.

Крылатый Ангел сжимал его, его красная пасть жаждала вцепиться в плоть шеи

Рафена и полакомиться горячим потоком пульсирующей жизни внутри.

- Нет! - Сопротивляясь заорал он.

Зрение затуманивалось, клубились серые туннели, Рафен снова колебался на краю пропасти смерти, и снова он отказывался сдаться перед ней.

Его руки переместились, хотя это было заученное многочисленными тренировками, бесчисленными повторениями вложенные в его

мышечную память, движение, его пальцы нащупали и сжали рукоять боевого ножа с фрактальной заточкой.

Нож костогесантника по своей схеме мало изменился с самых ранних дней Империи, мономолекулярные режущие крошки оружия

выполненного по шаблону Солнечной системы, были так же знакомы Рафену, как и первому Агенту Астертес десять тысяч лет

тому назад.

И даже не смотря на преклонный возраст,

он не растерял своей смертоносности.

Рафен неистово ударил, загоня лезвие
меж ребер его брата.

Нож без труда вспорол гладкую, матовую
кожу и попал в разлагающуюся рану,
нанесенную Аркио на площади.

Он воткнул клинок в извивающийся
личинками порез по сатую стальную
рукоятку.

С побагровевших губ Аркио сорвался крик
полный боли, который рассек небеса вокруг
них своей мощью.

Внезапно он больше чувствовал бьющиеся
крылья Аркио, которые держали пару в
воздухе, а только грожащие, утирающие
толчки

прыжкового ранца.

Серо-белые крылья дернулись и свернулись
когда пальцы Аркио вонзились в броню
Рафена, соскальзывая со скользкого от
дождя

кератита.

Сверкнувшая молния оставила на
сетчатке Рафена стробирующую

картинку, замершее мгновение оттенков
белого, оранжевого и
пурпурного.

Он видел агонию на лице Аркио, с которой
он никогда не сталкивался ни на одном
поле боя и слово, единственное слово,
сорвавшееся с губ.

Брат.

Руки Аркио соскользнули и вес оторвал
его от Рафена, вдоворотом струящегося
дождя и падающих перьев.

Он отпустил его руку, пальцы скользнули,
царапая золотую броню на плечах, и
разжалась, Аркио полетел вниз,
погружаясь в

низкий покров клубящихся серых облаков.

Брат Рафена, Благословенный,
Перерожденный Ангел, Божественный
Сангвиний, падая на землю, летел
кувыркаясь подобно
погбитой птице.

Ниже, среди сияющей, влажной мостовой и
блестящей мозаики разрушенного нефа
церкви, Копье Телесто ощутило его

приближение.

Вертикально стоящее оружие дернулось по своей воле, перемещаясь и разворачиваясь по оси, чтоб выставить в его сторону клинок

в форме капли крови.

Аркио вылетел из грозового фронта и спиной наткнулся на навершие копья, ровно между лопаток, в центр, откуда вытягивались крылья.

Удар отправил губительное копье через плотные, измененные кости, рассекая первичное сердце и вскрывая его грудную клетку.

От силы столкновения, на каменной кладке образовалась идеально круглая впадина, с Аркио в центре, его испорченная кровь, разбавленная ливнем, залила все вокруг него большой лужей пурпурного цвета.

Похожая на слезу пластина пылала золотыми вспышками, испаряя со своей безупречной, отполированной поверхности

все до

последней капли его жизненной жидкости.

НЕБЕСА превратились в ад.

"Мизерикоргия" направила свои
вооруженные борта на два боевых корабля
Кровавых Ангелов, выпуская залп за залпом
тяжелые

ракеты, прожигатели-корпуса и лазерный
огонь в пространство между ними.

Флагман Мефистоны "Европа" имела
преимущество в скорости и
маневренности, интенсивно используя
вспышки направленного

ускорения третичных двигателей чтобы
повернуть и пройти под "Беллусом".

Вращаясь вокруг оси, "Европа" выдержала
атаку, распределяя попадания в боевую
баржу по сверкающим пустотным щитам
корабля.

Поврежденный и раненный "Беллус"
реагировал гораздо медленнее.

Для нетренированного взгляда, две баржи
Кровавых Ангелов казались одинаковыми,
но при ближайшем рассмотрении,

повреждения и шрамы "Беллуса" были чувствительными и ощутимыми.

"Европа" недавно отошла с орбитальных доков Ваала, полностью оснащенная экипажем, превосходно обслуженная и напике своей

производительности, по сравнению с изношенным и уставшим "Беллусом".

Столкновение над Сабиеном было просто еще одной битвой в цепочке конфликтов, которую держал старый боевой корабль страны

из битвы с "Вечной панихидой" на Шенлонге, с "Лордом Огром" на Кибеле и даже давние терзания миссии в пространстве орков, все

это отложило свой отпечаток на "Беллусе".

Корабль словно находился на последнем издыхании и хромал по сравнению с противниками.

Со своего командного трона, Капитан Угеон видел свой корабль как развороченный улей шершней,

одновременно стреляющий из

всех орудий.

Костос вокруг баржи превратился в спутанную паутину огня и разрушения, раскаленное море и сферы демонаций ниспадали на

"Беллус" лучистыми волнами.

- Доложите, -

потребовал он, автоматически перемещая свое внимание к посту Брата Солуса, но Солус был мертв, лежал грудой зажаренного

плазмой мяса и керамика.

Вонь человеческой плоти поступала к капитану десятками различных способов через чувства духа-машины корабля.

Через грохот вторичных взрывов, слышался ответный лепет сенсорного сервитора.

- Множественные критические попадания вдоль правого борта.

Разрывы на пятидесяти двух процентах палуб.

Технопровидцы докладывают о

неизбежном коллапсе духа-монитора
термоядерного ядра.

- Носовые орудия, -

проревел он, подталкивая свое сознание
через кибернетические гнезда в черепе
чтоб прикоснуться к могущественным
пушкам

убийцам кораблей на носу "Беллуса".

Сервитор ответил даже быстрее, чем
Цгеон сформулировал этот вопрос.

- Вышли из строя.

Расчет погиб из-за выброса атмосферы.

Раб с вычищенными мозгами докладывал
спокойным, монотонным тоном, как будто
обсуждал что-то не более досаждающее
чем

изменения в погоде.

Цгеон мельком увидел рваный металл
там, где должен был быть нос "Беллуса",
куски обшивки и раздутые вакуумом
трубы вытекали

оттуда во тьму.

Внутри него росла ненависть, капитан
собрал каждую последнюю часть

наступательной способности корабля
вместе и заключил их
в своем разуме.

Его обычно недвижимые очертания на
контрольном троне раскачивались туда
обратно, дергаясь подобно парализованной
жертве
от силы его гнева.

Странный, нечеловеческий шум разносился
из его вокс-кодера, странные рыдания
заглушали шум мостика.

Цгеон по собственной воле позволил себе
впасть в визжащие объятия черной ярости,
его разум разлагался перед безумием
расовой
памяти за тысячелетия.

- Убить их всех! - Трещал металлический
голос.

Терпение "Европы" подошло к концу и не
сдерживая ярость, она открыла огонь из
всех орудий в ее распоряжении,
перечеркивая

орбитальную дистанцию чтоб наказать
"Беллус" за вероломство его экипажа и

"Мизерикордию" за преступную стелость
пятнать
костос Императора.

В свою очередь, боевой корабль Хаоса
исторгал черную ярость на Кровавых
Ангелов, изливая ее во тьму, пока пустота
не загустеет
от радиации.

"Беллус" находился между ними,
набрасываясь на всех сразу, безумный,
раненный зверь, остро чувствующий боль и
запах смерти.

Флагман Аркио был пойман
перекрестным огнем и попал в адский
ураган.

В абсолютном безмолвии костоса,
"Беллус" взорвался, распадаясь на огромные
осколки стали, его термоядерный реактор
на

мгновение превратился в новое солнце.

На планете ниже, его смертельная
вспышка потерялась в густых облаках.

ПРЫЖКОВЫЙ ранец Рафена заглох
когда он все еще находился в тридцати

метрах над землей, его завертело и он
рухнул вниз, как

будто был сделан из свинца.

Ударив сжатым кулаком по зажимам на
поясе, он почувствовал как от него
мертвым грузом отделился ранец, и
освобожденной от

ноши он превратился в волчок, пробиваясь
через изъеденные веками балки чтоб с
костедробительным грохотом упасть на
землю.

Кольцатаи ряби от его падения разошлась
вода.

Поднимаясь с колен, Рафен прищурил
глаза против резкого ветра.

Он рассматривал внутренности церкви,
боясь того, что он может там увидеть.

И там он увидел.

Пришпиленный к камню, подобно тому как
гигантский коллекционер демонстрирует
редкого мотылька или бабочку, Аркио
лежал с

торчащим из него Копьем Телесто.

Вокруг его брата распространялась аура

цвета осени, совершенно неземной золотой свет.

Оберегая поврежденную ногу, Рафен медленно пересек неф и подошел к Аркио.

- Брат...

Рафен задохнулся от изумления, несмотря на такие жестокие раны, Аркио все еще со свирепым упорством цеплялся за жизнь.

Рука его брата сжимала древко копья, обжигающее сияние сжигало его плоть.

Аркио, кажется, не замечал боли.

- Брат, - повторил Рафен, ища в лице родного брата следы порчи.

Аркио казался таким же сломанным как и разрушенный пейзаж города-святыни вокруг них, таким же пустым внутри.

Под его мраморной кожей все еще извивались черные вереницы ядовитых фүрүнкүлов, но его глаза...

его глаза принадлежали тому Аркио, которого Рафен запомнил в молодости, наивной и храброй душой, которая давала ему силу и

преданность.

В них было такое страдание, которое Рафен видел только в глазах грешников и изменников преступивших закон Инквизиции.

Раньше Рафен никогда не расспрашивал об этом, но теперь он видел его таким, каким он был.

Сожаление, столь мощное и столь разбивающее сердце, что эмоции едва могли сдерживаться человеческой волей.

- Что я натворил? - Отрывистым голосом сказал Аркио, смотря на своего брата. -

- Я нарушил все клятвы и обещания...

Я повернулся спиной к тому, кто я есть и отдался пустоте...

Он дрожал и стонал.

- О, Господь Император, я предал все что было дорого для меня.

Его ненависть и гнев утихали и Рафен нашел только один ответ в отдающем эхо бездне своего сердца.

- Да.

Тугение коня тязко усилилось и совпало с

затүхающим ритмом второго сердца
Аркио.

Паузы между ударами становились все
длиннее пока жизнь утекала из него на
катни и в воду.

- Я был слаб...

- утүдрился выговорить он, -

я дүмал я смогу защитить себя от того
чтоб... - он слабо указал рукой и его крылья
дернулись в ответ, - сойти с пути...

Мое высокомерие...

Я...

Я верил что я был...

верил в это...

- Прости меня, Аркио, -

сказал Рафен, бесшүтно капали слезы,
прочерчивая линии на темных,
измазанных кровью и сажей, щеках.

- Прости меня, что меня не было рядом с
тобой, что не уберег тебя от этой порчи.

- Нет, -

шептал Аркио, -

это не твоя вина, брат.

Я несү это клеймо...

Он загрожал, с его губ сбежала кровавая
слюна.

- Моя ошибка.

Я был слаб...

- Аркио, нет...

Ты был...

человеком.

Он выжал из себя слабую улыбку.

- Не бойся, Рафен.

Это наша сүдьба.

Мы оба видели ее.

Рафен задохнулся.

- Ты знал что пагешь от моей рүки?

- Да.

И так оно и произошло.

Его сломанные пальцы пробежались по
грудной пластине Рафена и дотронулись
до его щеки.

- Ты будешь оплакивать меня? Это все
что я прошу, брат.

Император проклянет меня за мое

безумие и я прилѣ это без колебаний...

Но ты...

Я прошу, прости меня.

Я раскаиваюсь, Рафен.

Пожалуйста, прости меня, брат мой.

- Я прощаю тебя, Аркио.

Клянусь могилой нашего отца.

Аркио в последний раз с благодарностью слабо кивнул.

- Этого милосердия мне достаточно.

Его глаза затрепетав закрылись и конько утолкло.

Преклони колени, Рафен стоял, казалось, вечно. Ни один звук не долетал до его слуха, за исключением грома и дождя, в нем не

осталось никаких чувств, кроме глубокого отчаянья от утраты.

Наконец его сердце до краев наполнилось тучительным раскаянием, Рафен поднялся на ноги, держа на руках тело своего брата, от

вытащил из тела Святое Конье и

устроил за плечом.

Теплый, сладкий свет копья освещал дождь вокруг него и он высоко поднял Аркио.

Казалось он так мало теперь весил, как будто ноша нечестивых изменений утекла из тела вместе с пролитой кровью.

Вблизи Рафен увидел огненные искры болтерных выстрелов и ветер донес до него стрельбу, крики и псалмы Несущих Слово.

Лицо Кровавого Ангела озарилось трагичной решимостью и он двинулся к сражению.

Не оставив позади себя ничего, кроме своих сомнений.

Глава тринадцатая.

Любопытно, думал Мефистон, насколько ход времени становится эластичным в агонии боя.

Он пронзил Несущего Слово и солдатилота перед собой одним стремительным ударом мыслеклинком Витарус, силовой меч

порывом синего пламени уничтожил их

обоих.

Смахнув останки прочь, он нахмурился.

Как долго он уже сражается? Над головой
ревел грохот грома, предшествуя зарнице,
которая осветила корчащихся бойцов на
площади.

Дождь барабанил везде, стывая кровь как
врагов, так и союзников, взбалтывая
кирпичную пыль и грязи на земле в грязно
коричневое болото.

Библиарию было сложно сказать точно,
как долго бьётся битва; каждый удар
меча и болт, казалось, живет в своем
собственном, маленьком измерении, одно
единственное мгновение в огромной
какофонии зверской резни.

Минуты, часы...

Могли пройти дни, Лорда Смерть это не
волновало.

Здесь он был в своей стихии, машина
разрушений, наполненная святыми целями.

Он услышал крик человека, внезапно
прерванный треском раздираемой плоти и
сухожилий.

Мефистон развернулся, увидев золотой шлем почетной стражи Кровавых Ангелов - одного из лоялистов Аркио - отосланного в полет

ударом сержанта-ветерана, который сопровождал псайкера с "Европы".

Десантник пошатнулся, страхивая запекшуюся кровь забившую зубы его ценного меча.

Он увидел взгляд Мефистона и ответил на него трачным кивком.

Библиарию не нужно было применять свое психическое мастерство, чтоб прочесть мысли Кровавого Ангела.

Это было печальным, трачным делом, быть вынужденным поднять оружие против воинов, которые были твоими боевыми-братьями.

Лорда Смерть тошнило от того, что он и другие были вынуждены делать, и он проклял Аркио и Штеля за происходящее.

В галактике было достаточно предателей и изменников для уничтожения, но встретиться с воинами,

которые охотно предали свои

клятвы Данте и Ваалу ради какого-то юнца обманщика, это изнуряло и наполняло Мефистона ненавистью.

За каждого заблудшего Кровавого Ангела, которого он убил, псайкер возносил короткую молитву Золотому Трону.

Он не прощал этих людей за заблуждение, вместо этого он считал их преступниками, ползающими у ног Ратиуса Штеля, зодчего всего этого безумия.

Однако его судьба решится этим днем, Мефистон поклялся, что проклятый глупец Еретикус не покинет Сабием живым.

Сержант отступил на десяток шагов, чтоб перезарядить болтер, перед тем как снова открыть огонь по толпе беснующихся фанатиков.

- Ба!, - Сплюнул он, убивая точными выстрелами в голову троих человек.

- Эти дураки не знают значения слова

"отступить".

Мы выкашиваем их как пшеницу и они все равно прут.

Мефистон шагнул вперед, Витарус обрывал жизни взмахами яркой мощи.

- Пшеница не остеливается выступить против косы.

На каждого Воина Перерожденного, втоптанного в грязь или землю, находились еще двое, отчаянно желающие встретить славную

смерть во имя их мессии - или были просто настолько омерзительны, что их это не волновало.

Тут и там он видел сплоченные, тренированные подразделения Несущих Слово, и тех, кого он не видел, он слышал, их терзкие

демагоги извергали панихиды и нечестивые песнопения восхваления

Мальстрема.

Десантники Хаоса обрушили свою ярость на Кровавых Ангелов, атакуя как воинов Мефистона, так и сторонников Аркио,

игнорируя

илотов, если только люди по своей
глупости не влезали на линию огня.

- Красные враги, красные союзники, -
проворчал ветеран, -

Кто из них враг, Лорд?

- Все, - ответил псайкер, сжигая еще
десяток заблудших душ визжащим
плазменным пистолетом, -

это не битва, это хаос.

Технодесантник Мефистона пробирался
через трясину трупов и утирающих,
спотыкаясь в лужах глубиной по
щиколотку.

Он убил илота, вооруженного только
заточенным гаечным ключом, пробив его
грудную клетку и отбросив мертвое тело
в сторону.

- Лорд, - позвал он приближаясь, -

Лорд Мефистон.

Из середины толпы врагов на них
обрушился точный, прицельный болтерный
огонь, оттуда, где Несущие Слово
согласовали свои

действия.

Библиарий кинул в ответ мощью "Сокрушения", психическое торнадо распорол площадь, чтоб расчлениить их.

Технодесантник сторгнул остаточное свечение взрыва и дерганно поклонился.

- Мой Лорг, у нас осталось только два "Грозовых ястреба" и ни один из них не может взлететь.

Несущие Слово шестью отделениями прижимают их.

Я заметил там Разорителей, хотя они еще не предпринимали попыток уничтожить транспортники.

- Они хотят захватить корабли.

Какие новости с орбиты?

Стрельба отвлекла внимание всех троих и они открыли ответный огонь в группу пилотов, вооруженных гражданскими охотничьими лазганатами.

- Связь в лучшем случае неустойчива, - продолжил Кровавый Ангел, -

Высокий уровень радиации в ионосфере

препятствует точным вксл передачам.

- Радиации? - Прорычал сержант.

Откуда?

- "Беллус" уничтожен, лорд, -

бесстрастно ответил Техногесантник, -

Обрывочная вксл передача с "Европы",
кажется, подтвердила что корабль
лоялистов уничтожен в ходе
перекрестного огня между

нашей баржей и "Мизерикордией".

Мефистон сердито покачал головой.

- Какая утрата.

Какая глупая, бессмысленная утрата.

Техногесантник указал на сигнал,
сложные ряды глифов данных и
предупреждающие руны пробежали по
скользкому от дождя

экрану аппарата.

- На земле они превосходят нас числом.

Расположение сил лоялистов слабое, но с
подкреплением из Несущих Слово, они
превзойдут нас силой.

К его удивлению, Лорд Смерть принял эту

страшную информацию с хладнокровной улыбкой; он был невозмутим и не поддавался предсказанию сенсора.

Наоборот, он, кажется, ожидал этого.

- Когда "Беллуса" не стало, мы можем забыть о подкреплении с "Европы", - прорычал сержант, страхивая с визора капли дождя, -

у них будет полно забот с кораблем Хаоса, они даже не рискнут подкинуть нам еще воинов.

Здесь мы остались сами по себе.

- Как это и было всегда, -

добавил Мефистон, -

да будет так.

Нсайкер переключил управление в воротнике своего нависающего капюшона и заговорил в один из черепов цвета кости, который

украшал защиту горла и в котором прятался вокс-модуль.

- Кровавые Ангелы, сосредотачивается! -

Резко приказал он, команда разнеслась по

наушникам каждого воина с "Европы", -

Отменяю ваши предыдущие приказы
сдерживать этот сброд.

Вступайте в схватку и чтоб не остался
стоять ни один враг.

- Да.

Да, - пришло в ответ по всем каналам.

Мефистон кинулся в толпу, оставив
позади пригорок из мусора и камня
который он защищал, чтоб глубоко
увязнуть в запекшейся
крови противников.

Он продемонстрировал острые клыки и
горящие глаза, когда смерть опустилась
вокруг него, красными потоками
раскрашивая воздух.

- Терра и Бог-Император, -

выдохнул ветеран, наблюдая как
Библиарий крошит неосторожных врагов.

- Он не человек, он шторм из клинков.

В ДРУГИХ местах толпа, неразбериха
схватки двигалась и перемещалась подобно
вирусу, поглощая тех, кто пошел вместе с
потоком

армии и убивая тех, кто пытался пойти против.

Делос брел через океан злобных лиц и рыдающих раненных, все они сливались в один бледный поток призраков, их взгляды устремлялись в серые, бьющиеся небеса, оплакивая их "Благословенного".

Капеллан двигался среди них черной, сияющей тенью с ухмыляющимся черепом-маской.

Они вздрагивали и отскакивали от крозиуса, когда он помахивал им перед ними, некоторые автоматически преклоняли колени

перед иконой Сангвиния, другие шипели от боли, как будто ее вид резал глаза.

Слабое гребезжание над головой выдало пролет металлического серво-черепа и Делос понял, что он близко.

Там, в нескольких метрах на гребне оседающих каменной возвышенности стоял Инквизитор Шмель.

У его ног, дрожащий от влаги и накрытый плащом туда-сюда раскачивался

лексмеханик, постоянно бубня бесконечную
последовательность слова на тысячах
гвалектах Империи.

Ветер на мгновение изменил направление
и Делос услышал обрывок его болтовни.

... демоны, даннавик, дориус, геленз,
горкон, демон, десенекс, дайниказ...

Серво-черепу постоянно описывали вокруг
него орбиту, иногда делая паузу, чтоб
выпустить лазерный выстрел в цель,
которая, казалось, угрожает Шмелю.

На расстоянии вытянутой руки рядом с
ним была так же его женщина, черты ее
лица скрывались под объемным
капюшоном.

Крой ее одежды был похож на одежду
астронавтов, но она была далеко не одной из
них.

Делос не был проклят варп-зрением
псайкеров, но оно ему и не нужно было, чтоб
уловить в девушке вонь эмпирей.

Он встряхнул головой, чтоб выкинуть
этот тошнотворный запах из головы.

Странно, что он никогда раньше не

замечал этого за ней.

Твердо сжав свой крозиус арканум, Делос был вынужден забраться на возвышенность, его устешка маски-черепа была похожа на устешку Штеля.

- Инквизитор, - потребовал он, - именовем Благословенного, я требую отчитаться о ваших действиях.

Штель дугой выгнул бровь.

- Канеллан...

Делос, не так ли?

Он стахнул капли дождя с лысины.

- Оставьте меня.

Я должен подготовиться...

- К чему? - Заорал Делос, поражаясь своему собственному напору. -

Скажи мне, что мои глаза обманывают меня! Скажи мне, что это был колдовской трюк Мефистона!

- О каких мелочах идет речь? - Возразил Штель, его внимание было где-то в другом месте.

Он взглянул на Улан.

- Мальчик, мальчик! Где он?

Нсиведьма покачала головой, ее разум раскалывался от острой боли.

- Тяжело...

- Я видел тебя и Несущего Слово.

Во вспышке молнии, Делос увидел на лице Штеля какую-то тень; не призрака или привидение, а дымку из пересекающихся и пересекающихся линий.

Восемь, расположенных кольцом стрел.

- Это правда, - сказал Делос, - ты разговаривал с совращенным!

Штель построил гримасу и взглянул на него.

- Сначала Сахиель и теперь ты? Этот конфликт требует от меня слишком многого.

Обстоятельства выходят из под контроля...

- Предатель! -

Заревел Делос, поднимая для удара крозиус.

- Пусть лучше так, чем глупец.

Штель поднял руку и толп давления ударил Делоса в грудь, отталкивая его назад и выбивая из рук силовое оружие.

Воздух вокруг него стал сухим и маслянистым, дождь с шипением отскакивал в сторону.

Невидимые усики психической силы наматывались вокруг Канеллана и проскользнули в зазоры между молекулами его брони, чтоб

дотянуться до его кожи.

- "Кривая дорожка", -

сказал Штель, зловеще ухмыляясь стоящему на коленях Кровавому Ангелу, -
пройдишь по ней, Делос.

Пройдишь.

С его разума как будто содрали кожу и Делос завопил, царапая шлем, пытаясь вырвать это из головы.

Канеллан видел как его мир разрывается на части; он видел отражение своей жизни, как он оставляет свою преданность

Императору

(я никогда этого не сделаю!), как он

убивает Данте и сжигает города Баала
(Нет! Нет! Это не правда!) как он
безжалостно смеясь

отвергает все и впадает в объятия Хаоса
(Нет!).

Шмель прекратил ментальную атаку и
плюнул на свою корчащуюся жертву.

- Никогда не сомневайся во мне, -
прорычал он.

Инквизитор схватил руку Улан и рывком
подтащил ее к себе.

- Я еще раз спрашиваю! Где Аркио?
- Мертв.

- завывая ответила она.

Лицо инквизитора стало пунцовым от
гнева.

Он шевелил челюстью, но не мог
произнести ни слова.

Злость лишила его дара речи и вместо
этого он сжал кулак и тыльной стороной
ударил рабыню-псайкера.

Улан споткнулась и упала на колени,
канюшон слетел с ее головы на плечи.

Ее бледная и безволосая макушка с
окисленными медными гнездами неярко
блестела.

Над головой крошечными взрывами
хлопнули серво-черепа.

В раздражении Шмель несвязно заревел,
мускулы на его шее собрались в тугие узлы.

- Что за бесполезный, тупой игуот.

Мало было принять дар, который я вручил
тебе, он должен был похоронить себя в этой
роле.

Он дернул себя за кожу лица, едва
сдерживая в себе бушующий гнев.

- Все разрушено этим жалким щенком.

Мои планы пошли прахом, мое
величайшее представление уничтожено
его высокомерием!

- Но...

именно поэтому я его выбрал...

Улан выплюнула кровь и кусочки разбитых
зубов.

- Вам требовался воин, который мог быть
Сангвинием...

- Мне требовался подставной лидер! -

рычал Штель, - Яркий, символический мессия, а не трун.

Улан покачиваясь встала на ноги.

- Возможно вместо этого из него выйдет мученик...

- Мученик...

Инквизитор шепотом произнес это слово, озарение охладило его пылающую ярость.

- Я не проиграю сейчас, понятно? - Рычал он, -

Не сейчас, не в момент моего величайшего триумфа.

Я сделал это своим проектом - привести этих урогов Астартес под Стяж Изменяющего и я не отрекусь!

Штель сбросил с плеч боевую накидку из шкуры грокса и кинул ее на землю, вытягивая свой изящный лазерный пистолет из спрятанной кобуры.

- Планы нужно ускорить.

- сказал он, -

обращение не может ждать! Оно должно
произойти здесь и сейчас!

- Но мы не готовы.

Он проигнорировал предостережение Улан
и вжал дуло пистолета в ладонь.

- Открой свой разум Повелителю Злобы,
ведьма.

Приведи его.

Приведи его сейчас же!

Штель дернул спусковой крючок и
пистолет прожег горящую дыру в его
плоти, испаряя три пальца и поджигая
манжет.

Инквизитор заорал и сжал свою
покалеченную руку, заставляя бьющую
фонтаном кровь из разорванных вен
разбрызгиваться

тайным узором, который он знал
наизусть.

Геометрические элементы нечестивого
круга сошлись даже когда он перестал
лить кровь.

Улан затешилась.

Штель проинструктировал ее насчет

ритуала, который откроет канал в мир
Малфаллакса, но теперь, когда этот
момент пришел, она
осознала что боится.

Нси-ведьма была рабыней с самого
рождения, потом лабораторным
экспериментом, и в ее характере не было
неповиновения, и все
же она упиралась исполнить самый
опасный приказ.

Штель обернулся к ней и увидел в ее
глазах нерешительность.

Инквизитор зарычал и схватил ее за робу,
подтаскивая к себе.

Окровавленная рука схватила ее за шею.

Она почувствовала как теплая жидкость
ритмично выплескивается на ее кожу.

- Господин, нет...

она угрозила слабо сопротивляться.

- Открой путь, -

заорал Штель и толчком руки вознал
свои разогранные пальцы в плоть у
воротника Улан.

Ее бледная кожа заколыхалась подобно
воде и Штель соединил ее своими
колючими пальцами с ее костями и
хрящами.

Первый и последний раз в своей жизни
девушка сопротивлялась.

Это мало что изменило, когда
инквизитора своими целыми пальцами
дотронулся до ее щеки, кончики согрели
фальшивые шрамы, которые прятали
пятна контактов из пси-настроенного
металла.

Улан не могла кричать, не могла дышать,
она могла только стоять и пытаться не
утереть пока Штель использовал ее как
линзу для

своего собственной психической силы,
увеличивающую его темную волю, чтобы
прорезать путь в корчащееся ядро Глаза
Ужаса.

ВНУТРИ не-пространства
материума, ожидала тварь
Малфаллак, паря и кружа вокруг
развращенного Штеля на подобие морского

хищника, почувшшего несчастную жертву.

Невидимое жителям материального мира, пространство варна постоянно окружало их, слой нереальности окутывал грязную, грубую

материю их неполноценных миров.

Формы живых существ, названных созданиями Хаоса, в их очень ограниченном восприятии полной вселенной, роились и

процветали в бесконечном океане эмоций и мыслей.

Демон двинулся к Штелю.

Ожидая, ожидаю и наблюдая за моментом, когда добыча будет максимально грозить и метаться.

Только тогда он ударит, доводя до абсолютного совершенства его страх, погружая в него раздирающие клыки, разрывая в клочья его душу.

Теперь добыча обратилась к нему, через канал уродца мутанта, созданного наукой бога-трупа.

Его инструмент Штель молил об
отравленной руке помощи Малфаллакса.

Демон варна подгазничал себя ожиданием
сбвиза; это было несчастным случаем, когда
зверь мог найти для себя достаточно
крепкий

сосуд, чтоб содержать в нем свою
сущность больше чем на несколько часов.

Большинство существ из плоти в другой
реальности были конструктами из легкой
материи, мокрого, слабого мяса.

Они сгорят или раздуются или взорвутся,
если Малфаллак вложит в них хотя бы
частичку самого себя - но он тяжело
трудился чтоб

подготовиться к этому дню.

Малфаллак, Монарх Злости, Церофант
Злоключений, был утомлен частичными
появлениями, оживляя бездушное или не
разумное, чтоб удержать призрак его
полной и ужасающей мощи.

Он хотел свободно войти в человеческую
реальность и кровавым ужасом окрасить
ее в красное.

За завесой Малфаллак скучал по этому чувству; пришло время возвратиться.

КРИК, который издала Улан был звуком, который никогда еще до сего момента не воспроизводил человеческий голос.

Он звенел по всей площади города, заставляя мертвые небеса Сабиена исходить гноем, вбивая хладное острие ужаса во всех живых

существ, которые услышали его эхо.

Штель отошел от трясущегося тела психиатра, сочащаяся из его искалеченной руки кровь обернулась вокруг предплечья подобно

красной перчатке.

Штель вскипел от безумного смеха.

- Он идет! - Орал инквизитор, в его груди слышалась безумная стесь восторга и совершенного ужаса.

Когда внутри церемониального круга забурлила и вскипела пролитая кровь и грязь, Штель приветствуя раскинул руки.

- Или ко мне, Рожденный-в-Пустоте! Прими форму и внемли мне.

Черно-коричневая слякоть под его ногами
колыхалась и взбиралась сама на себя,
принимая очертания громадной фигуры.

Выросло какое-то подобие лица и фигура
указала на Штлея, из дытящихся
отверстий исходило горячее, с медными
запахот, дуновение.

- Сссссссссслуга.

Улан не могла видеть, несмотря на кровь,
текущую из ее медных коннекторов на
черепе или слезати сочащуюся из глаз,
рушей и

носа, но она знала где было существо.

Платенеющая мощь его сердца, подобно
сверхновой горела в ее пси-чувствах.

Улан изо всех сил пыталась отойти, вся
ее оставшаяся рациональность потонула в
примитивном желании сбежать.

- Поидет, демон, - выкрикнул Штель
очертаниям из грязи, -

Стань со мной свидетелем этой победы.

Прими форму и освободи Путь
Изменяющего.

Кровавые Ангелы обернутся во славу

Сзинча, они познают и будут чтить его, как я всегда это делал.

Он ткнул своей искореженной рукой в трясущуюся девушку.

- Наполни этот сосуд и пойдем дальше!

Улан споткнулась и упала, грязь засасывала ее, не давая ей встать.

Слабым жестом отказываясь, она покачала головой.

- Нет.

Тон был подобен слизи на мокрой скале.

Влажной волной, раствор ожившей грязи кинулся вперед, но не к Улан.

Он полз вверх по ногам Штеля и пригвоздил его к месту, извиваясь вокруг него подобно жидким змеям, заполнял его одежду.

Инквизитор пытался закричать, но как только он открыл рот, кровавая масса заливала его и он тонул в густой жиже.

++Твоя награда ждет тебя сейчас++, сказал Малфаллак, каждое его слово было психическим взрывом, ++ ты не будешь иметь

власть над людьми-добычей, не будешь богатым и могущественным, как тебе было обещано.

Ты познаешь мое великоление.

Ты понесешь мою сущность, станешь моей опорой и представителем во плоти. ++

Улан чувствовало ужас Шмеля, беззвучные крики, когда демон силой вселялся в инквизитора, превращая тужчину в безвольный сосуд для его раздутой психической сущности.

С такой же силой, как она ненавидела этого злобного мерзавца, в ней сейчас вспыхнула жалость к человеку, который будет

поглощен своим демоном-господином.

Предательство и злость, страх и ужас столь сладкие, что забывали глотку своим послевкусиет; эмоции заливали этот дергающийся

мешок с костями.

Демон не дал своей марионетке ни шанса облечь в слова свои ощущения, пока тот

утирал, вырывая осознание из разума Шмеля.

Теперь он был не более чем падалью: его планы стали планами Малфаллакса, его великие схемы - крошечными головоломками для увеселения Повелителя Злости.

Так что только Улан стала истинным свидетелем смерти Инквизитора Ратиуса Шмеля, его плоти и силы, его разума и души.

Она слышала как та разорвала эфир и поняла ее острый как бритва, след.

Пси-ведьма невнятно забормотала и заплакала, разбитая своей непосредственной близостью к произошедшему.

Демон потянулся к окружающему мясу, медленным и целенаправленным движением выпустил тупацию на свою новую органическую оболочку.

Извергая мертвую грязь, в которой он недолго пребывал, Малфаллак принял

нечестивый облик, который носила вся его
родня, как

клеймо верности восьмиконечному пути.

Кости Штеля изменялись как пластилин,
сжимались и раздвигались.

Бледная человеческая плоть заблестела и
окрасилась буйством оттенков, вспыхивая
радугами, подобно пойманному призмой
солнечному лучу.

Лицо выдвинулось вперед, превращаясь в
крючкообразный клюв с глубоко
посаженными глазницами, горящими
разрушением.

Прозрачные перья прорвали остатки
униформы Еретикус и огромные
израненные крылья вырвались из оков кожи.

Крючья и когти украсили существо и оно
протяжно и медлительно зевнуло.

Глядя на человеческий мир из-за своей
новой оболочки из материи, Повелитель
Изменений посмотрел на сжавшуюся Улан
и решил

что проголодался.

Черные, зазубренные когти схватили

женщину как пинцетом и поднесли ее к злобному клюву, когда деформированный голос залаял

о новой, свежей крови.

Малфаллак ел свою пищу и изучал безумную битву, бьющую вокруг него, размышляя о том, где бы начать.

ДЕЛОС с ужасом смотрел.

Поначалу клерик думал что это еще один ментальный фокус, который Шмель наслал на него, но вонь изменчивой, волокнистой

твари подсказал его чувствам, что это чудище было реальным как барабнящий дождь и холодная грязь.

Его крозис пропал, потерялся и был сломан, но у него все еще оставался его болтер и клинок.

Делос достал их обоих, пробежав пальцами по литании напечатанной на ствольной коробке оружия.

Он дошел до последней гравировки, которая описывала его клятву верности Аркио.

- Теперь это все ложь? - Вопросил он у стремительно бежавших облаков. -

Я проклял сам себя?

После сегоднешнего дня Делосу больше нечего было вырезать.

Капеллан сторгнул дождевую воду с глаз и прыгнул на демона, выкрикивая имя своего примарха.

Настешливым жестом Малфаллак склонил голову на бок и развернулся, чтобы предстать в своем величии перед фигурой в черном.

Он встал на что-то мокрое и хрупкое, горячая жидкость была струей у его когтистых ног.

Демон посмотрел вниз, страхивая кровь и куски органов.

Лекстеханик Штеля был слишком медленным чтоб вовремя убраться с дороги и теперь раб-переводчик был настой из костей и металла с грязью.

Выстрелы Делоса попали зверю в шкуру и Малфаллак проглотил боль от них, как

какое-то редкое лакомство.

Демон развернул свои пальцы с когтями в сторону Капеллана и произнес слово богохульных сил.

Перед его рукой, подобно окровавленной ране, открылся разлом и вперед струей ударил росчерк розоватого огня, охватывая Делоса.

Клерик завопил когда розовое пламя окружило и стало пожирать его, прожигая его траурную силовую броню.

Лорд Изменений оставил его кричать и утирать в грязи, широко шагая прочь в поисках другой добычи.

Малфаллакс дотянулся до разряженной пустоты в груди, его рука исчезла по запыстье.

Она вернулась держась за рукоятку и медленным, осторожным движением демон достал оттуда заточенный клинок, сделанный из

костей мертвецов и твердого призрачного вещества.

Люди дали название таким мечам - они

называли их варп-клинки, полу реальная конструкция, существующая наполовину в эмпиреях, чистые воронки мыслеформ, сотканные в смертельные клинки.

Малфаллак проверил оружие Хаоса, почувствовал его вес, оценил радиус действия.

Удовлетворенный, он поднял меч и погрузил его в массу убегающих солдат-рабов, взмахами меча, растворяя их тела.

Клинок колебался и задыхался от удовольствия.

- ИМПЕРАТОР сохрани нас, - прошипел сержант, -

меня блевать тянет, от одного его вида...

- Что эта за тварь такая? - Добавил Технодесантник.

- Порождение Тзинча, - ответил Мефистон.

Нсайкер чувствовал края сферы агонии, созданной варп-клинком, его глаза не могли сфокусироваться на пламенеющих очертаниях

меча, его зрение соскальзывало с

нечестивой геометрии.

- Повелитель Изменений, -

он ударил по черепу медальону у горла и выдал приказ.

- Перегруппируется.

Сконцентрировать огонь на твари...

Приказ Кровавого Ангела заглушил визжащий треск, исходящий из толпы вражеских сил.

Лорд демонов нарисовал темные руны в воздухе и исторг поток холодного огня на площадь.

Воины, пойманный белым ядром пламени, были мгновенно испарены, исчезая пепелом.

Кого задели края взрыва и те которые наткнулись на него, были ослеплены и обезумели от боли; на периферию опустилось

проклятье в виде тумаций, у них спонтанно росли новые конечности, разрывая или сжимая униформу.

Мефистон видел как несколько воинов предпочли убить себя, чем принять вид своей пульсирующей плоти.

Костодесантники утирали на конце десяти метрового теча монстра, добавляя свою темно-красную жидкость в болото из крови

глубиной по щиколотку.

Варп-клинок оставлял после взмахов небольшие разрывы в ткани мироздания и из дыр появлялись твари, грожащие от голода.

Похожие на блюдца, с их ресничек капали токсины, уродцы-диски варпа кидались на раненных и утирающих как стервятники.

Воодушевленные своими новыми союзниками, Несущие Слово кинулись вперед, разбрасывая в стороны или убивая затешавшихся

десатников лоялистов.

Мефистон встретил их поющим о смерти Витарусом, казня и разваливая, его плазменный пистолет шипел, раскаляясь от выстрелов.

Предатели сталкивались со сталью и утирали, но в первые как он прибыл на Сабием, Лорд Смерть отступил, когда

вражеская атака

обернулась рубиновыми тисками.

- Mbl в центре урагана, -

пробормотал Туркио, - нас поймала буря.

Он снова выстрелил в толпу Несущих

Слово, которые вели по ним огонь

укрывшись за остовом дымящегося

"Грозового ястреба", выстрелы летели

мимо солдат-илотов, которые, казалось,

не обращают внимание на перекрестный

огонь.

Он укрылся чтоб перезарядиться и Брат

Корвус занял его место, стреляя по его

целям.

- Клянусь жизнь...

я в затешательстве...

Что мы тут делаем?

- Пытается выжить, -

резко ответил Корвус, убивая Несущего

Слово выстрелом в голову.

- Трош нам цена, если умрет.

- Но Благословенный...

где он? Аркио покинул нас?

- Нет! - Корвус равкнул на своего боевого брата, но по правде говоря его разум заполнял точно такой страх.

- Он...

должно быть сражается где-то в другом месте.

- Где? - Потребовал ответа Туркио, пробиваясь, чтоб снова вступить в бой.

- Этот день превратился в сүмасшествие.

Наш ненавистный враг возник из ниоткуда, демоны обрели плоть...

Аркио пропал и мы сражаемся со всем что движется.

Он схватил Корвуса за руку и посмотрел ему в лицо.

- Я больше не знаю кто я такой! Кровавый Ангел? Воин Благословенного? Предатель или лоялист? Тут ничего нет кроме смерти, нет ответов...

Болтерный огонь от Хаоситов выграл кусок от их укрытия и оба десантника бросились в сторону, когда за этим последовали

выстрелы лазпушки.

Туркио перекатился в грязи и понял что смотрит в небо, в бесконечную завесу барабнящего по ним серого дождя.

Его разум застилали опасения.

Внезапно показалось, что все, что произошло с Кибелы можно подвергнуть сомнению.

- Сангвиний сохрани нас, что нам уготована за судьба?

- Смотри.

Корвус указал на разрушенную башню давню погибшего кафедрального собора, на одно из немногих строений, которые все еще

возвышались над землей.

Там возвышалась человеческая фигура, стоящая под каменным куполом на разбитой горгулье.

Молния осветила его очертания и цвета - Кровавый Ангел, держащий в руках мешанину из золотой брони, бледной плоти и белых

перьев.

РАФЕН взглянул вниз на поле боя и
наполнил свои легкие влажным,
металлическим воздухом.

Когда он заговорил, его голос разнес ветер,
эхот отражаясь в вокс каналах каждого из
Астартес на земле.

- Кровавые Ангелы! - Ревел он. -

Сыны Баала, услышьте меня.

Ложь развеяна, наше искаженное будущее
уничтожено.

Знайте это, братья.

Нас предали!

Битва продолжала бушевать, но голос
Рафена все равно достигал каждого
уголка, даже шлоты и враги
разворачивались, что
услышать его.

- Во всех нас, в наших сердцах течет
кровь Сангвиния, -

взывал Рафен, -

каждый воин из нас, в каком-то маленьком
уголке своей души Чистейший...

Но наш прародитель, наш господин и

основатель...

Он мертв!

Слова с грохотом разносились по небесам.

- Сангвиний стал прахом, прошли тысячелетия, не осталось ни костей, не сердца, только кровь! Сангвиний умер от руки

ненавистного Хоруса, он был уничтожен клинком Хаоса!

Из глоток всех Кровавых Ангелов донесся злобный, утробный рев, от суровой правды Рафена, во всех как один вспыхнуло неистовство.

- И теперь архивраг ищет пути, чтоб обратить всех нас, втянуть нас в богохульное поклонение ложному идолу...

Он высоко над толпой поднял тело Аркио.

- Узрите.

Смотрите на то, что было сделано! Мой родной брат, мучировал и был исковеркан рукой предателя...

Голос Рафена задышался от эмоций.

- Они заставили его думать, что он

Перерождение Чистейшего...

Они заставили нас поверить.

Но он был совращен, отравлен, стал
заложником Шмеля! Демон, который
расхаживает среди вас сделал это,
поэтому мы будем

слепы, слепы следовать в бездну.

Ветер донес до Рафена хор отказов,
полных боли отрицаний от воинов,
которые увидели ложь, которой они
присягнули.

- Узрите истину! - Заорал Рафен. -

Узрите падение моего брата.

Он наклонил труп Аркио за край и
позволил гравитации отобрать у него
крылатое тело.

В одно мгновение ужасающей тишины,
только дождь продолжал шелестеть пока
күвыркаясь и хлопая разбитыми крыльями
летел

мертвый воин, чтоб упасть изломанной
күчей на ступени собора.

ТУРКИО погнул к телу и повернул лицо
Аркио к себе.

От ужаса он шарахнулся и споткнувшись
отлетел в сторону.

- Что ты увидел? - Спросил Корвус, его
сердца затерли в груди.

- Гибель, -

мертвым голосом ответил Туркио, -

Гибель и проклятье.

Наш мессия почернел от лжи, брат...

Рафен не врал.

- АРКИО мертв! - Разносился крик с
башни, -

Мой брат был уничтожен за эту ложь и
она умерла вместе с ним!

Рафен вытянул Копье Телесто и позволил
золотому свету затуманить небеса над
ним.

- Во имя Святого Копья, отриньте вашу
ущербную преданность Аркио и вспомните
настоящего повелителя, Сангвиния.

Он указал оружием на битву и
почувствовал как оно с охотой потеплело
от силы.

- Узрите врага среди нас и уничтожьте

220.

НА СТУПЕНЯХ, Туркио отошел назад и
завопил в небеса.

- Да.

Да.

Я отрекаюсь от Перерожденного.

Я Кровавый Ангел!

Боевой брат перепрыгнул через
потрескавшиеся катки и кинулся в толпу
илотов и предателей.

- За Императора и Сангвиния!

Корвус проревел тот же клич и
последовал за ним на площадь, лоялисты
Аркио отбросили свое ложное преклонение,
обжигающая

мощь копья разорвала покров
замешательства, наведенный Хаосом на
их умы.

ГНЕВ Малфаллакса проник в разум
Магистра войны подобно раскаленной до
бела стреле, нить психической связи
между ними была

столь сильна, что убила двух младших
Несущих Слово, стоящих позади Принца

Колдуня.

- Гаранг! Человеческое отродье, нелепое
орудие теперь хладный кусок мяса! Ты
обещал мне что эта детально
проработанная возня
будет успешной!

Командир Несущих Слово взглянул в
сторону шаркающего ногами Лорда
Изменений, стоящего далеко, через поле
боя, и
поклонился.

- Это из-за глупости Штеля, великий
церофант.

Я пытался контролировать его интриги,
но его тщеславие все сгубило.

- Я поглотил его плоть, -
ответил Малфаллак, -
я знаю о его целях.

Этот день все еще может окончиться
победой для нас и ты все еще можешь
обернуть Кровавых Ангелов на
удовольствие нашему
хозяину.

- Простите меня, ваше превосходство, но как? Мальчишка мертв, этот Кровавый Щенок не поведет нас во тьму.

Психический слух ударил по его чувствам.

- Ты видишь только битву, Гаранг.

Есть другой путь.

Понимание затопило Магистра войны.

- Недостаток.

Генное проклятье Баалимов.

- Дааааааа, -

пробормотал дэмон, -

я вкусил его на Кибеле через своих связанных пси-рабов.

Мы колдовством вызовем его в этих глупцах и позволим ему поглотить их - и когда они погрязнут в черной ярости, я поведу их к

водоему крови, от которого они никогда не смогут сбежать, в самое сердце Мальстрема.

Гаранг кивнул, напуганный такой жестокостью.

- За вашу славу, Лорд Малфаллакс.

ОНИ расступились, когда Рафен вышел из
внутреннего двора собора к месту, где
лежало тело Аркио.

В его бронированном кулаке сияло копье,
как в тот день на "Беллусе", когда свет их
прародителя коснулся ко всем душам на
борту.

Нежно, он помертвевшим саваном завернул
мертвое тело в сломанные крылья, воины
Мефистона взирали в молчании.

Рафен встал, обнаружив рядом с собой
Старшего Библиария.

Лорд Смерть протянул ему на открытой
ладони инжектор из толстого стекла.

- Твои раны серьезны, брат, -

сказал Мефистон, -

Прими это.

Сам Корбуло дал мне его.

Он даст тебе силу богов.

Рафен сжал сосуд с собранной кровью и
развернул его своими пальцами.

Внутри блестела густая, тяжелая кровь,
собранная из Высших Сангвинарных
Жрецов Оргена Кровавых Ангелов.

Как только кровь стекает с кровью Рафена, сущность Сангвиния станет еще сильнее в его венах.

Мефистон кивнул в сторону тела.

- Пришло время отомстить за него.

- Пришло, -

согласился Рафен и одним стремительным движением воткнул иголку в свою грудь и выпустил содержимое в свое сердце.

Глава четырнадцатая.

Четыреста лет ландшафт тира-святыни Сабиена не слышал людских голосов, опустошенные руины слышали только жалобный плач

ветра, который гонял пыль и дождь по улицам и открытому пространству.

По своему, Сабиен был скорбным близнецом Кибелы, планетой сестрой на расстоянии световых лет в сторону ядра галактики.

Оба тира были надгробием для павших и по обоим бежала темно-красная жизненная жидкость как Астартес, так и

Прегателей.

Судьба, если таковая существует, начертала Рафену и его братству круговой путь.

Их путешествие во тьму началось среди надгробных плит и мемориалов и здесь и сейчас подходило к концу в том же антураже.

Сабин познал на себе необузданную страсть и ярость Сынов Сангвиния века тому назад, когда давно умершие сражались и убивали, что уберечь эту планету от легионов врагов Бога-Императора.

Это мощь опять пришла на безмолвный мир, восстав против грома грозových облаков ослепляющей волной благородного гнева.

Кровавые Ангелы не просто атаковали, они на поле боя взорвались волной освобожденного неистовства, красная волна воинов

погрузилась в ряды Несущих Слово и обезумевших солдат---иломов.

Они кинулись в схватку, отвергнув относительно безопасный дистанционный бой, бросая предостережения ветру в разрушительных песнопениях и боевых кличах.

Нечестивые гилны десантников Хаоса потонули в энергичном реве их оппонентов и тогда массивное столкновение двух сил было

подобно молоту и наковальне.

Метал о метал, цепной меч о керамитах, болтер поражает плоть, шипящий треск лазерного огня и крики.

Чудовищные, заставляющие затереть сердце крики.

Все это сошлось в оркестре спущенной с цепи войны.

Земля грожала от устрашающей, выпущенной в свет кровавой бойни и разрушения.

Кровавые Ангелы вернулись на Сабием и темно-красный ад шагнул вместе с ними.

ТОЛЬКО в суровом испытании ближнего боя воин по-настоящему мог понять себе

цену.

Ничего такого не было, когда стоишь в стороне, в кокпите истребителя или позади дула огромной пушки, когда нажимаешь кнопку и

смотришь как вдалеке облачком дыма испаряется враг.

Как вообще костогесантник может когда либо познать силу своего сердца, кроме как став лицом к лицу со своим самым

ненавистным врагом и отняв у него жизнь, глядя ему в глаза? Какая истина была сильнее, чем окончательный момент расплаты, когда оружие встречалось с оружием и толчки выпущенной крови воспевали свою симфонию?

Мефистон знал это: это была величайшая слава существования Лорда Смерть, рвать сбившихся с пути и хулителей в клочья.

Он был на самом острие атаки красного кератита наступления Кровавых Ангелов, прорубаясь через ряды Несущих Слово и илотов, которые остелились напасть на

возвышающихся над нити десантников.

Псайкер убил мужчину, простого человека, чей разум был испорчен демагогами Хаоса, убил своим суровым, твердым как сталь взором.

Излишний выброс "Ускорения" Мефистона отбросил несправедного глупца и остановил его сердце, разрывая кровеносные сосуды во всем солдате рабе в грубой мантии.

Горячая жидкость забрызгала мускульную броню псайкера и капли попали на его щеки.

Мефистон стер их со своего бледного, болезненного лица и слизнул кровь с пальцев.

Это было самым великолепным вином, со снопьяняющей красной выдержкой, наполненное горячим адреналином.

Над тонкими губами Кровавого Ангела выступили клыки.

Внезапно его затопило предвкушение, еще, еще, еще! Он отбросил в сторону мертвого воина и нарезал влажными штрихами

Разорителя Хаоса, разрубив пополам гуло

лазнушки, которую он нес и врезаясь в
бледно-белое мясо на шее Предателя.

Нисходящий удар силового меча не
остановился там, голубая молния
втыкалась и отплевывалась частями
тела, рассекая его на
неровные куски.

Из зияющих пустот, разрезанных ил
густыми, маслянистыми фонтанами была
черная жидкость.

В целом это был совершенно другой
розлив, вульгарный от тысячелетнего
загрязнения, воняющий и гнилой.

Позволить этой выпивке коснуться своих
губ...

От самой этой идеи Мефистофелю стало
тошно.

Через упавший труп предателя в
рубчиновой броне подскочили еще Воины
Перерожденного.

Они все как один отбросили свою
преданность Аркио, когда крылатая,
золотая фигура была продемонстрирована
мертвой, их

слабые, маленькие утишки обратились к
восьмиконечной звезде, как к новому
спасителю.

Они были такими жалкими и
отчаявшимися.

Мефистон издал клич ненависти и
ударил Витарусом.

В его гневе было специальное место для
слабых верой и трусов; эти несчастные
обычные люди были трижды прокляты в
глазах

Лорда Смерть.

Они позволили чтоб их мир загноился от
вторжения Несущих Слово, и не хватило
даже силы духа остаться верным свету

Императора, когда далее Шмель сделал
из Аркио мессию и теперь они с
готовностью бежали в объятья Хаоса,
когда ил раскрыли

эту ложь.

Это отребье Шенлонга было подобно
слобленному ребенку, которого так часто
били злобные родители, что они стали
верить что

это проявление любви.

Другой человек возможно бы нашел в своем сердце жалость к ним, но оба сердца Мефистофа до краев были наполнены только яростью.

Он убил их всех, разрезая и полосая мечом, хватая тех, кто не убежал от него, свободной рукой, чтоб вырвать глотки.

Он пил из их вен, чтоб насытить хищника внутри себя.

В своем безумстве псайкер видел, как его братья костогесантники делали тоже самое, раздирали и разрывали, сжигали солдат

Хаоса на месте, поглощали горячую, вскипающую кровь из визжащих лакеев.

Темные и мощные тизмы окутали Мефистофа, затуманивая его рассудок даже когда рос его гнев.

Он чувствовал как красная жажда манит его, раскрываясь чтоб наполнить битву темно-красной гыткой.

Черная ярость хлынула внутрь, кипящая и

разъяренная и военачальник Кровавых Ангелов откинул свою голову и со стехом заревел.

Она захватила Мефистона.

ОСТАТКИ наполовину съеденного трупа вертась пролетели по воздуху и тяжелой кучей рухнули рядом с воронкой от бомбы, где

увязли Туркио и Корвус.

Корвус отшатнулся, сделав пару выстрелов из болтера, едва взглянув на тело.

Когда Туркио изучил труп, его кишки скрутило.

Подобно створкам какого-то экзотического моллюска, броня Кровавого Ангела была взломана и счищена, чтобы открыть тясистые

внутренности, которые она защищала.

Жидкий раствор из расплавленных костей и сжиженных органов сочился из дыр где должны были быть руки и голова.

Там где тело превратилось в закуску остались подтеки желеобразной слюны и

отметины зубов.

Влажная, кровавая отрыжка заставила Түркио обратить внимание на край кратера и там он увидел раздувшиеся очертания

Малфаллакса.

Выплывая неповрежденное бедро человека из своего широкого рта, он смотрел на него с бессердечным презрением.

Свеже усвоенная плоть мертвого десантника пузырилась на поверхности тела существа, сливаясь с доспехами из блестящей кожи.

Лорд Изменений колыхался подобно нефтяной пленке на воде, неподвижные радужные оттенки гипнотически мерцали.

Түркио яростно заморгал, чтоб избежать этого завораживающего очарование.

Малфаллакс ковырялся в роще серповидных зубов в своей мутировавшей пасти.

- Волокнистый, - сказал он, фыркая в

сторону отброшенного трупа, -

Старый и безвкусный.

Тварь тизнув посмотрела на Туркио.

- Ты будешь лучшим уловом.

Кровавый Ангел не стал обмениваться любезностями с адским отродьем даже в самой оскорбительной манере и вместо этого

выстрелил, болтер тяжело застучал в его руках.

Малфаллакс зарычал и сплюнул когда несколько выстрелов попали в цель.

Он двигался с неестественным изыщством, перетекая в воздухе, а не просто шагая сквозь него, сливающимся танцем мерцаая среди

постоянных потоков дождя.

- Шмель! - Выплюнул Корвус, внезапно опознав какую-то спутную деталь в облике, все еще явную в трупной коже, которую носил

демон.

- Ты овладел им.

- Он хотел этого, -

парировало существо, шлепком откидывая
в сторону упавшую металлическую
подпорку.

- Умбицил желал познать варн...

и мой рог это варн во плоти.

Существо ущипнуло растяннутую кожу на
лице, тахая ею как гротескным вторым
подбородком.

Туркио и Корвус отреагировали не
задумываясь, открыв концентрированный
огонь чтоб прижать чудовищного зверя
между ними, но

демон издал крик полный иронии и
позволил своим крыльям летучей мыши за
спиной поднять его.

Он пытались ограничить его выстрелами,
но Малфаллак снова стесался и сливался
с дождем, всегда появляясь точно в том
месте, куда не попадали болт-снаряды.

На его груди запылал зеленый овал с
желтым диском в центре; дар богов, Глаз
Сзинча вырос подобно живой электро-
татуировке и и

через него существо увидело сплетение
времени.

Малфаллак увидел достаточно в
сложном переплетении судьбы, чтоб знать
куда будут стрелять костодесантники,
чтоб то тут то

там сворачивать, избегая обжигающих
снарядов.

Это было все равно что стрелять в дым.

Оружие Түркио опустело и он развернулся
к укрытию, но зверь был уже там,
развернув свои когти, размером с клешни
огненного

скорпиона.

Он ударил его ногтями, Түркио отлетел в
своего боевого брата и они оба упали в
доходящую до щиколоток трясины.

Малфаллак в восхищении крикнул и
хлопнул в ладоши, волнуяще человеческий
жест для чего-то столь чуждого.

Демон с легкостью мог ударить с
убийственной силой, разорвав Түркио и
сожрав его, но это было бы слишком
быстро, в это было

недостаточно изыщества.

Малфаллак полюбил чувственные ощущения своей новой оболочки из плоти и он хотел наслаждаться столько, сколько сможет.

Он открыл несколько ртов на израненном лице и на груди, и все они заговорили одним и тем же высокомерным и пугающим голосом.

- И где теперь ваш ангел, человеческая добыча? - Настежался он.

- Здесь! - Закричал Рафен, стоя на краю кратера, его обрамляли его потоком синего и белого света.

Десантник направил Святое Копье, держа его протянутой рукой.

С кончика исходил густой пар от крови Несущих Слово, древко дымилось выжигая сразу десятки трупов Хаоситов, которых оно уже

истребило.

Малфаллак заметил Копье Телесто и издал атональный вопль.

Даже близости к освященному устройству археотехнологии было достаточно чтобы разъярить демона.

- Ты отобрал у меня шанс отомстить твоему лакею, тразь варна, -
прошипел он, - так что я отплачу тебе тем же образом.

Рафен закрутил копьё над головой и прыгнул, превращая себя в стрелу, нацеленную в черное, бьющееся сердце архидемона.

Со скоростью атакующей панцирной змеи, Малфаллакс поднял свои лапы с когтями чтобы защитить себя, поймав древко копья когда

оно подлетало к его груди.

Вырезанный Сангвиний впился в его пальцы, но безрассудный полет Рафена завершился внезапным, встряхивающим рывком.

Копьё вырывалось вперед из хватки демона, готовое пронзить кожу тутанта, но существо упорствовало.

Рафен крутанул оружием и кончик лезвия

в форме капли крови поцарапал священный
глаз как клеймом выжженный на груди
Малфаллакса.

Глаз Тзинча потек розовой жидкостью и
лопнул как пузырь, вызвав убийственный
рев демона.

Игнорируя жгучую боль в теле,
Малфаллакс твердо схватил копье и
встряхнул золотой шест.

Еще до того как Рафен успел разжать
хватку, Лорг Изменений хлопнул его в
грудь.

Копье Телесто ужалило его золотым
огнем за его злобу и демон снова завизжал,
отбрасывая святое оружие в трясину.

Рафен пополз за ним, пока зверь хныкал,
жалобно облизывая хрустящие останки
своей руки.

Туркио возился записывая последний
магазин в разъяренный
патроноподаватель болтера и развернул
дуло на монстра.

Его внимание было отвлечено Рафеном,
он был развернут незащищенным боком к

костюгосантнику и ослепленное клеймо
оставило

существо без второго зрения.

Там где выстрелы попали, раскаленные
болты распустили бутоны солоноватой
крови.

Омертвевшая кожа отошла от
желтеющих костей, который стали
хрупкими благодаря стремительной
мутации и из того, что некогда

было животом Рамиуса Штеля появились
кольца серого кишечника.

Малфаллак дернулся и кинулся вперед,
инстинктивно фокусирую внимание на
новом источнике боли.

Розовый огонь вращался вокруг раненной
клешни, другая конечность подняла
вонящий костяной меч и клинок варпа
опустился

переливающейся гудой.

Призматическое сияние было по-своему
красивым явлением с его вечно
изменяющимся мерцанием и оно
пригвоздило Туркио к

месту своим величием пока острое оружие не развалило казенник его болтера и не отхватило правое предплечье.

Кровывый Ангел от болевого шока отлетел назад, сакральная и освященная икона его болтера была мгновенно уничтожена и его

обрубок руки извергал струи кроваво-красной жидкости.

Рефлекторная реакция спасла его так как Малфаллак попытался раскролсать его следующим нисходящим ударом ногтей.

Лана оторвала наплечники Туркио и разорвала его броню почти до живота.

Крепка рука отдернула его назад.

Корвус тащил Туркио за шейную защиту панциря, одновременно стреляя поверх своего спотыкающегося боевого брата в наступающего демона.

Малфаллак жевал болтерные снаряды, которые попали в его, выковыривая расплющенные вольфрамовые горбики из дыр на груди.

За его спиной возникло какое-то движение и зверь вытянул свою удлиненную шею, чтоб посмотреть за крючковатое плечо.

Рафен поднялся из грязи держа обоими руками копые и ударил в выставленное демоном бедро.

Искрящийся клинок погрузился в плоть и вывернул ее наружу.

Личинки и корчащиеся неземные паразиты высыпались из разреза.

Малфаллакс плюнул и снова обратил свое внимание на Рафен.

- Все еще живой?

- Живой, -

устехнулся Рафен и снова ударил, разрезая шкуру существа.

Демон парировал выпады взмахами своего уродливого меча и пошел вперед, тяжелые копыта взбивали собравшиеся в кратере лужи.

Рафен видел как Корвус вытаскивает раненного Туркио из ямы и кивнул ему.

Зверь увидел это и захихикал.

- Ты упорный, человек, я допускаю это, но тогда собачье упрямство черта всего рода бога-труна.

Горячее дыхание паром клубилось из его рта.

- Ты сопротивляешься изменению пути и за это ты будешь уничтожен.

Рафен налетел на него атакуя, наконецник копья исполнял сложный танец с алчущим варп-клинком, с диким ударом хлопая у ног демона.

Он блокировал каждый выпад, каждый раз стараясь поймать оружие Телесто зубцами, которые покрывали режущую кромок меча.

Десантник направил все свои старания в копье, позволяя тому превратить в продолжение его рук, глядя за вершину мерцающего

лезвия в форме капли и выискивая только те точки где демон истекал кровью и ихором; но он все еще веером крутил варп-клинок, заворачивающие дуги разных

цветов превратились в купол безумной расцветки.

Он орудовал копьем точно так, как его учили на площадках крепости-монастыря, блокируя, париря, наступая, прыгая, взмахивая, но ничего не выходило кроме поверхностных ранений монстра.

В его бронированной хватке, чистая энергия копья гудела и пульсировала внутри резного древка и золотой поперечной гарды, пульсируя мощью каждый раз, когда он резал Малфалласа — но оно все еще не отвечало ему так, как его брату Аркио.

Был момент, на крыше разрушенного собора, после того как он сбросил тело Аркио в толпу под ним, когда Рафен думал что Святое

Копье было готово открыть ему свои секреты.

Оно сияло в его руках, освещаю мир вокруг него.

На мимолетное мгновение Рафен познал возбуждающую связь с Копьем Телесто,

блудило точно так же как Аркио, как и сам

Лорг

Сангвиний во времена древней битвы с
Моррогом.

Но он исчез так же быстро, как вспышка
толщи в серо-стальных небесах над
головой.

Копье было превосходным оружием,
совершенно сбалансированным и столь
острым, что могло разрезать волос вдоль,
но пока он не

мог открыть его потаенную мощь, оно
оставалось всего лишь реликвией.

Как? Он требовал ответа у самого себя.

Как я могу открыть копье своей волей?

Аркио изменился за гранью нормальности
и сам Чистейший...

Никким образом Рафен не мог сравнивать
себя с Ангельским Сувереном.

Он парировал еще один дикий поток
ударов от демона и один из них был
слишком быстрым чтоб увернуться от
рассечения силовых

кабелей на его ранце.

Он почувствовал ледяной холод, когда
сверх охлажденная жидкость ударила
струей из его поврежденного ранца.

На спине и на бедре Рафена
сформировались наросты изморози, делая
костяк и плассталь хрупкими.

Демон прорвался через упавшую каменную
колонну чтоб схватить Кровавого Ангела
и тот уклонился буквально на расстояние
вытянутой руки.

Рафен сердито выругался, наполовину
разозленный на себя, наполовину
наполненный адреналиновой ненавистью к
Малфаллаксу и

отхватил кусок кожи с плеча зверя,
заставив того отшатнуться.

Он выпустил поток светло-вишневого
пламени из руки, розоватый огонь
разрушил камень до шлака, который
медленно стекал на

землю подобно животу существу.

Искра сильного гнева наполнила
решиность Рафена и он снова атаковал
и копье ответило ему, внезапно помогая

ему в нападении, следуя за силой его
мускулов.

Быстрые, крошечные золотые искры
погнались друг за другом по всей глине
древка.

Внезапное понимание встряхнуло его
гнев! Генное проклятье было ключом! Взор
Малфаллакса в будущее был ослеплен, но
зверь

все еще знал как играть на арфе судеб.

Все подчинялось движению невидимых
струн, которые тянулись от рождения и до
смерти, из прошлого в настоящее; они
тащили

все живое и сущее как непокорных
марионеток.

Это человеческое существо, этот
Кровавый Ангел так же зависел от
милости сложного механизма судьбы как и
звезды в небе, падающий дождь, восход и
закат солнца Сабиена.

Лишенный болезненного гара своего
хозяина, взор Малфаллакса на судьбу
человеческого щенка был затуманен, но он

знал что

было множество исходов, где Рафен будет
убит и погибнет, намного больше тех, где
он одержит победу или станет
поклоняться

Хаосу Негелимоту.

Демон знал как сражается десантник, он
забавлялся с ним и наблюдал за его
движениями.

Он видел нерешительность в его выпадах,
сопротивление копы в его руках.

Рафен не мог с легкостью обращаться со
стерпелым, пагубным и омерзительным
копьем - так что Малфаллак использует
это

против него.

За мимолетное мгновение
нерешительности Рафена, существо
поймало оружие в зазубренную нишу варп-
клинка и крутануло.

Уродливый меч свистнул и оставил
зарубки на пространстве-времени,
дернувшись назад и вверх, вытаскивая
Копье Телесто из

схватки шокированного Рафена еще до того как тот смог отреагировать и остановить это.

Малфаллак отбросил его назад ударом розового огня и откинул Святое Конье в сторону.

Вращаясь оно отлетело во влажную жижу и начало погружаться.

Кровавый Ангел терзаемый адским огнем запылел, услышав шум вокруг себя.

Звук окутывали место схватки в воронке волнами, вопли утирающих слезивались с выстрелами, грубым грохотом снарядов и кощунственными боевыми молитвами.

- Бедный противник, -

прогрохотал дэмон, -

такая ограниченная забава.

Может быть колдун Мефистон будет лучшим соперником, или даже твой никудышный Лорд Данте...

Подобно потоку из слотанной дамбы, Рафена затопила злость.

- Ублюдок Хаоса, я задую тебя за такие слова.

- Чем? - Потребовал он ответа, -

Давай, маленькая человеческая добыча, атакую тебя зубами и ногтями, если веришь что это сделает твою смерть более значимой.

С безумной скоростью, подобно ртуту, Малфаллакс мерцая переместился к нему.

Варп-клинок крутанулся в его захвате и пальцевидный камень тяжелого эфеса ударил его в лицо, рассекая кожу и вызывая яркий

фейерверк боли в голове.

Рафен отшатнулся и упал.

Зверь приблизился.

Он возвышался над ним, загораживая огни бесчисленных выстрелов и белую пелену измученного неба.

Обожженный, воняющий мясом коготь вжал Рафена в грязь, сдерживая его там, чтоб демон мог прикончить его огнем окончательным взмахом своего костяного мечка.

- Копье отвергло тебя, - хихикал он, дергая его голову в пузырящейся грязевой луже.

- Ты погвел свой Орген, Кровавый Ангел, точно так же как и твой трусишка братец.

Давление вытягивало воздух из груди Рафен и вместе с ним последнее, полное искреннее отрицание.

- Нет, - прошипел он, собирая внутри себя пламенеющие угли кровавой ярости.

- Нет! Нет!

Во время своей службы Агентс Астартес, Рафен сдерживал внутри себя черную ярость, держал в узде красную жажду, ни разу не

позволял им сокрушить его твердый, несгибаемый самоконтроль; теперь он дал им столь желанную свободу, выпуская зверское

безумие, мрачнейший секрет Кровавых Ангелов.

Красная жажда развернулась внутри него бурей кипящего темно-красного, туман безумной жажды крови опускался на десантника.

Изначальная мощь его притарха

мгновенно разгорелась в его венах,
генетический код Сангвиния набух от
сверхъестественной
силы.

Безрассудный коктейль из крови
Астартес и мощный поток энергии из
погарка крови Лорда Смерть слились в
Рафене, наполняя его

яростью, которая сверкала
неограниченной, изначальной ненавистью.

Канаты судьбы раскручивались перед
Малфаллаксом, вращаясь и лопаясь перед
его ослепленным ментальным оком.

Невозможно!

Рафен заревел и откинул хватку зверя,
разбивая на осколки огромные как ятаганы
когти и разрывая на лоскуты покрытую
струньями
кожу.

Он двигался как разгневанная,
неудержимая красная пуля.

Дух десантника погрузился в бушующий
вокруг него океан и там он нашел
блестящий маяк Святого Конья.

Из под слизи грязевого болота, копьё вылетело к нему, пересекая дистанция к его ожидающей руке за один удар сердца.

Золотое пламя, молнии ослепляли подобно кускам солнца, вырванным с небес и собранным в пустом сердце клинка в форме капли.

Оружие пробудилось, бьющийся пульс священного копья вкусил святой гнев Рафена и признал его истинным.

Малфаллак ракетой кинулся на него, держа перед собой варп-клинок, раздирая реальность светло-вишневыми сполохами огня; он

бросил завесу "кривой дорожки" на Кровавого Ангела, но каждая атака трепетала и утирала перед славой Копья Телесто.

Демон увидел как его дорожка-судьба изогнулась в чёрную бесформенность и заревел от отчаянья.

Вспыхнул поток злобного огня и на мгновение побитая схваткой тёмно-красная броня Рафена стала золотой,

увенчанная крыльями

из белой стали.

Самое праведное воздаяние их прародителя
взирало льгисто-голубыми глазами
Рафена и несло возмездие в сердце
отрогья Хаоса.

Конь Телесто пробило грудь
Малфаллакса и погрузилось в корчащуюся
тонь распадающейся плоти.

Рафен давил вперед, с силой разрывая
клинком кишки зверя, вверх через сгнившие
легкие и органы, протыкая иссушенное
черное
сердце.

Рев зверя вознесся к небесам и тем не
менее Кровавый Ангел продолжал,
вдавливая древко оружия в утирающего
врага пока капля

не вырвалась из спины Малфаллакса, теж
его свисающих, обескровленных крыльев.

- Я...

бессмертен! - Пробормотало существо, -

Ты не можешь убить гитя варна.

- Узыди, - Сверкнув клыками заревел

Рафен, -

Твое проклятое царство ожидает тебя!

- Ааааааа... - Смертельный крик
исходящий из десятка настей

Малфаллакса оглушал, -

- Ты не победил, -

плевались некоторые из них.

Твоя ярость будет твоим концом...

- Утри, - заорал Рафен, последним
окончательным толчком разрезая связь
демона с его плотским сосудом.

Росчерки шипящей эктоплазмы взорвали
тело Штеля, разрывая кровавую дымку
воздуха и вспыхивая исчезали; блестящие
лохмотья

эфирной варп материи не могли
выдержать даже секунду постоянства
человеческой реальности, взрывались и
испарялись, с визгом

унося ткань разрушенного сознания зверя
обратно, в безумие илматериума.

Тело мутанта застыло порошкообразным
черным изваянием, поймав копые внутри
деформированной статуи.

Рафен вырвал копье и оно разгорелось в его руке, испустив ударную волну жара, который стер пепельный силуэт.

- Подожди, -

закричал он, внезапная тень страха накрыла его, но было слишком поздно.

Подобно торнадо из гвоздей, черный пепел взорвался в разные стороны превосходным, концентрическим кругом, каждая крошечная

частица загрязненной сущности несла в себе рожденную в пустоте неприязнь Губительных Сил.

Волна безумной ненависти пронеслась через Рафен и подкинула его в воздух.

Волна злобы окатила всю площадь, касаясь каждого Кровавого Ангела на поверхности Сабиена, вырывая из них тонких слой

человечности, портя костомодесантников.

Благородные черты и высшая честь Сынов Сангвиния улетучилась перед безумием, которое превратило их всех в зверей.

Эхом разнесся стех Малфаллакса когда

это смертельное проклятье выявило
безумие Недостатка во врагах и воины
пали перед

ужасной хваткой красной жажды.

ЭТО БЫЛО не сражение, это была резня.

Среди бури дождя и раскатов грома, воины
утирали десятками от безумства
Кровавых Ангелов.

Все еще бьющиеся сердца вырывались из
грудь воинов илотов и давились как
созревшие фрукты, нектар из тяжелой,
артериальное

крови истекал в раскрытые, голодные
роты.

Кровавые Ангелы выгрызали глотки
трунов, темно-красные клыки
захватывали подбородки и шеи, лая и рыча
друг на друга подобно

шакалам, дерущимся за свежую пагаль.

Озера жизненной жидкости вытекали на
площадь, обогащая влажный воздух своим
ржавым, металлическим запахом.

Кровь, кровь и кровь; и не было ей конца,
потоки густой красной жидкости

выравнивали грязь у ног сражающихся.

Неправедные воины рабы были не единственными кто пал перед яростью сошедших с ума Астартес; Несущие Слово шокировано

утолкли, прекратив свое нечестивое веселье, когда Сыны Сангвиния, отбросив все предосторожности волнами обрушились на них.

Благословенные Лорзаром столкнулись с врагом, который сейчас мало чем отличался от неистовства природы, с живой, дышащей

бурей из воинов без страха и сожаления.

Кровавые Ангелы были берсеркерами. духами алого уничтожения который не щадили и не просили пощады.

Магистр войны взгнал адские болты в тела внавших в ярость Астартес в красной броне, но снаряды с черепами на конце мало что

могли сделать с обезумевшим приливом.

Кровавые Ангелы с оторванными конечностями и вырванными кусками

плоти продолжали реветь в безумстве боя,
свет

человечности внутри них погас из-за
прощального подарка Малфаллакса, из-за
губительной волны ненависти.

Принц Колдун Хелики видел такое
поведение на поле боя и раньше, но ни разу
от человеческих врагов.

Во время набегов и вылазок в Глаз Ужаса,
где Несущие Слово сталкивались с
другими последователями пути
восьмиконечной

звезды, Гаранг был проклят неудачей
сражаться рядом с Пожирателями Миров.

Безумцы в культуре психотиков, банды
берсеркеров, убивающие как союзников так
и врагов в их бесконечной жажде
возложить

череп на Трон Черепов Бога Крови.

Магистр войны видел тут и там такой
же характер безумия среди легиона
Астартес, разгыл резни ради резни.

- Они дерутся как сам Кхорн, -

проскрежетал один из лейтенантов

Гаранга, -

я никогда не видел ничего подобного...

- Я видел, - сплюнул Гаранг и зарычал от гнева, -

варн поberi эти испорченные интриги.

Этот демон ублюдок сбежал с поля боя.

Гимны из Нечестивых Книг превратились в булькающие крики, когда дикая атака Кровавых Ангелов коснулась рядов Несущих Слово

и начали разрываться шеи.

Гаранг в ярости наблюдал как отделение, лично выбранных им новичков утирает от прилива красной брони, падая подобно срубленным деревьям.

- Лорг.

Лорг! - Кричал голос и он взглянул вниз со своей выгодной позиции на боевого жреца, пробивающегося к нему через схватку.

- Лорг, завеса закрылась для нас!

В своей ярости Гаранг сграбастал Несущего Слово и поднял его до уровня глаз.

- Говори проще, идиот.

Десантник корчился в его руках.

- Наши призванные существа закончились,
Лорд.

Все демонаформы, которых мы призывали
для битвы упали замертво.

- Малфаллак, -

Гаранг отпустил боевого жреца,
проклиная имя Лорда Изменений снова и
снова.

- Этот тлетворный дух.

Это его рук дело!

- Но как? - Потребовал ответа
лейтенант.

Гаранг махнул рукой вокруг.

- Он вытянул свою сущность, когда телес-
ность было уничтожено и вместе с ней всю
варп-материю с поля боя.

Ничего не осталось.

Мы попали в штиль, потеряны для
судовения эмпирей.

Он отпихнул военного жреца в сторону и
ухватился за своего лейтенанта.

- Наша битва здесь окончена.

Собирается.

Собирается!

- Лорды, вы же не имеете в виду...

- Отступление? - Слово прозрело,
сорвавшись с его губ, -

Безумцев не остановить нашей группой,
идиот.

Он сорвал жезл маяка телепорта с ремня
десантника.

- Мы уходим.

- Нет, - пробормотал военный жрец, его
тыл захлестнул благоразумие, -

Всегда вперед, ни шагу назад! Это кодекс
Несущих Слово.

Мы не отступаем.

Гаранг зверски ударил его и откинул в
сторону.

- Дурак! Оставь этих урогов самих себе и
кого они будут убивать? Друг друга.

- Нет...

Магистр войны вдавил активационный
глиф и почувствовал как к нему
протянулось теплое покаяние

телепортеров

"Мизерикордии".

Его последним деянием на Сабиене был выстрел в ногу военного жерца, он оставил его там для безумцев; достаточное наказание

для того, кто остелился перечить Принцу Колдуну.

МЕФИСТОН не заметил исчезновение Несущих Слово.

Некоторые, кто был ранен или не был слишком быстро чтоб добежать до пылающих пузырей телепортационных полей, умерли как

только развернулись спиной к Кровавым Ангелам, их плоть и броня присоединилась к бесконечной кашице из трупов, которые затусорили разрушенную поверхность.

Возможно, в каком-то далеком уголке его черной как ночь души, в Мефистоне еще оставалась часть воина, который когда-то был

Братом Калистаром.

Этот крошечный фрагмент здравого

разума кричал и вопил, чтоб уменьшить
красную жажду, отчаянно пытался и
терпел неудачу

остановить головокружительный без
Мефистона в объятья черной ярости.

На Армагеддоне, Лорд Смерть
трансформировался после семи дней и
семи ночей борьбы с гонимым проклятием,
но теперь даже его

стальную волю захватила и поймала буря
кровавой жажды, которая наполнила его
душ.

Он не осознавал раскаленного оружия в
своих руках, только то, что он мог
убивать и убивать и убивать с его
помощью, неостановимый и разъяренный их
триумфом.

- Мефистон!

Это для него не значило для него,
теперь у него не было личности, только
все поглощающая ненависть.

- Мефистон, выслушай меня.

Отринь тьму.

Красные очертания появились в его

размытом взоре.

- Отринь ее!

С несвязным забыванием Мефистон опустил свой силовой меч на очертания человека, видя только пульсирующую плоть и слыша

только стук теплого сердца внутри.

Мыслеклинок Витарус встретился с жезлом из золотого света и намертво встал, мощь удара сотрясла Лорда. Смерть до самых пяток.

Сверкнули клыки, Мефистон нагавил на сияющую рукоять и впервые увидел, кто остелился бросить ему вызов.

Рафен держал поперек Святое Копье, мерцающее искрами, которые появились там скоблил меч Мефистона.

Зазубренный кончик клинка был у шеи Рафена и он почувствовал ледяной холод прикосновения кристаллинового лезвия к коже и

порез.

Кровь гесантника потекла по ключице и блеснула на кончике меча.

- Раааааааааа!

Во взгляде Лорда Смерть не осталось
ничего человеческого.

- Мефистон.

Конь Телесто защитило его, Рафен был
уверен в этом.

Когда ненависть Малфалласа
поглотила его боевых братьев, он один
сохранил свой разум нетронутым, теплое
прикосновение

коня очистило его взор от угнетающей
ярости.

Он один только мог остановить прилив
безумия, до того как его товарищи порвут
друг друга на части.

- Отойди от пропасти.

Во имя Сангвиния, отпусти свою ярость!

Золотой свет излился из коня и подобно
физическому удару поразил Мефистона.

Он отшатнулся, уронив меч, тусклый
блеск безумия спал с его глаз.

Везде вокруг него, рев от безумства и
убийств спал перед стремительным
шумом дождя.

Вода смыла пролитую кровь с лица и
орудия Библиария, когда он оторвал взгляд
от своих рук и посмотрел Рафену в глаза.

- Ты...

- По началу Мефистону было сложно
говорить, слова были жесткими и
тяжелыми для его затуманенного разума.

Ты отозвал меня от края...

Как?

Яркие цвета копья начали тускнеть,
становясь спокойными.

- Я не знаю, -

признался Рафен, -

я был только орудием.

Меня направляли...

Воин-псайкер страхнул тучительную
заразу жажды и закрыл ее глубоко внутри
себя.

Он наблюдал как Рафен изучает
утолкшее копьё, его бронированные пальцы
гладили очертания высеченного примарха.

Парня на одно мгновение коснулась душа
самого святого орудия и вместе с ней он

оттащил своих братьев с края убивающей
души
пустоты.

Хотя его выражение лица ничего не
выдавало, внутренне Мефистон изумлялся
силой того, кто был так благословлен
касанием
Чистейшего.

ЭПИЛОГ.

Небеса разразились рубиновыми каплями
когда спасательные корабли прорвались
через облачный покров.

Трачные лица костодесантников с
"Европы" рассказывали об их мыслях.

Они видели резню, учиненную на городских
улицах и не говорили о ней.

Никто из них не позорил своих братьев
спрашивая впоследствии что произошло
там, под покровом серых облаков в то
время как

боевая баржа и корабль Хаоса кружились,
обмениваясь залпами лазерного огня и
ракет.

Рафен наблюдал как Мефистон

принимает отчет сержанта ветерана с торжественной и серьезной миной.

Удачное попадание главных орудий "Европы" разорвало корпус "Мизерикордии" прямо к орудийному складу и корабль с красным

корпусом был стреножен.

Был момент, сказал сержант, когда произошло что-то странное с кораблем Несущих Слово; кодиции и Библиарии на борту "Европы"

завопили как один от шока чего-то ужасного, что резонировало от мира-святыни ниже, утечка черного и мощного зла.

"Мизерикордия" так же почувствовала на себе откат раскола в варне и на борту вражеского корабля утирали от боли существа когда

он проходил мимо.

Это было все что нужно было капитану баржи, чтоб усилить атаку, и вскоре Несущие Слово, гордые и высокомерные демагоги, которые клялись что никогда не

отступят, на самой большой скорости
сбежали с поля боя в сторону внешнего
кольца обломков.

С поврежденными двигателями "Европа"
не могла догнать судно Хаоса, так что
экипаж наблюдал как "Мизерикордия"
улетает в

чистый космос и уходит в фантазм,
похожих на череп, ворот в варп.

Рычащий лик висел во тьме несколько
долгих секунд и после чего исчез.

Рафен взглянул на тусклые небеса и
затем спросил Библиария.

- Это победа, Лорд Мефистон?

Лорд Смерть шел к ожидающему
"Грозовому ястребу".

- На сей раз, -

тихо произнес он.

ОНИ стояли на орбите еще одну неделю
солнечной системы, пока серфы Оргена и
контрактный экипаж ускоренно латали
"Европу".

Оперативная группа экспертов
костодесантников в вакуумном снаряжении

была отправлена в массив фрагментов,
которые

отмечали место inferнальной гибели
"Беллуса", озадаченные обыскать место
краху в поисках материалов,
интересных для

Органа.

Там они нашли несколько герметичных
аварийных модулей с паникующими
группами жителей Шенлонга, членов
тысячи Аркио, которые дрогнули когда
началась битва.

Кровавые Ангелы угостили их на танер,
которым почивали всех врагов Империи,
предложив выбор из болтера и воздушного
шлюза.

Большинство выбрало первое, стоя на
коленях и с плачем произнося имя брата
Рафена когда их в упор расстреливали
выстрелами в
голову.

Одна из других команд нашла модуль из
укрепленной стали из внутренних
"Беллуса" в котором размещались

прогеноидные

капсулы с корабля.

Многие клерики на борту "Европы" сошлись во мнении, что это геносетя было испорчено и пригодно только для огня в термоядерной печи, но Мефистон решил по-другому.

Жизненные органы были помещены в охраняемое помещение для путешествия на Ваал; только Лорд Командор Данте может решать

что делать с судьбой контейнеров с генетическим материалом.

Рафен раздумывал над этим и задавался вопросом.

Может душа его старого учителя Кориса все еще прячется где-то в этих прогеноидах? А что насчет Беннека, Симеона и других?

Будут ли они однажды снова жить или будут прокляты близостью восстания Аркио?

Кровавый Ангел преклонил колени перед маленьким алтарем рядом с центральным

нефом главной часовни "Европы".

Огромный зал был отражением линиями и формой зала на "Беллусе", хотя убранство, витражи и скульптуры у стен, да и мозаичный

пол были другими.

Будучи там, чувства Рафена странно раздваивались, это было почти как если бы он попал в параллельный мир, альтернативную

версию настоящего, где пути были другими и результат отличался.

Он услышал позади себя приближающиеся к нему шаги и поднял голову, на один головокружительный момент ожидая увидеть

подходящего к нему Аркио - не в виде золотого, крылатого аватара, но сильного, гордого десантника, которого он встретил на

Кибеле.

Мефистон замедлившись остановился и кивнул Рафену.

На псайкере в данный момент

отсутствовал боевая броня и вместо нее он был облачен в священную робу высшего командования.

- Брат, -

приветствуя сказал он.

В ответ Рафен медленно кивнул.

- Мой Лорг.

Он начал вставать, но Мефистон покачал головой и предложил ему остаться на месте.

- Что от меня потребуется?

Секунду псайкер молчал.

- Мы зализали свои раны, Рафен, своими собственными путями мы исцелились и двигаемся дальше.

Капеллан сказал мне что ты днями не покидаешь часовню.

- Нет, -

признался Рафен, -

я чувствую что это...

необходимо.

- Многие бы согласились.

После церемоний павших и ритуалов

очищения, твои боевые-братья говорили со мной о том, что необходимо вычеркнуть этот

прискорбный инцидент из наших хроник.

- Это было бы ошибкой, -

тихо сказал Рафен, -

сделать так, означало бы что мы ничему не научились.

Мефистон продолжил.

- Корабль готов к отлету и я приказал астронавтам проложить путь к Шенлонгу.

Это будет необходимо...

чтоб уничтожить любые оставшиеся следы еретических планов Штеля.

- Вы уничтожите тир-кузню, -

- это не было вопросом.

- Экстерминатус, - прошептал Библиарий, -

печальное, но неизбежное заключение.

Он поднял взгляд на алтарь в главной секции часовни.

Там лежало под магнитным полем Копье Телесто, сейчас затершее, но все еще

ослепительное, когда медленно вращалось
вокруг
своей оси.

- Я так же разделю эту судьбу? -
Спокойным голосом спросил Рафен, -
я не больше и не меньше заражен как и
люди на этой несчастной планете.

- Некоторые этого требовали, -
признался Мефистон, -
были голоса на Ваале, которые
советовали уничтожить тебя вместе с
выжившими лоялистами, собранными на
Сабиене.

Они боялись что ты пойдешь по тому же
пути что и Аркио.

Знание о том, что ты был способен
овладеть Святым Коньём...

- Ненадолго, Лорг.

Только ненадолго.

Нсайкер посмотрел на него.

- Действительно.

Но возоблагали разумные.

Твоя служба и почитание нашего Оргену,

тем не менее неортодоксальная, была
беспрецедентна.

Командор Данте назначил тебе
аудиенцию, когда ты вернешься в родной
порт, но до того как наступит этот день,
он оставил на твое

внимание твое повышение в знак
уважения твоей самоотверженности.

Командование полной ротой твое.

Ротой покойного Капитана Симеона,
Шестой.

Рафен выдохнул.

- С вашего разрешения, Лорд, я должен
отказаться от великой почести
Командора Данте.

- Ты отказываешься?

Он кивнул.

- Если я дослужусь до капитана, то сделаю
это по-своему.

Я не чувствую что заслуживаю это
звание...

пока что.

- Тогда что мне с тобой делать, парень?

Мне это не нравится.

Десантник поднял взгляд на Библиария.

- Тогда могу я попросить вас об одолжении?

- Говори.

- Я прошу о милосердии, лорд.

Будьте мягче и проявите сострадание к моим заблудшим боевым братьям, тем, кто невольно последовал за моим родным братом.

Он думал о Түркио и Корвүсе, которых привезли на борт "Европы" без боевой брони и в наручниках.

- Их единственная ошибка была в их слепой вере в Сангвиния.

Их веру обернули им во вред и злоупотребили ей.

Их нельзя винить в этом.

Мефистон подумал над его просьбой.

- Есть ритуалы очищения и покаяние, которые можно было бы использовать...

Они весьма тяжелы.

Многие не выживают.

- Они выживут, -

сказал Рафен, - и их вера после будет вдвое крепче.

Он поднялся на ноги и приблизился к алтарю.

Пока Мефистон смотрел, Десантник подошел к маг-полю и пробежался голой ладонью по древку копья.

Он на мгновение взял копье, еще раз ощутив в своих руках его вес.

Он встопорился в лезвие в форме капли - металл, казалось, убежал и перемещался в свете, сверкая кровью мертвых.

- Что ты видишь? - Спросил Лорд Смерть.

Рафен видел там темно-красное и знал, что это была кровь его родного брата, она блеснула, а затем пропала.

- Великий Ангел, услышь меня, - шептал он, -

Возьми моего брата Аркио к себе, приведи его по правую руку Императора.

Прости его безумие и прости мое.

Я утоляю тебя.

- он склонил голову, -

Моя жизнь и моя душа за Бога-
Императора, за Сангвиния...

За Кровавых Ангелов.

Он закрыл свои глаза и там, в глубинах
своей души, он почувствовал отпечаток
своего господина, нестыгаемый и яркий как
золотое
солнце.

ВО тьме, "Мизерикордия" прихрамывая
двигалась вперед, извергая газ и жизненно
важные жидкости в вакуум костюма,
медленно

истекая до смерти, как будто ее тихий
ход никогда не приблизит к Мальстрему и
ноше Несущих Слово.

Гаранг хлопнул по серватору-хирургу, который
занимался повреждениями на его
руке и встал.

Терзающие энергии корабельного
телепортера превратили конечность
Магистра войны в искаженное месиво из
костей и мышц.

Он уже убил ответственного за эту

ошибку раба, скортив его двухголовому
чудовищу, в которого превратились три
его лучших
десантника...

По крайней мере были до неудачного луча-
переноса с Сабиена.

К ногам Гаранга прижался персональный
вокс-сервитор.

Он позволил рабу оставить немного своей
личности, когда отбирал его для своей
свиты.

Для Магистра войны не было смысла
держатъ слуг, которые бы не боялись его.

- Что? - Потребовал он ответа.

- Сигнал из Глаза, ваше темнейшество, -
протрещал он.

Платенеющая пси-метка на сообщении
несла на себе отвратительный знак самой
грязной и ненавистной личности,

Разоритель
Миров.

- Аббадон, -

внезапно утомленно произнес Гаранг.

Он проигнорировал визг сервитора, когда открыто произнес имя Высшего Магистра войны.

- Конечно, -

Несущий Слово стаялся грубым, лопким голосом, -

И что я должен ему сказать? Скажи мне, маленький человек-раб, как я должен построить фразу, чтоб информировать Разрушителя, что союзники, обещанные ему для Тринадцатого Черного Крестового похода отказались? В какую сладкую ложь я должен спрятать

неудачу Малфаллакса и Штеля... и свою?

- Я...

я не ...

- Молчи! - Проревел Гаранг, -

Я единственный выжил.

Меня единственного можно обвинить!

Так же быстро как и возник, гнев Магистра войны улетучился.

- Принеси мне мой саван смерти.

Мне он понадобится.

БЕСФОРМЕННАЯ реальность варпа могла свести человека с ума при взгляде на нее.

Пенящаяся масса чужеродных энергий презирала разумы органических жизненных форм.

Это был сырой пейзаж из взвихренных эмоций, пики и впадины вырезанные из кошмаров.

В маленьком закутке империума, во взболтанном и непознаваемом аду было логовище жуткого Малфаллакса, крики и вопли гнева

построили клетки ненависти из психоактивной материи.

Развоплощенное сознание демона было изранено жестоким разъединением связи с телом-хостом Шмеля, оно кричало и завывало от

боли в бесконечный безутный вид.

Его неистовая ярость будет потеряна на неисчислимые века - но в варпе время не имело значения и корреляции с другими

реальностями.

Придет момент когда Малфаллак успокоится достаточно чтоб начать строить планы мести одинаково тонченные и великие, лелея

свою злобу, которую мог вместить только совершенно не человеческий разум.

Его гнев был направлен на единственного человека, на единственное существо, которое привело его сложные интриги к гибели.

Однажды Мафлфаллак получит свою расплату и каждый Кровавый Ангел заплатит в тысячу раз больше за поражение демона от руки Рафена.

...